
ГЛЕБ КОВЗИК

ДРЕКАВАЦ

Глеб Ковзик

Дрекавац

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70318021

SelfPub; 2024

Аннотация

Двадцать второй год после битвы под Проклятым городом. Гибель Верховного Лорда из Абсолюта положила конец мировой угрозе. Но в королевстве, несмотря на победу над злом, тяжелая смута: распад на несколько княжеств, великий город Выш в руинах, последователи Тёмной церкви изгоняются отовсюду, а люди бегут от нашествия гоблинов...Поползли слухи, будто источник, питающий древнюю энергию телепортации, иссяк. Кто-то остался запертым между землями, и даже сил Академии магии недостаточно, чтобы восстановить прежний порядок. Лишь тайная руна на древнем артефакте, согласно легенде, способна возродить магическую силу. Кому выпадет участь найти эту руну?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	65
Глава 6	82
Глава 7	101
Глава 8	127
Глава 9	140
Глава 10	153
Глава 11	175
Глава 12	191
Глава 13	206
Глава 14. Часть I	225
Глава 14. Часть II	240
Глава 15	256
Глава 16	270
Глава 17	285
Глава 18	300
Глава 19	317
Глава 20	336
Глава 21. Часть I	352
Глава 21. Часть II. Финал	365

Глеб Ковзик

Дрекавац

Название: Дрекавац

Автор(-ы): Глеб Ковзик

Ссылка: <https://author.today/work/316940>

Глава 1

Акт I

Глава 1

– Ну здравствуйте, касатки, – сказала Атропа выжившим, громко сопя от перенапряжения. Из-под стола, стряхивая с себя еду и зелень, вылезла молодая девушка в балахоне. Её сильно трясло от испуга.

Мужчина с мечом прошелся по каждому трупу. Вся таверна завалена гоблинами, что пытались взять присутствующих внезапным набегом. Черепки от глиняной посуды хрустели под сапогами мужчины, помидоры лежали сплюсненными на полу, в пылу драки разломали огромную тыкву – золотая мякоть провалилась внутрь плода. Мечник, удостоверившись в безопасности, помог девушке сесть, а сам исподлобья взглянул на трактирщицу, ожидая от неё реакции.

– Здравствуй-здравствуй. Жива, здорова? Как вовремя мы к тебе заскочили, маман.

Тавернщица, разглаживая фартук, засмеялась:

– Брось чваниться, это вы счастливичики! Не будь моей таверны, что бы вы делали сейчас? Мика, Люба! Выходите, всё закончилось.

Приоткрылся деревянный люк, из него выглянули двое: рослый юноша и маленькая девочка, оба с ножом в руке. Без всяких приказов они молча принялись убираться в зале.

Трупы гоблинов стаскивались к выходу, грязный, испачканный кровью и мусором пол смывали водой из бадьи; девочка собирала предметы в корзину, сортируя битое от целого, а юноша бросил несколько поленьев в очаг. Пламя потихоньку набралось, и в трактире стало тепло.

Девушка, укутавшись в балахон, смотрела на это в немом ступоре.

– С боевым крещением, – сказал ей мужчина с мечом.

Но девушка лишь промычала в ответ, стуча зубами на весь зал.

– Вас двое? – спросила Атропа.

– Не-а. Отец Рудольф сторожит снаружи.

– Так пусть заходит, они дважды за один день не нападают.

Милости прошу.

Мужчина с мечом хмыкнул.

– Папаша, заходим! – прокричал он во дворе. – Будут привечать водой и едой.

Была холодная осень, и потому приближавшийся вечер быстро настиг лес. В маленьких окошках гасло солнце, а сын трактирщицы всюду зажигал жировые свечи. Девочка накрыла стол простой едой. Тела, пока совсем не стемнело, вынесли за частокол и бросили в выгребную яму; девушка, пришедшая в себя, произнесла над ямой не то речь, не то молитву. Стоило девушке уйти, как усмехнувшийся мечник плюнул на мертвых гоблинов и взялся за лопату.

Атропа, выйдя во двор своего трактира, увидела отца Ру-

дольфа – полноватого человека в рясе с накидкой поверх, грязной от долгой дороги. Священник словно боялся пройти внутрь, стоя в тени ворот.

– Здравствуй, отец. Я женщина простая, но у меня заведение из приличных, святоши на ночлег остаются и жалоб никаких. Зайдете?

– Ну, хорошо, – сказал священник, пройдя внутрь.

Атропа тотчас закрыла на засов главные ворота.

Поначалу путники ели молча, только трактирщица тараторила «ешьте, ешьте», но терпеливо ждала интересных историй. Дети трактирщицы сидели на стульях и баловались. Казалось, что ко всему происходящему они давно привыкли, смертью и боем их не смутить, в отличие от молодой девушки в балахоне.

– Ешьте, ешьте. С вежливостью не шибко знакома, но спасибо вам скажу. Мой дом – ваш дом. Моя благодарность за сегодняшнюю выручку будет щедрой. Хорошо, что оказались рядом. Нет, я сковородой их всегда побиваю, гоблинов поганых, но сегодня их многоватенько было... ещё чуть-чуть, и всё. Ну, касатки, рассказывайте, кто вы? В аду гореть будем, до сих пор за день по именам не познакомились.

– Знакомься. Я Маркус, вольный боец и мечник. Это Брасика, выпускница Академии магии. Она же нас наняла для охраны. А это отец Рудольф, священник и мой старый друг, почти родной папаша.

Трактирщица удивилась.

– Так вы пилигримы?

– С чего вдруг? – спросил Маркус.

– Тогда откуда и зачем здесь?

– Она интересуется, не последователи светлой церкви ли мы, – ответила девушка в балахоне. – Нет, госпожа, не пилигримы. Мы прибыли из Эйны. Я наняла этих мужей, чтобы выполнить поручение, данное мне профессором Яколином.

– Кто это? – спросила Атропа.

– Он возглавляет Академию магии с тех пор, как наш герой победил Верховного Лорда.

– Что за поручение?

Брассика смутилась. После затянувшегося молчания слово взял мечник:

– В этом лесу появилось гоблинское племя, опустошающее всю округу. Они захватили все земли на севере, разоряют деревни и нападают на Данар.

– Три года как! – усмехнулась Атропа. – Очнулись вы, однако!

– В Академии магии считают, что это дело рук королевы-гоблинши. Мы пришли свести счеты с ней раз и навсегда.

– Не думаю, что полезно рассказывать такое... – пыталась вставить девушка.

Трактирщица, помолчав секунду, засмеялась. Вслед за ней засмеялся и Маркус – его молодое, но с выраженными морщинами лицо было светлым от сияния свечей. Брассика же окончательно сконфузилась, сжалась в комок и принялась

грызть сыр. Священник, сидевший в углу с увешанными на веревке пучками сухих трав, покрытый тенями, бесконечно смотрел куда-то в одну точку.

– Так вы бродяги, видать, бобыли несчастные. После смуты множество таких в Брильянтовом лесу. До чего же охочи бродяги на всякую чепуху! Лишь бы не работать.

– Не-а, не бродяги мы, – ответил мечник.

– Почему нет, Маркус? – послышалась речь из тени. – С чего начался наш путь? У нас дома нет, очага своего нет, странствуем последние полгода от одной лачуги к другой, беремся за простой труд...

Мечник скрестил руки на груди.

– Каждому человеку нужен родной уголок, – продолжил священник. – Я должен спросить у вас, Атропа, почему *вы* здесь, в столь небезопасном месте, да ещё одна и без мужа.

– Трактир мой, от мужа погибшего. Год назад гоблины зарезали его у самых ворот. Теперь это, как ты сказал, мой родной уголок.

Лицо Рудольфа прояснилось – он наклонился вперед, и свет горящей свечи открыл трактирщице расплывшееся лицо, расстроенный взгляд, повидавший многое, и блеск серебряной седины.

– Гнев богов велик. И добрых, и злых. Это мы уяснили двадцать лет тому назад. Надеюсь, твой муж обрел вечную жизнь.

Атропа промолчала.

– Мы здесь, добрая женщина, потому что у нас нет дома. У нас его отобрали. У тебя дом есть – этот трактир и этот очаг, в который бросает дрова красивый сын, и стол, на котором можно вкусить сыра и хлеба, есть дочка, достойная очарованием, хвала ей за труд, – священник посмотрел на девочку. Люба, подумав, что её просят уважить гостя, ответила ему скромным подношением – моченым яблоком из бочки.

Плод в старческой руке слегка дрожал. Священник созерцал его, чувствовалось, что он тщательно подбирает слова, его что-то терзало, и чем дольше длились эти размышления, тем сильнее дрожал золотистый и бугристый плод, тем больше тень набрасывалась на его лицо.

Он резко встал. Не вкушая яблока, отец Рудольф обратился к Атропе, глядя в её большие глаза.

– Без нас ты бы сегодня погибла. Мы появились в самую нужную минуту, и руки Маркуса и Брассики помогли тебе защитить дом. Ты простодушная, но не такая глупая, чтобы прийти к истине. Не будь нас, твои дети пали бы от темной магии шамана гоблинов, их съели, а кости бросили на поругание птицам...

– Хватит злоязычить! – пригрозила Атропа.

– Хочу поведать тебе нашу историю, – не останавливался священник. – Когда-то давным-давно я получил сан и стал служить церкви. У меня был дом. Маркус, верный присяге, исправно служил Вышу. И у него был дом. Брассика дочь купцов из Выша. У неё тоже был дом, настоящий, не тот, что

сейчас.

Ты считаешь, что мы нищие, и это правда. В последний раз я держал золотую монету, когда расплачивался с ростовщиком за хлеб и воду в Данаре. Славный город, жаль, что погряз в тех же пороках, что родной Выш. Год провел в странствиях по северным пустошам, помогал рудокопам и восстанавливал порушенное после великой войны. Ты считаешь, что мы бродяги? Верно, я с Маркусом жил в городе, погибшем от рук бандитов и нашествия гоблинов. Мы бездомные, в отличие от тебя. Но ты считаешь, что мы слабы. Вот тут ты не права.

Священник сел за стол, подобрав подбор рясы. Атропа расплылась в улыбке:

– Стражник, не защитивший свой город, священник, лишившийся храма, и девочка-магиня, во время боя прячущаяся под дубовым столом.

«Какой позор, – сказала себе Брассика, услышав эти слова. – Что обо мне теперь подумают мои слуги?»

– Эй! Я крови пролил много за Выш, не желаю слышать таких упреков. Знала бы ты меня раньше. Был лучшим мечником города, со мной сравнится лишь капитан стражи Эйны, – заявил Маркус.

– Кем был... кем стал. Кто ты есть сейчас? Это важнее всего, – ответила Атропа. – Я вижу перед собой бродяг, но не воинов. Втроем вам не справиться, гиблое дело.

– У меня есть план, – сказала Брассика.

Трактирщица даже голову не повернула в её сторону.

– Послушайте же меня. Мне известно это племя гоблинов.

– О, надо же. Ну, касатка моя, расскажи да покажи, чем будешь бить огромное племя гоблинов?

– Нам не нужно сражаться со всем племенем, – ответила Брассика. – Это гоблинское племя магии костей. А я училась магии костей! Королева гоблинов, вот кто нам нужен. Победив её, гоблины рассеются по округе. Тогда все будут в выигрыше. Маркус и отец Рудольф вернутся на родину, а вы получите покой и защиту в Брильянтовом лесу.

– И как же вы доберетесь до неё, до королевы?

– Мы подберемся как можно ближе к её хоромам. Это не так сложно сделать. Гоблины предпочитают ставить шатры на холмах, а их разведчики стоят за пределами племени. Пройдем вдоль реки, а потом между холмами выйдем по низине до главного шатра. Один день пути по реке, ночь в лесу, на второй день разведка лагеря, и той же ночью вылазка.

– И всё? – спросила трактирщица. – И всё ваше поручение от гильдии магов заключается в том, чтобы убить королеву?

Маркус захотел было сказать, но его прервала девушка: «Простите, но поручение принадлежит мне».

Мика бросил полено в очаг, оно затрещало и застреляло искрами. Ночи становятся холоднее, заметила Атропа, втирая чеснок в краюху хлеба. Маркус зажевал сыр, который оказался до того пахучим, что у Брассики невольно потекли слёзы.

– А где же твоя хваленная магия? Касатка моя, разве можно отправляться тебе на такое дело?

– В Академии магии я лучше всех разбираюсь в трактатах магии костей, – ответила магиня.

– Ну, конечно. Не зря же твоя костлявая пятая точка вылезала из-под стола, пока я и Маркус разбирались с гоблинами.

Мечник прыснул в кулак.

– Я... растерялась! Всё случилось внезапно: открыла дверь, а тут стоят уроды с золотыми серьгами в носу и ушах, и вы, вставшая на стол со сковородой, бросавшаяся на каждого.

– Так что же ты сделаешь против гоблинского племени, коли теряешься в бою?

– Кости против костей.

– Это как?

Брассика уверенно заявила, что наложит костяную броню на всех.

– Это как? – повторила вопрос трактирщица.

– Простое заклинание. С его помощью мы защитимся от костяных копий и черепов. Самые опасные гоблины из шаманов, разведчики и воины не несут большой угрозы.

– Так как? Как ты сделаешь заклинание?

Брассика опешила.

– Ты же испытывала в бою?

Атропа, после затянувшегося замешательства девушки,

попросила показать заклинание. Юную магину пробрало гневом от насмешки.

– Нет, касатка, это дело для взрослых. Вот подрастешь, научишься премудростям, тогда может и пойдешь геройствовать. Как тебе могли поручить смертельное поручение? Тут мужики-богатыри нужны, а не школяры.

– Не ваше дело, зачем мне поручили. Я готова заплатить за ночлег меня и моих спутников.

– Спасибо, не надо, – отмахнулась тавернщица. – Вы помогли мне сегодня. Поднимись по лестнице, комнаты готовы.

– Благодарю, – Брассика, явно обиженная, встала из-за стола и отправилась в комнату. – Спокойной ночи всем.

Маркус и Рудольф остались с тавернщицей. Наступила тишина. Мика зажигал новые свечи, а Люба играла в куклу. Огонь в каменном очаге горел хорошо, крепко; угли, красные и желтые, мигали и грели воздух. Маркус, съев весь сыр на столе, принялся поедать моченые яблоки. Атропа прервала молчание:

– Сколько ей?

– Четырнадцать, – тут же ответил Маркус.

– Мне кажется, ей шестнадцать, – заметил священник.

Атропа засмеялась.

– Вы, бродяжий народ, очень странный. Повелись на какую-то девчонку со звонкой монетой, записались на смертный бой, гуляете по Бриллиантовому лесу... Хоть платит мно-

го?

Маркус показал дважды растопыренными пальцами сумму.

– Всего-то?

Мечник пожал плечами.

– Словно нам есть что терять, маман, – ответил он.

– Не ради денег мы, не сребролюбием занимаемся, – сказал священник.

– Ради чего же?

– Я соскучился по дому, честно. Жил я в Выше, жил да не тужил, пока не напали бандиты. Всё бы ничего, разобрались мы при помощи одного известного героя из Эйны, но через год на нас напали гоблины. Так и не стало моего дома. Сгорел в пожаре.

– Так построй себе новый, – парировала Атропа.

– Ну, женщина, легко говорить. Я в детстве по Вышу голубей гонял. Почему мне нужно отказываться от родной земли?

– Ради семьи, наверное?

– Но вы, Атропа, не продали таверну мужа, – заметил священник.

– Да, сердцу тяжело отказываться.

Священник довольно улыбнулся.

– Но это другое, – Атропа возмутилась.

– Почему?

– Это не наша родина. Мы жили в глуши Брильянтового

леса, а переселились от того, что на мой народ нападали гоблины. И язык пришлось выучить. А вы, похоже, авантюристами заделались. Живете прошлым, настоящего не видите. Вот и решили найти смерть. Неправильно это.

– Вот заноза этот гоблинский народ, да? – Маркус бросил огрызок в тарелку.

– Позволь спросить, Атропа, а кто вы? – спросил удивленный священник. – Знаю, что в глуши Брильянтового леса живет один народ... Кажется, что ваш народ древнее, чем наш.

– А вы ещё не поняли? – рука трактирщицы сдвинула прядь рыжих волос в сторону, показав острое ухо.

– Невероятно. Но как же вы тут живете?

– Да никак, живем и всё. Крутимся, но не показываемся лишний раз. Свыклись, наверное, – ответила Атропа.

Помолчали. Дети отправились спать. Маркус подкинул ещё одно полено в очаг. В душе он соглашался с трактирщицей: «Записались от отчаяния, потому что так дальше жить нельзя». Гоблины слабые и глупые, они становятся опасными только тогда, когда среди племен возникает фигура вождя. Если вождя не станет, гоблины покинут эти земли, разбредутся в страхе по пещерам. Тогда вернется мир на землю; его славный город Выш восстановит былое величие, а стыд, нанесенный его падением, исчезнет.

– Пошли с нами, – сказал он Атропе.

– С чего бы вдруг?

– Он прав, – поддержал священник. – Наверное, это судьба, что мы повстречались в этом лесу, полном несчастья и зла.

– Да с чего бы вдруг? – повторила тавернщица.

– Мы должны попробовать. Втроем не справимся, девчонка слабая. Но вчетвером сможем. Осилим, я уверен.

– Так разве я похожа на воина? – удивилась Атропа.

Маркус угукнул.

– Не каждый способен бесстрашно драться с шайкой гоблинов!

Атропа уставилась на мужчин. Маркус словно заигрывал, в нём пробудился азарт, который возникает от чувства скорого путешествия; Рудольф-священник, сидевший напротив трактирщицы, испытывающее всматривался в неё, будто ища что-то. Его взгляд на фоне свечей и огня очага прояснился, он стал бодрее и на лице появилась толика улыбки. И Маркус, и Рудольф понимали, что вчетвером попытаться одолеть королеву-гоблиншу можно, да ещё с крепкой, воинствующей трактирщицей.

Сердце Атропы волновалось. Её ум потянуло к старым местам, и хотение глазком взглянуть на родную глушь Брильянтового леса, где человеческая нога ступала только по известным тропкам, становилось невыносимым: А может, правда согласиться? Тогда и к трактиру не пристанут, и народа добавится, того гляди, отправлю Мику и Любу обратно в зелёную чашу... Но кому оставить хозяйство? Кто останется с

детьми? И что делать, если сама не выживешь?»

– Вы, братцы, безумны... – сказала она, вздыхая. – Да разве ж я оставлю детей?

– У вас бывают дяди, тётки? – спросил Рудольф.

– Бывают, конечно. Но отправить к ним не удастся. Это ж на север, к горе Штогово отправить придется.

– Может, папаша, ты договоришься со своими братьями по вере? – мечник по-дружески положил руку на плечо Рудольфа. – А? В Данаре найдется постель для двух детишек?

– Возможно, – произнес с сомнением священник.

– Мне не надо возможно, мне надо железно! – хлопнула по столу трактирщица. Священник в страхе заморгал глазами. – И мне нужна доля в золоте.

– С девчонкой об оплате, так и быть, я поговорю, – сказал мечник.

– Сможешь убедить?

– Думаю, смогу. Так что, ты согласна? – Маркус протянул навстречу Атропе свою руку.

Глава 2

Они плыли по реке вдоль берега Бриллиантового леса, и крепкий запах хвойной смолы смешивался во влажном утреннем воздухе. Лодка качалась на волнах, деревянный нос постоянно толкало к берегу, и это заставляло гребцов работать усерднее.

Брассика периодически оглядывалась. Позади остался город Эйна, а вместе с ним и любимые ей люди и воспоминания. Грусть пришла в душу только тогда, когда девушка обнаружила себя в тени неизведанного: до этого дня ей никогда не доводилось быть в глубине лесов под Данаром. Честные родители из мелких ремесленников отпускали из Эйны только в сопровождении братьев, а они, за неимением острого ума и тяги к путешествиям, ходили только в соседний город по разным поручениям.

Лишь сбежав из дома, когда ей было тринадцать и было велено пойти в жены, Брассике удалось постичь миры, полные чудес. Первым чудом для неё стала свобода. Ничто более её так не удивляло после, как открытие в себе воли. Это вдохновило девушку на свершение подвигов – казалось, что это превзойдет прежние чуда.

Рядом сидевшая трактирщица громко вздохнула. Как и юная магиня, она раз за разом оборачивалась, ища на песчаном берегу силуэт давно исчезнувшего трактира.

– Грустно? – спросила Brassика.

– Страшно, касатка. Очень страшно. Бросила детей, что я за мать...

– Волноваться не нужно.

– Не нужно, – передразнила трактирщица.

– Отец Рудольф написал для твоих детей письмо, с ним они поселятся в монастыре, вот увидишь.

– Всё верно. Пусть мольба дойдет до бога и братьев моих, – подтвердил священник.

– Да, мама, всё будет славно! – громко сказал Маркус. – Твои детки спокойно доберутся до Данара за этот день, ещё солнце не спрячется за горизонтом. Зато представь, что заживёте по-новому, когда мы разберёмся с нашей напастью.

– Ага-а, – протяжно сказала трактирщица.

Brassика попробовала посмотреть ей в глаза, но та отстранилась, вперив взгляд в воду. От трактирщицы с самого начала пути, как только утром Мику и Любу послали в город на лошадях, веяло чуждым морозом; видно, как прикипевшее к трактиру и детям чувство не отпускало её, и человек одной ногой в лодке, а второй – всё ещё дома. Да и согласие женщина дала скрипя всем сердцем. Винить её не за что, лишь бы не мешала и помогала. Если кого и винить потом, то Маркуса, всю ночь пылко убеждавшего девушку, что взять трактирщицу ну просто необходимо...

Поняв, что её сочувствие не требуется, девушка тоже ушла в себя.

Где-то рядом заигравшаяся рыба плеснула хвостом. По берегам навалились каменные валуны, с верхних веток взлетали черные птицы. Гребцы пыхтели. Подул крепкий ветер, и лодку стало заносить всё сильнее. Девушка укуталась в балахон.

– Жаль, что ты не учила магию воздуха! Так бы попутный ветер нам подарила, – сказал Маркус Брассике, с натугой напирая на весло. У его ног лежал меч, от волнения на воде металл звенел. – Или магию огня. Хоть согрела б нас! Ан нет, лучше магию воды, поплыли б как лещ!

– Глупец, – проворчал священник, тоже работавший веслом. – Греби лучше, не болтай, а то устанешь.

Но Маркус не унимался. Ему было приятно помечтать о возможностях, которых у него нет; магия представлялась ему несправедливо легким усилием, в отличие от искусства владением мечом, на что он посвятил все юношеские годы. Брассика и так чувствовала презрение к тем, кто постиг магию, но от Маркуса пренебрежение шло величайшее. И сейчас, подтрунивая над девушкой, мечник сквозь рыжие усы бросал одну за другой шутки про волшебников и волшебниц, умеющих то, что никогда в трудную минуту не находится нужным.

– Эх! Брассика, расскажи, чему вас учат в великих заведениях? Поделись с нами тайным знанием, а то скучно стало. Вот у меня школа была простая – это двор, чучело да старый стражник из Эйны.

Магиня никак не отреагировала. «Если я позволю слуге так обращаться со мной, что же будет дальше? – подумала она. – Со священником, как ни странно, у меня проблем нет, сидит себе тихо, а с рыжим нужно что-то делать. Да, он старше и владеет мечом, держит под защитой и чувствует себя мужчиной. Но я всем плачу, меня должны слушать, мои приказания должны исполняться, мое поручение нужно выполнять. Что же тут непонятного?».

– Как скоро мы доберемся до притока реки? – спросила Брассика.

– Да пока идем потихоньку, к концу дня доберемся, – ответил Маркус.

– Почему к концу дня? Почему так долго? Я надеялась, что выйдем до полудня.

Маркус засмеялся.

– А не слишком ли? – заметил он.

Священник сказал примирительное, весь пыхтя от работы: «Если будет благоволить бог, то и путь окажется кратким».

– Вы мне заговариваете зубы, – со злобой ответила Брассика. – Плохо работаете. Опаздывать нельзя.

Маркус негодуя прекратил грести. Рудольф же, не заметив сразу, ещё сделал пару гребков, пока не остановился, из-за чего лодку повернуло в сторону. Мечник, красный и нахмуренный, пытался, по-видимому, подобрать легкое слово, но тянуло на крепкую брань. Атропа ждала. Рудольф

делал воздухом порывистое «фих!», потирая морщинистый лоб рукавом.

– Куда же мы так торопимся? – спросил Маркус.

Вдруг брызг воды окатил девушку. Это была рыба, выпрыгнувшая у самой лодки и по несчастью упавшая под ноги. Брассика закричала, увидев щучью пасть, нацелившуюся на её сапог; трактирщица загоготала у самого уха девушки и легонько, как будто из шалости, подпинывала щуку поближе к ней. Маркус закричал «не упусти!», а Рудольф, весь распарившийся, перенапрягся с веслом и горел румяным. Щучья пасть наконец-то нашла свою жертву, уцепившись за штанину Брассики. От хаотичных перемещений лодка закачалась сильнее и намеревалась перевернуться. Маркус, не вставая, веслом шлепнул по спине Брассике, от чего она тут же усе-лась обратно, затем резким и коротким ударом контузил щуку.

Рыба замерла. Все затаили дыхание, ожидая. Маркус ещё раз ударил веслом.

– Щука отдала душу богу, – сказал священник. – Вот и славно, будет ужин.

– Как смеешь ты бить меня? – Брассика, чувствуя себя униженной поступком Маркуса, попыталась выдернуть весло из его рук, но тот, секунду опешивши, не поддался. Лодка снова закачалась. Рудольф попробовал унять, неудачно протиснувшись между сцепившимися – в лоб влетели рукояткой весла, он заныл от удара.

– Ох! – крикнул священник, схватившись за быстро набухающую шишку.

– Как смеешь ты? – Brassика повторилась. Маркус молча сопротивлялся, не отпуская весло. Усы его, казалось, стали ещё рыжее. Борт резко качнулся вправо, и тело девушки вместе с лодкой накренилось; потеряв равновесие, Brassика с криком рухнула в реку.

Сапоги, набравши воды, потянули её на дно; пытаясь вынырнуть, она поочередно стянула их с ног, но силы покинули, когда пальцы почувствовали вязкий ил под собой, тело поразило судорогой от нехватки воздуха. Водоросли колыхались и прикасались к Brassике, как шершавым языком бурозелёные листья облизывали её руки и лицо.

Потемнело в глазах.

В воду кто-то прыгнул, грубо обхватил девушку и понес наверх, к солнцу. Первый вздох оказался столь желанным, сколь и болезненным, отплевываясь и кашляя, Brassика беспомощно бултыхалась и разводила руками в попытке удержаться на плаву.

– Берись! Берись за весло! – крикнули из лодки.

Энергично вытянули сначала девушку, потом её спасителя.

Они лежали и часто дышали, тряслись от холода и пробовали чем-нибудь укрыться. Brassика подняла голову и увидела над собой Рудольфа, цокавшего языком, Атропу, распившую от негодования, и Маркуса, мокрого и рыжеволо-

сого с головы до пят. Говорить ей ничего не хотелось. Благодарить тоже.

– Так дальше плыть нельзя, – сказала трактирщица. – А ну, братцы, взяли курс на берег.

Никто не воспротивился её приказу. Взявшись за свободное весло, она вместе со священником принялась работать, под ритмичное: «Р-раз, два, р-р-раз, два...»

До берега добрались быстро. Лодку затащили по песку. Бриллиантовый лес здесь покрыт тёмно-зелёным и каштановым одеялами: ёлки сбрасывали иголки, а мелкие кустарники шуршали иссохшей листвой, при каждом дуновении ветра роняя её. Каменные валуны, округлые и в белую крапинку, лежали хаотично. Где-то кричала ворона.

– И что теперь? – спросила Брассика.

Ясно, что слуги ей таковыми больше не являются.

– Что-что, разобьем лагерь на ночлег. Дальше двинемся, как только обсохнем.

– Сохнуть будем до утра?

– Да.

– Так не пойдет, – возмутилась Брассика. – У меня по плану добраться до гоблинского лагеря за день.

– План будем менять, – жестко заявила Атропа. – Действовать по-старому мы не станем.

– Я хочу...

– Мало ли что ты хочешь! – крикнула Атропа. – Послушай, касатка: мы проплыли несколько миль и устроили мор-

добой, скажи, ради этого я согласилась бросить своих детей? Ох и сели вы мне на уши тогда в трактире. Губить свою жизнь не намерена, а ты ещё мала и должна набраться опыта, прежде чем командовать.

Маркус и Рудольф молчали. Священник припал к большому камню, не глядел ни на кого, только скрестил руки на груди в ожидании. Маркус выжимал мокрую одежду. Брассика не пыталась искать в них поддержки – ей думалось, что последние дни унижений опорочили её, и никакое золото теперь не поможет. «На их месте я попробовала бы заколоть меня, а все ценное прибрать», сказала она себе.

– Ясно мне, что поспешили с подвигами, – продолжила трактирщица. – Нахрапом замок не возьмешь. А не то подохнем при первой стычке. Нужно разобраться, что и кому суждено

– Не согласна я с такими правилами, – сказала Брассика в отчаянии.

– Тогда прочь от нас. Прочь.

Чувства одиночества и несправедливости нахлынули на девушку. Подбоченившаяся Атропа выглядела грозно, как валун рядом. Брассике осталось признать, что о деньгах никто из её слуг не думает, в командующие не годится и шантаж её не удался – пойдут и без неё.

Она очень слабым и надломленным голосом произнесла: «Ну хорошо...»

– Так-то, – удовлетворенная ответом трактирщица при-

казала помочь ей разбить лагерь. Кто в лес по дрова, кто с ножом к щуке. Солнце двигалось на запад, крася небо в жеманный розовый. Глаза Брассики выискивали признаки гоблинов, но ничто не выдавало их присутствия. Воздух чист, тогда как гоблины всегда что-нибудь смолят, коптят и обжигают. Нет костей, нет утвари, нет ожоговых следов пламени на стволах деревьев: лес тут чист, девственен от троп и вырубок. Нет развешенных, как зелень на потолочной балке, талисманов, нет столбов с резьбой, с изображением на них грубых фигур птицы.

Вечером все собрались у костра. Вещи пропахли супом и горящими дровами. Слуги шутили и вели разговор, но отчаявшаяся Брассика страдала: ей всюду мерещилось бесчестье.

«Как же быть? – думала она. – Они никогда больше не послушаются меня. В их глазах я упала в бездну. Я ничего не могу, а плата золотом их больше не влечет. Какой же подвиг совершу в одиночку?».

– На, поешь, – Атропа поднесла чашу с ухой Брассике. – Ешь, а то расстраиваешь меня. Сражаться кто будет, если окажешься голодной?

Брассика неохотно, не поднимая взгляда с поднесенной чаши, взяла её.

– Спасибо.

Трактирщица, прислонившись спиной к камню, завела разговор:

– Коли я вам ещё не подруга, а так, знакомка и спутни-

ца в дороге, хочу рассказать одну историю. В лесах, откуда родом мой народ, раньше только её и знали, потому и жили дружнее.

– Зачем? – спросила Брассика.

– В истории мы находим ключ от запертой двери. Иногда, чтобы в неё не ломиться, нужно подсмотреть, как с этим справились наши предки, – заметил Рудольф, макая хлебный мякиш в свою чашку.

– Может, обсудим сначала завтрашний день? – воспротивилась магиня. – Буду рада послушать сказку, заботит только, что мы не приступили с пылом к тому поручению, за которое вы взялись помочь исполнить.

– Ты послушай её, эту историю, а потом решишь рассказать о завтрашнем утре. Может, ты поймешь, с какой стороны нужно взяться за дело, – ответила трактирщица. Атропа начала рассказывать.

– Жил-был один король, которого однажды избрал мой народ, мечтавший только о том, как бы принести счастья в свое королевство. Говорил он своим вельможам, и они кивали ему в ответ: «Как бы сделать мое королевство счастливым?»

И всё было в этом королевстве ладно устроено, да только мешало, по мнению короля, одно явление – напасть драконья дерзила устремлениям короля. Змеи огнедышащие, недовольные делами королевскими, опустошали леса, посевы, травили реки и озера, пожирали наших чад. Пригласил

он придворного мудреца, стал спрашивать, как же победить чудовищ и сделаться ещё счастливее?

– Мой господин, велите войску вооружиться, купите ему самых лучших доспехов и скорпионов, да стрел из человеческого металла, и отправьте войско в пещеру.

– Но нет у меня столько золота, чтобы исполнить всё, что ты придумал, – смутился король.

– Победят наши храбрые воины всех змей – если пообещаете им сказочных богатств после битвы.

Король прислушался, отправил гонцов по лесным деревьям с призывом собрать всех воинов с обещанием выдать после победы все богатства чудовища; прислал купцов к людям, и те сковали лучшие мечи и доспехи, соорудили скорпионов из нашего самого прочного дерева, передали люди нашему народу большие стрелы с острыми, как этот нож, наконечниками, – Атропа покрутила перед всеми своим тонким и нешироким ножиком, огонь костра играл на серебряном лезвии. – И выступил король перед своим войском: «Обещаю, что вы будете богаты, как князья мои, а дочери ваши станут принцессами! Идите и осчастливьте меня»

Наш народ любит послушать пылкую речь. Возлюбил он золото и сердцем его повелевала алчность. Шло войско через лес, речки и холмы, пело песню, как сын простого лесника удостоился короны на голове...

Наконец, встретились войску змеи в проклятой пещере.

– Зачем пришли вы? – в один голос требовали ответа дра-

коны. – Разве не сказали мы вашему королю, что не желаем видеть вас?

– Пришли убить вас, проклятые вредители, – ответили воины.

– Чего ради?

– Золота и серебра ради!

– Нет здесь ничего, обманули вас.

– Проверим!

Три дня и три ночи шел страшный бой: многих поразил яд драконьего дыхания, сгорели воины в пылающем огне и искрах. А сколько разметали стрел! Пещера оцетинилась от них и прибитых ими змей, которым тут же отрубали голову...

На утро четвертого дня показалось, что драконы побеждены. Испачкавшиеся в крови, ходили они по пещерам, терялись и погибали. А те, что выбрались из змеиного гнезда, вернулись домой, и взяли они осадой замок короля.

– За что неправду сеешь ты? – вопрошали они, круша королевские башни одну за другой.

– Ах, если бы не ты, то живы были мои сыновья! – восклицали потомственные отцы, стреляя из скорпионов по окнам замка.

Король с сердцем, охваченным ужасом, взмолился к мудрецу: «Что делать будем?». А мудрец только пожимал плечами:

– Мой господин, разве позволено слугам верховодить ко-

ролем? Пусть вы посеяли ветер, но и буря принадлежит вам!

Тогда король успокоился, принялся ждать, надеясь на удачу и амбары с едой и водой.

Удача обманула его.

Взяли приступом королевские покои те, чьи сердца приняли алчную любовь золота, и нашли они испуганного короля, схватили, отняли все драгоценные одежды и камни с тела, повесили его, а потом бросили в лесах тело. Долго лес не принимал короля, и путники в трактире ещё долго говорили: «Видел голого обманщика на дороге!». С тех пор корона потеряна, народ её искал, искал и потерялся сам, как и мудрец, по чьему совету случилась погибель.

Трактирщица закончила. Костер потрескивал от подброшенных дров, одно из них зашипело.

Брассика понимала, что рассказ дарован её особе.

– Что ж... – неуверенно сказала она.

Все уставились на неё. Взгляд священника после яркого света огня был светлым и чистым, у трактирщицы глаза блестящие, а брови играючи посмеивались, взгляд же мечника был суров.

– Что поняли вы, госпожа? – спросила трактирщица, с тонким сарказмом подчеркнув последнее слово.

– Что обманывать нехорошо.

Трактирщица усмехнулась.

– По-настоящему счастливы люди, если думают о счастье остальных. Вот почему я согласилась на путешествие. Мар-

кус и Рудольф отчаялись искать помощи, вижу в их глазах чистую отвагу. Они идут на бой свободными.

– И я иду свободной, – ответила Брассика.

Атропа на это замечание промолчала. Допив бульон, лишь сказала:

– И я, как Маркус и Рудольф, отчаявшаяся. Это нас сближает, желание помочь им с желанием выручить себя и детей из гоблинской напасти.

Настроение у Брассики, несмотря на горячее блюдо в желудке, вновь упало. Её слуги ещё долго ждали, когда она соизволит рассказать о завтрашнем дне, но хороших мыслей в голову не приходило, и даже показалось, что никакого плана на самом деле нет – есть авантюра. Не дождавшись, они занялись своими вещами.

Дежурить отправили священника. Он ушел в тень с мечом, прихватив факел. Трактирщица, немного поболтав с Маркусом, легла на бок и заснула.

Брассику оставили следить за костром, пока её не сменит Рудольф. Маркус извлек сушить кольчугу, присел поближе к огню, чтобы согреть руки и ноги. Всем видом мечник показывал недовольство, понять которого Брассика всё ещё не могла. Усы его сжались от обиды.

Трещал костер, угукала поблизости сова, плескалась об песок вода из речной заводи, и только двое, искоса смотря друг на друга, ткали полотно тишины. Наконец, когда терпение Маркуса иссякло, он с неприязнью сказал:

– А вы мне даже спасибо не сказали, – и он добавил после некоторой заминки: «Госпожа».

Глава 3

Ночной крик резко пробудил Маркуса. Схватившись за меч, он спросонья пытался разглядеть темноту.

Отец Рудольф кричал испуганно. Рядом его не было.

Пинком мечник разбудил Атропу с Брассикой. Первая тотчас приняла позу для боя, держа перед собой кинжал, а вторая как обычно растерялась и недовольно ворчала.

«Погодите-ка, да она уснула!», – возмущению Маркуса не было предела.

Снова крик отца Рудольфа.

– Где он? – спросила Атропа. До неё уже дошло, что со священником что-то случилось.

– Я могу пойти за ним, но что будете делать вы? – Маркус разрывался между другом и женщинами, одна из которых не вызывала у него доверия.

Атропа бросила Брассике нож, но та его не взяла: «У меня есть другое». Из сумки она вытащила дубовый жезл, мерцающий от медного камня.

Все замерли в ожидании. Крик дополнился едва заметным огоньком внутри леса.

Маркус дернулся вперед, бросив за спину «Буду быстр!». Атропа крикнула вслед, но мечник уже не расслышал. Ветки больно били в лицо, но он так спешил, что не боялся упасть и разбиться.

Огонек то появлялся, то пропадал меж черных стволов деревьев. Священник, показавшийся из-за ветвей, стоял с вытянутой рукой, держащей факел, на маленькой опушке леса. Мечом он прикрывал лицо, в безумном страхе молился и просил бога показать ему дорогу.

– Уходите! Уйдите, отправляйтесь к себе в ад, дьяволы!

– Отец Рудольф! Отец! Очнитесь, папенька, – Маркус осторожно держал за плечо священника.

Всякий истово верующий легко впадает в крайность. Так и со священником – привести его в чувство оказалось задачей не из легких. Маркус подумал, что Рудольф от испуга уверовал в какое-нибудь чудовище во тьме. Три грубых шлепка по лицу, и у папеньки прояснились глаза.

– А? Где я? – спросил он у Маркуса.

– Что ж, папенька, умеете вы пугать! Да разве на то вы пошли в поход, чтобы сгинуть в лесной чаще от рук ведьм?

Священник сконфузился. Покрутив в руке мечом, он сказал: «Это не ведьма меня привела сюда».

Маркус хотел было пошутить, что нравственная добродетель не коснулась желудка священника, но тут за спиной слышался рык, вернее множество рычащих голосов. На мужчин шла группа гоблинов с щитами и валашками, с явным намерением растерзать попавшихся. Один метнул костяное копьё – свист возле уха оглушил обоих.

– В бой! – крикнул мечник, срезав мечом первого гоблина. Тело рухнуло на пень, попробовало встать, но второй

удар меча довершил дело.

Двое гоблинов, взявшись за свои валашки, попробовали окружить и зарубить Маркуса, но на выручку пришел отец Рудольф: со спины ударив одного, он умеючи прикрылся от летящих костяных копий, свистевших по всей опушке. Ещё трое, издав воинственный рык, попробовали с разбега ударить валашками. Тогда Маркус встал в стойку, отбил первый удар и тут же заколол в шею врага; кровь из раны хлынула так сильно, что облила другого гоблина, от этого растерявшегося; меч священника ударил по черепу растяпы. С разбитой головой существо упало в предсмертной конвульсии.

Третий гоблин попытался бросить костяное копьё, но едва тот принялся читать заклинание, как Маркус пнул сапогом сухую торфяную землю, и грязные комья полетели в лицо клыкастому; поперхнувшись, его рука рефлекторно потянулась к лицу, мечник воспользовался шансом и легко, но энергично отнял у гоблина конечность.

Крича и кидаясь бранной репликой, однорукий сбежал от людей. Преследовать беглеца никто не стал.

Маркус повернулся к священнику – тот громко сопел, но выглядел молодцевато, словно вернулся в прежний вид. Мечнику даже почудилось: «Будь неладным это путешествие, но для моего друга оно оказалось полезным. Хотя бы вернулась та нужная для человека добродетель, без которой невозможно жить, чье имя мужество».

– Как вы, мой дражайший папёнка? – спросил он у ком-

паньона. Тот уверенно кивнул головой: «Будем жить!»

– Надо бы вернуться. Я оставил дам на берегу беспомощными.

– Бежим, – ответил священник. Вдвоем они побежали в лагерь.

Уже на подходе послышался звон металла и свист. Стоял яркий запах серы. Гоблины-разведчики обошли лагерь полукольцом, воткнули голубые факелы и, видимо, решили взять на измор: периодически каждый из них бросал костяное копье в сторону Атропы, которая уклонялась, как могла, несмотря на свою кряжистость. За её толстой и сильной фигурой стояла хрупкая, растерявшаяся и отчаянно трясущая жезлом девушка.

Мертвецкий голубой свет налился по всей округе, пахло не только серой, подумал Маркус, но и скорой смертью, железом и потом.

– Ну давай же! – кричала Атропа, не то гоблинам, не то беспомощной волшебнице.

Маркус приказал священнику обойти вдоль и напасть с края, тогда как он решил брать по одному с противоположной стороны. Гоблины слишком увлеклись извращенной игрой в метание костяных копий, получали удовольствие от того, что трактирщица чувствовала себя уязвимой, теряющей силы и неспособной под обстрелом атаковать в лобовую. Первых двух Маркус вырезал с легкостью, под покровом свиста и рыков, но третий, как и подобается всякому от-

родью, издал перед гибелью плачущий клич; многие гоблины тотчас повернулись к мечнику. Заметив чужака, они метнули залпом множество копий, которые вошли в тело умирающего сородича.

– Brass! Brass, мне нужна помощь, сделай же что-нибудь! – крикнул Маркус.

Девушка, заслышав мольбу, подошла ближе, насколько это возможно. В Маркуса полетело очередное копьё, от него удалось защититься мечом, но осколки посекали человеку правую щеку.

– Brass! Умоляю тебя, выручай!

На этот раз окрик подействовал – заклинанием магиня покрыла мечника вязью черепов, принявшихся сбивать каждое летящее в его сторону копьё. Это смутило гоблинов, явно не ожидавших, что человек будет использовать родную для их племени магию. Рука Маркуса заработала: удар за ударом она резала вставших в оборону гоблинов, разбивала их головы, кромсала их дубовые щиты.

Атропа, объединившись с Рудольфом, поджимала тройку гоблинов у кромки воды. Из леса пришла ещё подмога: проравшись внутрь, три гоблина ринулись к девушке, яростно загоняя в угол. Отбиваясь, она всё быстрее попадала в складывающийся для неё капкан.

– Рудольф, выручай девку!

Священник развернулся и ввязался в бой с тремя, от чего им пришлось отвлечься; бил он их со смехом, не буйствуя,

но умело напирая на каждого. Те быстро выдохлись и шаг за шагом отступали спиной к Брассике. С надрывным воплем она ударила одного из них жезлом в шлем: удар этот не был изящным, но очень удачным; потерявший равновесие гоблин только охнул на прощание.

Воинственный дух нападавших на лагерь резко сник. Они всё бросили, даже валашки, выдрали из земли голубые факелы и помчались в лес.

Люди, прерывисто дыша ртом, постояли с минуту кольцом. Огоньки факелов мелькали меж черных стволов, пока тьма не поглотила их полностью. Бой окончен, сказал Маркус.

Он обернулся, чтобы посмотреть, есть ли кто раненый: у Рудольфа оказалась изорвана туника, у магини, зажавши в руках мерцающий жезл, в глазах читался ступор, Атропа массировала плечо, недовольно кривясь.

«Завтра будет болеть», заметила она.

Тут-то Маркус заметил, как ноет его щека.

– Боже ж ты мой, касатик, у тебя там кости застряли! – сказала трактирщица. – Ну-ка сядь, сейчас обработаю. Кто-нибудь, посветите огнем.

Копья, которые метали гоблины при помощи магии, состояли из длинных трубчатых костей, прочных, но не тяжелых. При должной сноровке такое копьё пробьёт не только доспехи, но и тело жертвы. От метательных заклинаний гоблинов легко увернуться, но если попали, то быть беде. Мар-

кус, защищаясь мечом, сломал летящую кость: осколки полетели от лезвия в него, вонзились в щеку, ухо и по касательной прошлись по шее. Извлекая сколы, трактирщица омывала раны и делала примочки, обильно смачивая жидкостью из бурдюка.

– Довольно, не шипи, – Атропа повернулась к Брассике. Та стояла, как вкопанная. – Что с тобой не так, касатка?

– Отстань от неё, – сказал Маркус.

– Я держала защиту лагеря одна, разбила троим головы, а девка схоронилась за моей спиной. Ишь какая. Ты что, хотела, чтобы я сгнула?

Девушка промямлила, будто каша в рту застряла. К ней подошел священник, улыбающийся и довольный, хлопнул по жезлу.

– Одно могу сказать точно, она и правда владеет магией.

Атропа фыркнула – ей не удалось увидеть самолично. Маркус же лично испытал на себе пояс костяной брони. Брассика не солгала.

– Давайте отдохнем, пока утро не настало. Я посторожу с папаней, а вы досыпайте.

Они сидели у костра, их мечи лежали на расстоянии вытянутой руки. Лес более не шелестил и не двигался; река тоже замиралась, плеск её воды почти не слышался. Трупы ещё не окоченели. Перед тем, как присесть у костра, Маркус предосторожности ради прошелся по ним мечом.

Заря ещё только-только занялась. Утром, когда солнечный свет покроеет берег, он намерен обыскать тела. Но сейчас, без лишних свидетельниц, Маркус очень хотел поговорить с другом:

– Не хочу обижать, папаня, но моему сердцу страшно даже помыслить, что ты в опасности. Послушай меня, сколько мы знакомы? Ты видел меня ещё в прыщавых оруженосцах, а я видел тебя послушником у отца Доминика из Эйны. А сражения за наш любимый город? Я не я без этих битв. Но Выш потерян, наверное, навсегда, вот что мне думается. И с каждым годом разлука по нему становится всё призрачнее и туманнее. Может быть, ты передумал?

Когда мы встретились с Брассикой, она спрашивала у кузнеца про наемников, готовых на отчаянное дело. Помню, в каком отчаянии ты был тогда, а потом как ухватился за её поручение...

– А что же с того, Маркус? Дама предлагала золото, и много. Хватило бы на свой отряд, глядишь, порядок в Выше вернули, – ответил Рудольф. – И нет, не передумал. Что, не мечтаешь стать солтысом?

– Да нет, мечтаю, – признался мечник. – Глуп тот, кто не мечтает о чем-то большем. Но я не о себе сейчас говорю.

– О ком же?

– Про тебя. Ты поменялся натурой, я это вижу, от слепого не скрыть такую перемену. Тебя вгоняет то в тоску, то в отвагу, ты то речист, то нем, как рыба. Что случилось?

Рудольф, близкий друг Маркуса, промолчал.

– Я хочу напомнить, что мы дали обещание этой даме исполнить свой долг. Сердцу золото не льстит, как желание вернуться в родной край. Помню все твои истории о великом Выше, городе меж двух рек и трех озер, не знавшем бедности и страха. Я положил меч на колени даме, обет будет исполнен, и ты тоже положил свой меч, просил бога быть добрее к нашему путешествию. Но перемена твоя, она не добрая, чувствую это. Смогу ли в одиночку защитить дам и исполнить долг? Без тебя, без твоей поддержки?

Рудольф продолжал молчать.

– Скажи мне, откройся для меня, как я тебе открыл свои печали. Что гложет тебя? Это болезнь?

– Нет.

– Тогда что? Сомнению нет места на войне. Ты мой учитель и наставник, привязанность к тебе бесконечна. Объясни, может, не желаешь вернуть Выш?

– Почему ты так решил? – удивился священник.

– Но твои поступки... С самого начала пути ты сторонился боя, едва сегодня ты обнажил свой меч. Услышь, наконец, моя мечта – она *подаренная тобой*. Величию Выша быть, долг исполнится, а честь вернется, – Маркус достал узорчатый платок с надписью. – Но если сердце твое тяготеет от пути, если ты не готов стеречь мой покой, как покой этих дам, глупо отправляться дальше. Я всё пойму. Пообещай мне, что не бросишь обет?

Священник пообещал, что исполнит обет и будет оберегать компаньонов так же, как свою веру.

– Что до сегодняшней ночи... Почему так случилось? Почему далеко ушел, просил помощи, искал кого-то в темноте? Кого ты испугался?

Отец Рудольф взглянул на друга по-злому. Отстранившись от него, он сказал, что ничего не случилось.

– Как это, «ничего»? – удивился Маркус.

– Ничего, – холодно ответил священник. – Спи часок-два. Я посторожу.

– Но...

– Маркус!

Тонкая алая линия поглощала звездное черное небо. Наступало утро, по изрезанной щеке Маркуса безмолвно упала слеза.

Утренний осмотр Маркуса принес для всех благие вести. Во-первых, не нашел никакой пропажи. Во-вторых, лодка цела и вёсла на месте. В-третьих, припасы не порченые, а вода свежая. В-четвертых, что самое главное, никто всерьез не пострадал.

Далее, он прошелся по лесу вдоль берега, не уходя слишком глубоко в чащу. По каменным уступам ходить было тяжело, саднили раны на щеке, а поцапанную шею натирал воротник, но Маркус терпеливо осмотрел каждый закуток в поисках возможной опасности. Никаких засад. Никаких зана-

чек. Никаких знаков присутствия гоблинов.

Вернувшись, он вместе с Рудольфом собрал всё ценное с тел. Найденного было немного, и Маркус решал, какие вещи взять с собой, а какие схоронить в тайнике.

После сна компаньоны вспомнили о ночном происшествии. Но на свежую голову ссориться желающих не было: раз нет последствий, посчитали они, то нужно отпустить тревогу. Не было и тех, кто хотел упрекнуть Брассику – компаньоны убедились в её способности обороняться.

К ясному солнцу добавилась не по-осеннему теплая погода, в компании нагулялся здоровый аппетит.

Атропа готовила завтрак, зажарив на сковороде солонину с луком и картофелем. Брассика пыталась прибиться то к ней, то к мужчинам, но нигде не находила себе места. Её лицо, погруженное в тень от капюшона, выглядело озадаченным. Маркус жалел девушку, считал, что дамам нечего находиться в бою, а особенно таким, как Брассика; казалось, манеры, речь и общий нрав говорили о воспитании девушки в хорошей, если не в благородной семье, а вызывающая норовистость – следствие юности и свободы, надушенной в городском воздухе, где к рабскому домашнему затворничеству женщины относились одинаково порицательно и в Выше, и в Эйне, и в Данаре.

С другой стороны, благородные семьи своих девушек гулять по лесу не отпускают... Он смотрел на неё, и внутри него тяжким грузом падало неприятие: «Я не хочу прислу-

живать тебе, девка, не хочу и не буду».

– Brassика! Подойди сюда, помоги нам, – Маркус подпустил к разложенным вещам. – Что тут полезно для тебя?

На плоских камнях лежали ножи, валашки и короткие мечи, не расколотые дубовые щиты, подсумки с травами, костяные ожерелья и серьги, склянки и пара свитков.

– Ну что? – спросил Маркус.

– Погоди. Дай рассмотреть, – ответила она, заковырявшись в подсумках.

С берега крикнула Атропа: «Мальчики и девочки, пора кушать!». Однако все остались изучать трофеи.

Маркуса заботило оружие. Клинки из стали, топорики из стали, рукояти из добротного дерева, заточка не грубая, балансировка хорошей работы... Оружие без клейма и печати, без рисунков и зазубрин, характерных для гоблинского оружейника. Часто гоблин смазывает лезвие дёгтем или горным маслом, чтобы вызвать у жертвы множественные страдания и незаживающие раны, но эти предметы ничем подобным не выделялись.

Маркус присел, отобрал ножи и сложил их в свою сумку. Рудольф рассматривал ожерелья, пока Brassика не отобрала их для изучения. Впервые за долгое время она стала участливой, заметил мечник.

– Приятели, пора есть! – вновь крикнула Атропа.

– Ну что? – повторил свой вопрос Маркус.

– Странно, – многозначительно ответила магиня. С её го-

ловы исчез капюшон, оголив русые волосы, в тонких бледных руках то и дело вертелись склянки с жидкостью.

– А что странно?

– Например, зелья. Вот это банка с витальным зельем, – она аккуратно передала Маркусу склянку. – Я уверена, что её изготовили не гоблины.

– Разве гоблины умеют варить зелья? – спросил Рудольф.

– Рецепты гоблинских племен записаны Одбергой Мудрой. Алхимия древняя и неразвитая, а ингредиенты слабые и нечистые, без перегонки и сепарации. Именно это зелье никак не могло быть изготовлено гоблином.

– Почему? Ингредиенты не те?

Брассика откупорила склянку и поднесла зелье к Маркусу. Он втянул носом запах, затем потрогал свои усы в смущении.

– Что скажешь? – спросила магиня.

– Пахнет специей. И при этом знакомое, будто бы в речных доках пробовал похожее.

– Вот-вот! – девушка подняла палец вверх. – Такие травы выращивают только люди на юге от королевства. А покупают его только лавки алхимиков и наша академия. Кстати, зелье полезное от ран, выпей.

– Ты уверена? – насупился Маркус. Девушка отобрала склянку, выпила глоток и сморщилась: «Ох, какая ж крепкая настойка на черном листе!». Мечник засмеялся, взял обратно склянку и попробовал выпить, но тут же сплюнул.

– Да ты что, окаянная, это же яд! Как такое можно пить?!
Брассика пожала плечами.

– И ещё. Меня настораживает, что у гоблинов такие сильные зелья для восполнения чувств.

– А в чем проблема? Раз достали человеческие зелья...

– Не всё так просто, рыжик.

Мечник сначала смутился, а потом вызывающе скрестил руки на груди, дополнительно вытянувшись во весь рост.

– Поясни.

Брассика улыбнулась. Бледные руки откупорили бутылочку с бледной молочной жижой, похожей на кефир. И Маркус, и Рудольф тут же сконфузились и заморгали глазами, потому что от тонкого запаха в их глазах замутило.

– Дурман? – спросил священник, брезгливо прикрывая нос рукавом.

Девушка, к удивлению мужчин, выпила бутылочку до дна, вернула пустышку мечнику, а сама заиграла костяшками ружья. В её ладонях запрыгали искры, она что-то горячо воскликнула и метнула поток в сторону леса. Из его недр послышался шум, птицы полетели прочь, а кроны деревьев зашевелились; небольшой смерч возвысился над чащей, двигался то влево, то вправо, бросаясь костями наобум. Некоторые кости долетали до них, взрывались и били градом осколков.

– На нас напали?! – заорала Атропа.

– Нет! Брассика тренируется, – ответил сквозь шум Маркус.

– Понятно. Идите есть, стынет!

Наконец, смерч затих и кости перестали летать по небу. Брассика самодовольно улыбалась, её полуопущенные веки и мягкая дерзость на губах как бы говорили мужчинам: «Что, poznали мою силу?»

– Ну точно дурман! – воскликнул священник.

Маркуса удивило, что девушка способна на такое: до сегодняшнего дня он видел лишь её страх и слабость перед врагом, а сейчас, стоило лишь испить зелья, как её мощь изрядно порубила лесную чащу.

– Магия питается моими чувствами, – объяснила девушка. – Школы и наставники по-разному трактуют потенцию магии, а также её источник. Единство мнений только в понимании действий. Чем ярче чувства, чем органичнее комбинация, тем сильнее прочитается заклинание. Так вот, это зелье сварить гоблины ни за что не смогут. Это собственность Академии. Как-то так.

Мужчины хмыкнули. Такое открытие не сулило ничего хорошего.

– Господа! – голос трактирщицы звучал угрожающе. – Идите жрать!

Глава 4

К большой радости Брассики, лодка добралась до притока раньше полудня. Всё, что можно было увезти с собой, они погрузили, остальное Маркус спрятал в тайнике на случай, если они вернуться прежней дорогой.

Последние дни были для неё тяжелыми. Сперва укоры от слуг, непослушных и строптивых, затем позорные прятки под столом в трактире у Атропы, наконец, первый бой с гоблинами, где пришлось убивать... Её бросило в дрожь.

«Никогда мне не приходилось кого-то лишать жизни, – сказала себе Брассика. – И в голову не приходила такая мысль! И что теперь? Как с этим жить? Пусть убийства скорпионов, койотов и муравьев для меня пустой звук, однако гоблины... нечто особенное, другое дело. Голова, глаза, уши и нос, руки и ноги, туловище, движения и грубая, но всё же речь – как всё это похоже на нас, как всё близко нашей природе!»

Брассика надеялась, что её слуги возьмут на себя самую грязную работенку, а ей предстоит лишь исполнить свою мечту – доказать всем, что способна на великие подвиги. С самого рождения приходилось выползать из вечно наползающей тени забвения. Расстройство планов случилось с первого дня путешествия. Казалось, будто при каждом случае её слуги пытаются осадить, приравнять, толкают к тому, чтобы

она участвовала в похабном, в чуть ли не самопожертвовании.

Нос лодки вошел в серый песок. Погода портилась.

– Скажи-ка, Брасс, почему ты не пользуешься зельями вроде того, что показывала? – спросил Маркус у девушки, когда с лодки сгружали скарб. – Будь у тебя такая силища, нуждалась бы в подмоге, в компаньонах?

– Конечно, нуждалась, – ответила Брассика. – Разве позволено в наше время женщине путешествовать без компании, без слуг?

Маркус угукнул.

– И всё же, будь у тебя такое зелье, сражаться долго не пришлось бы. Один глоток, стекляшку в кусты, ты – храбрец, а враги твои – бегущие пятки!

– Не всё так просто. Можно потерять чувства.

– Это как? – заинтересованный Маркус повернулся к девушке. Но Брассика не хотела продолжать разговор. Её утомляло общение с рыжим простолудином, пренебрежительно обращавшимся к ученице Академии магии на ты.

Лодку покрыли мхом, сорванным с каменных валунов, а после сверки с картой люди отправились вглубь брошенных земель. Впереди шел Маркус, рассматривая всё впереди, за ним мягкой поступью двигалась Брассика, Атропа следовала после неё, вся нагруженная провиантом, в конце шел священник. Последний напевал лёгкую песню «Те руины древние стоят», и на душе от неё становилось ещё грустнее, се-

рость туч с каждым шагом, казалось, становилась всё суровее и безнадежнее.

Каменная тропа, сохранившаяся со времен владычества господарей, покрылась мелкой заморенной травкой. Дорога вела их по старому тракту, некогда связывавшему южную Эйну с северо-западным Данаром и северным Вышем; ныне тракт признан границей между цивилизацией и брошенными землями опустошенного Выша. Брассика надеялась выйти в глушь Бриллиантового леса, спустившись с тракта и огибая руины города. Глушью называлась земля, где раньше жил народ Атропы. Горькие истории набегов гоблинов начинаются именно оттуда.

Она повернулась назад, чтобы посмотреть на трактирщицу. У крепкой женщины, чей длинный кожаный фартук мясника подменял доспехи, имелся живой интерес к окружению: вот её рука дернула листок, вот тронула ветку берёзы, вот подрезала гриб ножом; периодически она вздыхала, поминая ласковым неясным словом всё увиденное и услышанное. Сколько лет она была тут? Двадцать-тридцать? Или целых сто?

Брассика боялась этой женщины, её крепкого нрава, свободолюбия, столь развитого в хозяйственном человеке, познавшем заботу в имуществе. Опасение вызывало её происхождение, ибо до удивительного мало известно магам об этом народе, и согласилась взять её в путешествие для своей цели, а не по замыслу рыжеволосого мечника. На девуш-

ку будут коситься, если увидят в компании одних мужчин: «Лучше путешествовать с непокорной служанкой, чем на каждом шагу сталкиваться с бедой». Маркус всю ночь доказывал ей, что трактирщица эта невероятной, почти безудержной бойцовой воли, что полезно иметь в такой компании человека, кто готов сражаться даже сковородкой против отродья.

– А для чего ты мне? – спросила Брассика тогда мечника. Он несколько не смутился.

– Я дал обет защищать, и меч свой положил на колени. Обет будет исполнен. Но желаем ли мы вернуться героями?

– Да.

– Тогда нам нужны такие же отчаявшиеся, как она. Только отчаявшиеся согласны встать на твой путь.

– Разве эта трактирщица не боится смерти? У неё дети, дом и труд.

– Сегодня она могла потерять всё. Прими мой совет, Брассика. С ней удача, я чувствую это.

– Ну хорошо...

Маркус резко остановился. Священник умолк. Все уставились на первопроходца. Он молча показал рукой вправо и вниз: под склоном, в деревьях и грязи возились гоблины. Толпа выбрала один самый большой дуб, окружила его и заработала топорами. Лезвия били по стволу, дерево страдало, хрипело и скрипело, сыпалась листва; раз за разом древесина истончалась, пока не поддалась безумному гоблинско-

му ритму. Рухнувши с треском, дерево подскочило от земли, прежде чем залечь намертво.

Гоблины обвязали веревками ствол, потащив его за собой на север.

– Что они делают? – озабоченно спросил Рудольф. – Похоже на языческий ритуал.

– Главное, что нас не заметили, – сказал Маркус. – Эти земли давно не наши. Доберемся до южного холма, сделаем привал, а после двинемся в глушь.

Он повернулся к девушке. Брассика не возражала.

Холм, покрытый жухлой травой, большим камнем и мелким кустарником, открывал вид на низину. Незадолго до своего падения Выш казался самым красивым, богатым и по-настоящему магическим городом на севере королевства. Его украшали костями древних гигантов на крепостных воротах и янтарными камнями в башнях, вековые дубы шумели под стенами, а уютные дома из желтого кирпича пускали теплый дым из труб.

Нет больше ничего в нём: белые колонны с резьбой сиротливо стояли под холодным ветром, леса, сожженные и поваленные, лежали обугленными, а стены сокрушены баллистами. Озеро, вокруг которого зародилось поселение, высохло, дно покрылось трещинами, а река, питавшая водоем, теперь уходила в земной пролом.

Брассика понимала, что для каждого из них город значил

нечто особенное.

Более всего страдали от вида упадка Маркус и Рудольф. Они, как типичные слуги, всегда и везде служат порядку и традиции, не думая о том, что всё могло быть иначе. Вот и город для них превратился в призрака, зовущего к себе, манящего янтарной позолотой прошлого. Рудольф не переставая говорит о порядке, в пути его накатывает историями о героях, счастливой жизни, полной от достатка во всём, справедливость тогда для него торжествовала, а сейчас ничего такого нет и не предвидится. Маркус вторил за ним, но с каждым днем похода убедительность в его голосе уменьшалась.

Они добрались до Выша. Мечтателям позволили прикоснуться к своей мечте. Старый Рудольф жил своей мечтой. А молодой Маркус?

Для трактирщицы этот город был неприятностью. Как чужеродный аванпост он появился в Бриллиантовом лесу, где жил её народ в соответствии с обычаем гармонии. Именно в Выше сковали скорпионы и стрелы к ним из той сказки Атропы, вспомнила девушка. Все господа Выша желали приобщить северные земли ради своего счастья, внушая себе картины сказочного золота и янтарных россыпей, а народ Атропы мечтал обрести мудрость, и только. Но город рос, росли силы людей, народы сжимали друг друга, тесня и раззадоривая собственной гордостью и алчностью. Алчность людей, как чума, заразила жителей Бриллиантового леса. Наконец, люди обманули короля лесного народа, подсунув ему

небылицу про тьму богатств у горных драконов...

А потом пришли гоблины, погнавшие отсюда всех при помощи наглости, натиска и нетерпимой вражды. Так слуги Брассики, некогда жившие властителями этих земель, превратились в бродяг, кому-то повезло меньше, кому-то больше, но родного дома у них отныне нет.

Брассику город не связывал родством. Она ни разу не была в нём, её родители никогда не уходили дальше Данара, как и её братья, жившие мелочным умом. Но в Академии магии все твердили, что в Выше, несмотря на погибель, остались чудесные вещи, и все истоки колдовства происходят отсюда.

– А что вас привлекло сюда? – спросил Рудольф у девушки. Священник присел к ней рядом, поедая солонину с хлебом. Костер разводить на этот раз побоялись. – Сколько путешествуем, а так и не узнали ваших помыслов. В конце концов, учились бы мастерству магии костей, бед не знали, а теперь отведываете со мной трапезу из жесткого мяса и крепкого хлеба

– Ваша библиотека, – ответила Брассика и взглянула на собеседника хитрым прищуром.

– Наша? – страшно удивился священник. Показалось, что он даже побледнел от услышанного.

– Да бросьте вы, я не вхожа в церковь.

– Ах... так-то да, вот оно что... – священник глубоко выдохнул.

– Что за волнение, отец Рудольф?

– Нет, ничего. Значит, ваш путь мародерства и воровства.

Брассика возмутилась. Опять слуга говорит не то, что от него требуют! Взяла себе в поход самых дерзких негодяев, сказала себе девушка.

– Почему так думаете?

– Как же понимать тот факт, что вы позарились на библиотеку магистров Выша? Её драгоценные книги копились веками. Мы служили, чтобы каждый приобщился к ним.

– Каждый? – переспросила девушка.

– Каждый достойный, конечно же, – уточнил священник.

– Меня интересуют большие секреты. Разве вас не интересует, почему боги принесли наказание людям?

Отец Рудольф помолчал с минуту.

– Большие секреты? Ну что ж. Мне кажется, что от прозрения секреты, кажущиеся большими, становятся маленькими, а те, что мы усердно игнорировали за мелочность и скромность, объявляют свою подлинную ценность. Что же до наказаний, то вопрос этот вполне ясный, а ответ куда проще, чем вы думаете. Если бы люди ценили по достоинству сделанное, то благодать неминуемо пришла бы в наши сердца. В мое время ценили величие и славу, не то, что сейчас.

– Однако, я не буду ничего красть.

– Разве секреты не крадутся, если о них узнают лишние люди?

– Это мое вознаграждение.

Священник хлопнул в ладоши. Тревожная тишина затя-

нулась, но у отца Рудольфа ответ закипал подолгу:

– Я думал, что мы идем за благородным, не ради ограблений, не воровства ради, не с целью наживы, чтоб отобрать и присвоить, а с целью возрождения, приобщения... Возлюби бога и добродетелью заживи. А тут, получается, мы согласились отдать часть ценного в обмен на что? Ваши качества, магические дарования тратятся впустую.

– Отец Рудольф, не ваш ли меч лежал на моих коленях?

– Мой.

– Так исполняйте свой обет.

– Но... я не о том!

Брассика отвернулась в сторону руин. «И этот досаждаст, подлец», сказала себе она.

Отец Рудольф продолжил говорить.

– Если так каждый будет просить по кусочку, то что останется от Выша? В конце концов, главной добродетелью для нас всех является счастье королевства. Мы можем воссоединиться вновь, избавив земли от врагов и бед. Разве вас это не прельщает? Жить, как прежде?

– Нет, – ответила Брассика.

– Как можно быть такой безразличной к судьбам нашего королевства? Откуда такая нескромность, простите? Вы думаете, вас уберезет магия от угроз?

– Я думаю, что королевство, про которое вы сейчас говорите, нет. Последний король из династии Латосов, Бертольд по прозвищу Плохая голова, исчез в пылу сражений с

Верховным лордом тьмы. Я не видела ни единожды короля, потому что родилась позже его исчезновения, но всё отрочество и до ухода в Академию магии власть в городе Эйна принадлежала шулену и солтысам. «Да здравствует шулен, и пусть процветает правление его!», вот клятва, которую мы дали после его избрания солтысами. Закон Эйны действует двадцать лет, написан директором Ларсом, моим магическим наставником. Почему же мне нужно тревожиться о том, чем нет? Это королевство мне ничего не дало.

Священник грозно зажевал солонину. Покончив с ней, он зачем-то принялся переубеждать Брассику, чем её сильно удивил.

– Всё было не так. Наш король никуда не сбегал, и вообще, его жестоко обманули. Верховный лорд тьмы неспроста посетил земли королевства. При короле Бертольде процветали города, деревни и поля, боролись с язычниками из Темной церкви, мы в кои-то веки зажили прочно после частой неурядицы. Всё, что ему нужно было сделать, это договориться самому с Верховным лордом тьмы, отвадить его от уничтожения мира.

– Что? Вы в своем уме?

– В своем. Это зло, и зло необходимое, дьявол требует сделки – её следовало не избежать, а заключить на своих условиях. Вместо этого появился герой из вашей Академии магии, прошелся вихрем по королевству, и чем это закончилось?

Сами сказали: королевства нет. Так я и не оспариваю это, заметьте, но королевство наше обретает счастье только тогда, когда в нём порядок. А сейчас никакого порядка нет и не предвидится. Всюду раздор, какие-то местные шолены с солтысами решают, как жить, а из гиблых земель движутся орды гоблинов. В мое время шолоном был человек почтенный, посему приближенный к знанию, мудрости и вере.

– Ах вот оно что. Видите себя добрым пастырем, отправившимся в отважное путешествие за восстановление королевства? – спросила Брассика. – Как необычно для священника. Разве пастырское дело махать мечом да приумножать власть? А как же Выш?

– Выш – это только начало возрождения. Добрый порядок установится, когда мы вернем осколки. Соединятся части целого. Я хочу порядка, как было исстари.

– Хм, – девушка подняла брови и отвела взгляд в сторону.

– Вам не нравится? Почему?

Брассика едва открыла рот, как позади свистнули. Это шли Маркус с Атропой.

«Как вовремя!», – подумала она. Брассика обернулась, чтобы посмотреть на священника.

– Приятно иметь беседу, – промолвил он, вставая весь в смущении. – Не сочтите её излишне пылкой.

– Итак? – Брассика обратилась к вернувшимся. – Что скажете?

– Касатка моя, ты учила алхимию в своей школе? – спро-

сила Атропа.

– Совсем немного. Заклинать не заклинаю, но аптекарством занималась. Вы нашли какие-нибудь зелья?

– Взгляни, – трактирщица протянула руку, держащую цветок.

Кувшинчик иссиня-черного цвета, весь в пуху, на толстом стебельке и с мелким листиком, был крепок на ощупь и не давал сока при нажиме.

– Вы ходили в пещеры? Такие растения можно найти вблизи них.

– Нет. А пещер тут никогда не было.

– Так где же вы его взяли?

– Да вот, в лесу, – ответила Атропа, указав на запад. – Сколько здесь жила, никогда такой цветок я не встречала. Гоблинское племя выращивает подземные плоды на кормление потомству. Но цветы зачем?

– Если это их рук дело, конечно, – сказала девушка, всматриваясь в растение. – Как будто очень чужое. Допускаю, что ядовитое.

Брассика достала деревянный футлярчик: «Цветок нужно сохранить. Я передам его учителю алхимии».

– А ещё, гоблины роют каналы и создают водовод. На юге мы заприметили поселение гоблинов. Обошли их стороной, получается. На твоей карте это поселение не указано.

– А хоромы королевы?

– Нет, отсюда их не видно.

– Странно. Как всё странно, как много необычных вещей на нашем пути. Сначала зелья и мечи, потом цветки, каналы... Что нам ещё предстоит узнать?

На вопрос девушки никто не ответил, но озабоченность виделась на лицах каждого.

Пока не стало темнеть, Брассика разложила на траве карту.

– Мы дошли до руин Выша. Это хорошо, – сказала она, глядя на своих слуг. – Если последуем разумному плану, если быстро одолеем королеву, то победа будет за нами. Мужички получат город Выш свободным от отродья, а вы, Атропа, получите покой в своем трактире.

– А вы получите магическую библиотеку архимагов Выша, как выяснилось часом ранее, – вмешался священник.

Удивленный Маркус возразил, что о таком уговоре речи не было: «Обет дан, но сокровище Выша дороже всех обетов».

– Всё так, – спокойно ответила Брассика.

– Так что же ты хочешь там получить? – спросил Маркус.

– Я получу тайны, о которых не мечтали мои магистры и учителя. Долгое время маги из Академии в Эйне не могли добраться до ваших артефактов и древних свитков.

– Всё материальное должно остаться там же, где оно и было. Это наше требование, миледи, – последнее слово произнесено Маркусом с укором.

– Не беспокойтесь. Всё останется на месте, даже пыль.
Мне нужно только одно заклинание.

Мужчины заулыбались.

– Ах вот как! Славу обрести желаешь? – ухмылялся Маркус.

Брассика скрестила руки на груди.

– Может быть, мы займемся самым важным? Благодарю покорно! – она быстро отвесила поклон до земли. – Итак, гоблинов ничто не держит, кроме силы. Всё их могущество основано на их же подневольности, а их источник неволи заключается в великой власти королей и королев.

– А если они изберут новую королеву? – спросила Атропа.

– На это уйдет очень много времени, возможно, не при нашей жизни.

– Ну мне жить дольше вашего века...

Брассика недовольно вздохнула.

– Племена гоблинов враждуют всегда. Такова их природа, что они объединяются в царство поневоле. Наша природа такова, что мы объединяемся свободными, – ответила Брассика. На её слова мужчины вновь отреагировали улыбкой. – Утром мы двинемся через лес на север. Между тремя холмами протекает ручей, вдоль него пройдем к хоромам. Будем делать ставку на скорость и хитрость.

Нам не страшны дозорные: их мало, они слабые, да вы и сами видели их в бою. Кто нам страшен по-настоящему, так это шаман гоблинов. Я с ним справлюсь, но если их будет

двое, а то и трое, то быть беде. Плохо, что они чаще всего владеют магией огня. Гоблины из воинской дружины тоже опасны: их нужно одолеть в первую очередь. Мужички полагаюсь на вас.

Кого не стоит бояться, так это виверн. Они хоть крупные и грозные, но слеповатые, неумело плюются огнем, истошно кричат и зовут подмогу. И не бойтесь заклинаний магии костей.

– Я слышал, что гоблинское племя разводит ядозубов, – заметил Маркус.

– Верно. Но они тоже не страшны. Ночью с ними будет сложнее. Наше преимущество – в дерзкой выходке. Возьмите вот это, – каждому девушка передала очень тонкий пергаменный свиток. – Утром, перед самым походом, мы прочтем вместе заклинание. Нужно добежать до королевы, пока не очнется вся дружина.

– Что будет, если очнется? – спросила Атропа.

Брассика ответила, что к тому моменту или они убьют королеву, или будут мертвы, и лучше быть мертвыми, чем схваченными в плен гоблинами.

– Мы правда отчаявшиеся! – воскликнула трактирщица.

– Всё будет хорошо, – ответил священник.

– Вы слышите? – Маркус мотал головой в поисках неведомого шума.

Все замолчали. Ничего не было, и даже птицы в вечернем небе не кричали. Брассику внезапно осенило, что повсюду

ду всё мертво, пусто, жухло, и серость туч лишь прибавляло тоски безлюдным землям. Не бегали зайцы, не виделись лисы, вороны не каркали, олени не паслись... Словно природу тихо подменили на что-то другое.

«И чувства! Чувства в этих землях звучат намного слабее», – заметила магиня.

– Слышите же? – повторился Маркус.

– Да что слышать-то? – пожаловался Рудольф.

– Слышу! – удивилась трактирщица.

– Что это?

– Кони. Это кони к нам скачут!

Из холма показалась пятерка ездовых.

Глава 5

Пятерка на конях достигла путников. Кони фыркали, задирали хвост и дымили ноздрями в вечернем воздухе. Их хозяева, одетые в латы, держались грозно.

– Кто такие? Представьтесь, – громко крикнул тот, что стоял ближе к Маркусу.

Все промолчали. Сквозь накидку не разглядеть, чьим господам принадлежат встретившиеся на пути эти люди. В мертвых землях частенько встретишь разбойников, прячущихся под добрым именем. Атропа, глядя на всадников, осторожно слилась с деревом: дуб принял её и полюбил, сгладил листвою фигуру, замер в покое.

– Ну? Языки проглотили? – мужчина потянул за рукоятку меч. Маркус, заметив блеск наточенной стали, в мгновение ока сдвинулся к Брассике, взявшись за свое оружие.

– А кто вы? – нагрубил он всадникам.

– Ты, должно быть, охоч до крови, – мужчина на коне извлек меч до конца. – Ну, не беда, прольем кровь. Только держись.

Ветви дуба пуще прежнего облекли тело Атропы.

– Ох, стойте. Не горячитесь, – встал между ними поспешивший отец Рудольф. – Прошу милости выслушать. Меня зовут отец Рудольф, я священник Братства послушников Выша. Мы здесь по доброй воле и паломничества ради.

– Впервые слышу о таком ордене, – заметил толстый всадник. – Да и Выша-то нет, вон, погляди на его обломки. Как думаешь, Часлав, этот старик говорит правду?

– Не знаю, Добромир. Похожи на разбойников, – взгляд человека на коне, держащего меч для разящего удара, всепроникающе глядел в Маркуса. Атропа не двигалась, лишь наблюдала, иногда даже не дыша. Дуб гладил её, утешал в своих корнях и кроне, куда проникал последний луч уходящего солнца; всё замедлилось, застыло, время потекло стеклянными каплями в безмолвную бездну.

– Мы не разбойники, – запротестовал священник. – Но мы отправились в паломничество, да. Сопровождаем эту леди... Брассику до древнего кладбища. А кто вы?

– Сколько вас? – спросил толстый Добромир. – Когда мы обнаружили вас, я насчитал четырех.

– Так и есть.

– И где же четвертый?

Рудольф и Брассика обернулись. На лице Брассики было удивление и маленькая толика отчаяния. Её взгляд метался в поиске.

Атропа почувствовала, что дальше прятаться ей становилось всё сложнее, и решила выйти в свет. Но дуб оказался крепким: сознание плавно растекалось в древе, втекало внутрь, утрачивало границы, оставляя лишь плавные размытые контуры. Чтобы восстановиться, понадобилась дюжая сила.

– Я тут! – неестественно громко кликнула она. – Тут я!
Часлав повернул голову в её сторону, слегка наклонив её.

– Хм, колдунья?

– Нет, грешно таким заниматься мне, – ответила Атропа.

– Тебя совсем не видел. Столь искусно прятаться умеют только колдуньи.

– Да что ты болтаешь, дурень! Я женщина простая.

Всадник немного улыбнулся.

– Мы вам представились. А кто вы, так и не узнали, – заметил священник. – Что ж, кого мы повстречали – господ или разбойников?

– Хорошо, отец Рудольф, скажу. Мы верные слуги верховного шолена Данара, почтенного Валука. Я рыцарь Часлав, а это мой верный друг Добромир, недавно совершивший омаж.

С остальными Часлав решил не знакомить.

– Нас не было в Данаре неделю, а Валук уже верховный шолен? Как быстро растёт этот муж! – усмехнулся Маркус. Свой меч он вложил в ножны, продемонстрировав готовность говорить с рыцарями.

– Мы призваны служить Данару на его землях. Нынче дозорная служба самая тяжелая и почетная. Гоблинов разве-лось...

Атропа заметила, как Рудольф и Маркус поперхнулись от слов «на его землях». Маркус хотел было что-то сказать, но вперед устремился со своим посольским языком священник:

– Простите, но мне на секунду показалось, что вы ведёте дозор на землях Данара.

– Всё так, – невозмутимо ответил всадник.

– Простите, но это земли Выша. Тут всё принадлежит благородным мужам из нашего города.

– Верховный шолен Валук постановил, что брошенные земли к северу отныне принадлежат городу Данар, до тех пор, пока не прекратятся гоблинские набеги или не явится ваш шолен.

– Но это не так! – возмутился священник. – Разве можно присваивать то, что принадлежит почтенным жителям Выша?

– Какого Выша? – встрял толстый всадник. – Где этот город? И где его жители? Кто стережет эти земли? Мы! Верные слуги верховного шолена Валука! Данар уже несколько зим отпирается от нападений северных гоблинов. Кто защищает, тому и принадлежит.

Священник больше ничего не сказал. Он понурил голову, сжался в плечах, словно пытался потеряться в воздухе. Всадники спешили. Трое безымянных молчунов, видимо, служки для двух представившихся рыцарей, принялись ухаживать за животными.

Вечер наступал.

– Так вы из братства, как его там, Выша? – спросил Часлав у Маркуса.

Тот ответил ему кивком.

– И ради чего живет братство?

– Ради Выша, конечно же.

– То есть?

– Придет время, и мы вернем себе город, восстановим его и принесем славу королевству.

Часлав смутился.

– Королевство... Ну да, ну да. Выш не отстояли не потому, что вы были слабыми, а в силу природных обстоятельств и первоначальных условий. Не думаю, будто можно повернуть историю вспять...

– Может быть. Но Выш нужно вернуть.

– Не смею возражать, – пожал плечами Часлав.

Атропа подошла поближе.

– Мужики добрые, скажите, откуда вы пришли?

– Мы шли по тракту из Данара, прошли весь Бриллиантовый лес до здешних окраин, а после свернули на дорогу в Выш. Разбили гоблинов по округе.

– Встретили ли вы двух детишек по пути? Юношу и девочку, на кобылке двигались в Данар.

– Видали таких.

Атропа радостно вздохнула: «Как они? Как выглядели?»

– А кто они тебе? – спросил с прищуром толстый Добромир.

– Мои детишки они, – призналась Атропа.

– Странные вы паломники. Детей отпускаете в лес, полный ворья и гоблинов. Экая вы мамаша, конечно. Потомство

не сбережете.

Слова страшно ударили по самочувствию Атропы. Всё это время, пока они были в движении, ей удавалось скрыть печаль и тревогу. Она верила священнику, при ней написавшему грамоту на простенькой бумаге без печати, что церковь Данара возьмет детей под краткую опеку. Но «экая вы мамаша, конечно»...

«Правду говорит, – сказала про себя Атропа. Руки её дрогнули, сердце покрылось тяжелым недобрим чувством. Силы покидали её. – Верно молвит этот человек. И зачем я только повелась на странствие? Жила бы тихо, смирно, не спеша, крутила пирогами в печке, частокол бы поставила, нанять только бобылей для работы и сторожки... А что теперь? Где я? Кто я? Убьют меня – страх убьет мою душу ещё раз. За детей. За них боязно. И почему я только согласилась на отчаянное путешествие? Словно заплатили мне сундуком изумрудов. Где был мой ум, когда преклонила колено?»

Но из памяти всплыла первая встреча с Маркусом и Брасикой. Если бы не Маркус, она не пережила ту ночь. И Мика с Любой тоже. С каждым месяцем натиск врага усиливался. Тут или бежать без оглядки, или дать смертельный отпор...

«Всем нам придется жертвовать. Только почему мне приходится делать это дважды? Единожды сбежав, судьба потребовала с меня вторую плату», горевала женщина.

– Тебя как звать, мама?

– Атропой зовут.

– Слышали о тебе. Не ты ли трактирщица «Крапивного луня»? – спросил Добромир.

– Она самая.

– Путники о тебе по-доброму отзываются. Будет шанс, и я загляну в твою таверну. Жаль, что ты на отшибе совсем.

– А ваш обратный путь, каким он будет? – спросила с надеждой Атропа.

Добромир приподнял брови.

– В Данар путь лежит, мама, что за вопрос!

– Не могли бы вы передать весточку моим детям?

Часлав тут же возразил: «Дозор закончится в башне мистического пути, нам ещё неделю сторожить руины».

– Да всего лишь весточку! Не будь бессердечным.

– Сказано же: не сразу в город путь лежит. Если передам, то через неделю-две.

Тогда Атропа топнула ногой. Рыцари напугались: «Не колдовство ли?»

– Глубоко и неудержимо её чувство к своим чадам, – вставил священник. – Благословлены её призывы. Дети для неё высшая ценность и счастье. Женщина и так много положила на жертвенный алтарь.

– Ну смилуйтесь, – ответил Добромир. – Если я пройду в башню ради посылки в Данар, то с меня возьмут двадцать золотых.

– Чего? Чего вдруг такой дерзкий штраф? – возмутился священник.

– Десять колдунам, ещё десять верховному шолену за оставление дозорной службы. Откуда ж мне взять такие деньги? Мое жалование – это кусок подаренной земли тут, так он ещё не огорожен и весь в камнях...

Атропа решила обратиться к «леди», которую сопровождает в паломничестве. Брассика всё это время дотошно изучала карту.

– Я прошу дать мне оставшуюся долю.

Девушка оторвала взгляд от бумаги. Её глаза, глубокие, большие, открытые миру, но уверенные в своем превосходстве, испытывающе смотрели на тропу.

– Разве народу леса неизвестен договор? Ты опустила руки на мои колени. Условия известны, тайнства в них нет.

– Прошу тебя. Я отдалась целиком на растерзание судьбе. Отдай мне оставшееся, чтобы отправить весточку детям. Пусть этот Добромир получит золото. Так мне будет спокойнее, поверь.

– Нет, – ответила Брассика. – Ещё не сделано дело. Откуда мне знать, как поступишь после полученной награды?

– Прошу тебя ещё раз, пожалуйста, дай оставшуюся долю. Я отправилась с тобой в путешествие, бросив Мику и Любу. Разве для тебя это не большая цена в верности?

Брассика скрутила карту. Разговор ей не нравился.

– Ты сама уплатила эту цену.

– Ну что же ты, рыба глухая, совсем обессердечилась? – Атропа возмутилась. Ей показалось, что в родных местах,

где раньше была глушь Изумрудного леса, теперь нет гармонии. Только разрушительные чувства. – Выпрашиваю как у ростовщицы!

– Ещё не сделано дело. Как только будет исполнен долг, ты станешь свободной и получишь то, что тебе принадлежит.

Сзади кто-то подошел. Атропа со слезами на глазах обернулась.

Это был Маркус – в его руках лежал сверток.

– Бери, – сухо произнес он.

– Да что ты, не надо, – засомневалась Атропа.

– Бери, – повторил Маркус. Рука настойчиво держала перед ней монеты. – Моя плата, но ничего, вернешь мне потом.

У девушки лицо покрылось красным стыдом.

– Спасибо, – Атропа немедля вернулась с просьбой к Добромиру.

Путники шли ночью по низине, аккуратно огибая руины Выша. Из развалин города сиял желтоватый свет от множества костров. Дозорные согласились проводить «паломников» до глуши Бриллиантового леса, где по словам «леди Брассики» упокоилась душа её великого предка. В пути остерегались каждого шороха, пока не вышли на границу, разделяющую низменность от лесистого холма. Дальше следовало идти порознь.

– В мрачные времена вы захотели почтить их память, – заметил Часлав.

– Так уж получилось, – ответила Брассика.

– И почему же такая леди, как вы, находится в одиночестве в диких землях?

– Разве одна? Мои слуги со мной.

– Мда, – произнес Часлав и притих на минуту. – Боюсь, что наша встреча роковая: больше наши пути не пересекутся. А я бы удостоил вас алой розы во второй раз.

Брассика смутилась, не то от розы, не то от упоминания злого рока. Атропа шла рядом, несколько осчастливленная тем, что её письмо, составленное священником и сложенное в замысловатую фигуру сердца, вместе с веточкой дуба будет доставлено детям. При помощи пожертвования Маркуса, конечно. Расстройство от нрава юной Брассики, отказавшейся уступить, вызвало горечь.

И гнев. Трактирщице мерещилось, будто дурные чувства питали её через почву и мертвенную траву.

– Что же вы так хороните вторую встречу? – спросила Брассика.

– Говорите так, словно не знаете. Поползли слухи, будто рядом с Вышем вторглись демоны. По ночам слышен скрежет дьявольских тел, и свечение, словно раскрыли гроб верховного лорда, до того становится мрачно, что моей храбрости не всегда хватает одолеть страх. А вы туда направились...

– Нужда влечет. Если не сейчас, то когда? – лукавила девушка, поправляя тонкие локоны.

– Хотите, я помогу вам? Только подскажите, как.

Брассика попросила дать время на раздумья. Отойдя в сторонку, она пригласила остальных путешественников на разговор. Воткнув факелы в рыхлую землю, четверка путешественников села в круг.

– Должно быть, вы слышали сами: наш добрый муж Часлав предложил помощь.

– Тебе он предложил, не нам, – Маркус скривил лицом.

– Для них я дама, которую следует сопроводить в паломничество до могилы предков. Что, если они согласятся с нами пойти? – предложила Брассика.

– Зачем?

– Ты сам говорил, что мы отчаявшиеся, поскольку шансов на успех мало.

– Не потому ли в нас геройство играет, что мы ясно осознаем отчаянность своего поступка? Трусы и наемники не пойдут на отважное дело. Да и незачем оно им, какой прок для них от возрождения Выша? Никакого. Стервятники данарские позарились на наши земли.

– Вот как? Но я же даю вам плату, не быками и камнями, а золотом.

– Вот как? – паясничал Маркус. – Так и мы тебе платим.

– Ну и чем же?

– Тайны библиотеки Выша. Забыла?

– И ещё твоё тщеславие, платим большим наваристым чаном, – вставила Атропа.

– Неправда.

– Ещё как правда, – злобно ответила Атропа. Её пробира-
ло от втекающей внутрь злобы.

– Я прошу вас вернуться к делу, – попыталась урезонить
её Братика.

– Ты тщеславный человек, злой и меркантильный. Ты ду-
маешь, что раз обрела магию, волшебное знание для избран-
ных, то тебе дозволено смотреть на нас свысока? Как бы не
так. Я – свободное создание. Моя воля от труда, мозолистого
и кашеварного. Человеку, обретшему в труде добро, есть что
терять. Это ты бобылями да нищими можешь помыкать – у
них свободы нет, они на любое рабство согласятся. Но не ме-
ня. То, что ты нам платишь, не воспрещает быть человеческой.

– К чему ты клонишь? – спросила напряженная Brassика.
Маркус и Рудольф не вмешивались.

– Ты как дурной король из сказки. Ведомая своей пустыш-
ной прихотью к почету, славе и признанию. Тебя заботит
только свое счастье, а до счастья чужих нет никакой заботы.
И на всех ты смотришь как на своих слуг. Это не так, касат-
ка, совсем не так. Вот я возьму и уйду...

– Маркус, Рудольф?.. – девушка искала поддержки у
остальных.

– Атропа, не горячись! – по-дружески потянул за руку ры-
жеволосый мечник. Атропа села обратно.

– Конечно, мы можем здесь погибнуть, оставить жизнь
на этом пепелище, – заметил священник. – Каждый уплатил
свою цену. Наверное, сердце должно быть более чутким к

братьям и сестрам.

– Ничего не понимаю, – голос девушки задрожал.

– Я жизнь могу оставить ради твоего дела, это хоть понимаешь? Кто останется с моими детьми?

– Что же ты так взъелась на меня? Уж не из-за того, что я денег не дала?

Атропа промолчала. Брассика в раздражении заковырялась в своей куртке, извлекла несколько монет со словами: «Держи, раз так важно!»

– Ты не поняла, – ответила Атропа, вздыхая. – Мы правда отчаянные. Даже не понимаем друг друга.

Рыцари подошли, попросили ускориться с обсуждением, однако заметив тяжелые лица, ушли обратно к лошадям. Все молчали, испытывая ту болезненность от ссоры, что душит каждого человека. Хуже всего себя чувствовала трактирщица, её всю терзало; с одной стороны, она брала на себя вину за то, что закатила ругань, с другой стороны, поступок Брассики обидел её своей мелочностью и невероятным высокомерием, низменной боязнью потратиться на добро.

– Прости меня, – внезапно заявила Брассика.

Атропа тут же ответила взаимностью. «Сейчас не место ссоре», заметила она.

– Так что же, возьмем с собой этих мужей?

– Толку с них? – спросил Маркус. – Будут шуметь на всю округу конным ходом. В бою латники не столь спешные, а ты делаешь ставку на скорость. И потом, с коней если посшиба-

ют, то на своих плечах понести придется? Нет, у меня есть идея получше.

– Что ж, говори.

– То, как ты описывала в своем плане отвлекающую ловушку для гоблинов, меня не устраивает. Одна ты столько суматохи не сделаешь. А их пятеро. Пусть совершат набег на то поселение гоблинов, на которое мы наткнулись. И рядом, далеко скакать не придется, и близко к ставке королевы. Внимание точно привлечет. Да, Атропа?

– Если они нападут, что с того? Отвлекутся гоблины, но надолго ли.

– Нужно попробовать. Это лучше, чем ловушка с пожаром в лесу.

– А если их убьют? – Атропа подумала, что будет тяжким грехом брать плату невинными душами за путешествие.

– Эти рыцари не выглядят детьми с палками, – парировал Маркус. – Справятся. Вон какой главарь у них, морда борцовская! Что скажешь, Брассика?

– Не знаю. Согласятся ли рыцари на такое. Нет. Я против. Лучше предложить им пойти с нами.

Маркус скрестил руки на груди.

Атропе одинаково не нравилось ни предложение Брассики, ни предложение Маркуса. Но последнее давало, по её мнению, маленькую толику надежды на успешный поход. «Осталось так немного, всего сутки боя. Я чувствую, как мой разум и сердце трепещут от скорой развязки», сказала себе

она.

– Предлагаю проголосовать, – Атропа сделала жест в сторону Брассики. – Если ты наберешь большинство голосов, мы поступим по-твоему. Если нет, то придется уговорить этих мужей на план Маркуса.

– Голосовать? – Брассика явно смутилась.

«Ну как же, слуги хотят встать в один ряд с «госпожой», как ей неприятно, однако», невесело подумала Атропа.

– Хорошо. Давайте голосовать. Я за свой план, – девушка сделала выбор.

– Я за Маркуса, – ответила Атропа.

– За себя, – сухо ответил Маркус.

Священник смотрел на девушку, облизнул губы и сглотнул:

– Мне нужно, чтобы наше дело приобрело успех. Хочу, чтобы Выш, а затем королевство возродились. Ты не выказывала талантов в магии огня, Брассика. А эти мужи заинтересованы в том, чтобы такая леди вернулась. У Часлава куртуазный интерес, а у Добромира шкурный. Я голосую за Маркуса.

Атропа захлопала в ладоши: «Как в старые-добрые времена! Ах, как соскучилась я по временам моего народа!»

– Ну хорошо, – лениво поднявшись, Брассика направилась к всадникам.

Часлав, по словам девушки, некоторое время сопротив-

лялся просьбе, находя её безумной. Пришлось убедить в том, что таким храбрым мужам, полным чести и достоинства, негоже отказывать леди в её просьбе. Впрочем, Часлав не сопротивлялся так жестко, как Добромир, которому не льстило умереть за девушку, в чьей искренности он сомневался с самого начала.

Уговор был таков: к рассвету рыцари пройдутся по поселению гоблинов, тем самым отвлекая на себя всё гоблинское племя. Они отойдут к тракту, а после отправятся к башне мистического пути. Слуги Brassики, когда закончится паломничество, сопровождают её до башни, где леди и Часлав встретятся.

«Цветок осенней розы будет ждать вас, леди», – с наигранной пылкостью девушка шутливо повторила последнюю фразу Часлава. Атропа трогательно улыбнулась, вспомнив игру ухаживаний её погибшего мужа.

Предрассветные сумерки. Все лежали наготове, с закрытыми глазами пытаясь хоть немного поспать. Атропа уснуть не могла от волнения – слишком много поставлено на кон. Звезды тихо угасали перед необъятной силой солнца, постепенно распялявшего горизонт.

Шум появился со стороны поселения гоблинов. Звучал горн, доносились дикие вопли, предвещавшие болезненную смерть от меча и копья. Из леса, куда вела вела дорога к королеве гоблинов, слышался топот и рев бегущих отрядов.

Маркус, встав на ноги, сказал:

– Момент настал. Или сгинем, или победим. Мы герои, и славой будет покрыт наш путь. Пошли!

Глава 6

Маркус считал, что геройские, полные пылкой речи говорятся как чудодейственное средство от безысходности. Они его спасали не раз.

Когда горожане держали оборону Выша, многие падали духом от вида сотен ночных костров вокруг. И, казалось, такую тьму гоблинов никогда и ничем не остановить.

В те дни Маркус боролся за каждого человека. Разговор за едой. Разговор на крепостной стене. Разговор в оружейной. Разговор везде, где можно и даже где было нельзя. Людей он сплачивал и скреплял общим делом.

«Пробьемся. Переживем. И не таких били. Победим», – говорил он горожанам, но прежде всего самому себе. Страх одолевал его, и в такие моменты он брал крепость безнадежности своим нередким безрассудством.

Город простоял год, и только зима порушила все оставшиеся шансы на успех. Гоблины запрудили реку, внутренний водоем Выша быстро иссяк, остатки сковало льдом. Крепостные стены, дома и улочки города беспрестанно бомбили, что вызвало немалое удивление: «Откуда у таких неразвитых варваров оружие для крушения наших замков?»

Сначала сбежал наместник короля, забрав с собой казну. После исчезли те, кому позволил это сделать собственный кошель... Ремесленники, поняв, что их имуществу ко-

нец, что им не сохранить всё добытое честным и кропотливым трудом, попытались спасти хоть что-нибудь, забрав самое драгоценное из своих лавок.

Вскоре на разбитых стенах не оказалось стражи. Некому было защищать город. Воины Выша покинули его безмолвно, тонким строем исхудавших, замученных, бесконечно уставших солдат.

Тем временем гоблины продолжили пускать из своих орудий небесный камнепад... Город рассыпался на части, треск дерева, железа и булыжника звучал как некролог по всем надеждам. Многим приходила в голову мысль, что этим варварским существам ненавистно само существование цивилизации.

Маркус после этих событий задумался, стоило ли бороться против такого бесконечно сильного зла? Может, стоило прислушаться к другим доводам? Открыть ворота, впустить гоблинов, либо покинуть эти земли и построить заново город... Ведь Данар и Эйна пришли выручать слишком поздно: их помощь оказалась припаркой для мертвого, а если бы подошли пораньше, хотя бы на месяц-два...

«Не виноват ли я? – думал Маркус. – Нет ли моей вины в том, что побуждал своих сородичей на борьбу, на бой, оказавшийся смертным и проигранным? А сейчас? Вдруг я во второй раз допускаю ошибку, убеждая и самоубеждаясь в успехе путешествия? Тогда все вчетвером сгинем, оставшись без почета. И даже могилы своей не будет. Отчаявши-

еся мы, утратившие остатки разума, или герои, готовые ради всеобщего блага на риск и жертвы? Или безумцы, потерявшие страх от расстройств ума?»

Да, Маркус прекрасно понимал: то, что их шансы размером с ноготок, не дают никакой осязаемой надежды на возвращение. Уверенность Брассики он воспринимал как проявление то ли девичьей наивности, то ли глупости по незнанию простейших оснований жизни. Если переживет это путешествие, то наберется житейского опыта. Однако и жизнь в последние годы для Маркуса оказалась совсем тягостной. Куда идти, к кому податься? Не с протянутой же рукой стоять у ратуши... Маркус мечтал о мире, о порядке, где всем воздастся по заслугам, где не нужно будет жить без надежды на скорую лучшую долю, где можно *жить, а не выживать*.

Его лишь удивило, как воспринял это путешествие его близкий друг Рудольф. Ещё в тот день, когда они согласились помочь Брассике, мечник обратил внимание на то, как его священник планировал будущее.

«Порядок – это не сахарок во рту и сытый ужин в тёплом доме, дитя ты малоопытное. Порядком можно назвать только те времена, в которые жил я в молодости, например. То, что происходит в наши дни – это хаос, нарушение, беспорядочность и бесполезность излишних метаний. Меня тянет к такой размеренности, где наш труд оценят и будет выдана награда по достоинству, где преступников наказывают, где боль души за утерянные золотые годы наконец утихнет, рас-

сосется. Пока мое сердце мятежно, пока за будущие поколения я волнуюсь очень серьезно...», – сказал отец Рудольф во время пути Бриллиантовому лесу.

Маркус тогда не придавал значения этим словам. Но тут разверзлась земля, раскрылся ящик Пандоры, судьба велит готовиться либо к смерти, либо к чрезвычайному успеху; от этого рассудок принялся быть острее, яснее, отчетливее понимать, что его, а что – чужое.

И ранним утром, когда ещё светало, а неподалеку полыхало поселение гоблинов, подоженное руками Часлава и его спутниками, он вновь задумался: «А нужно ли? А следовало ли пойти по такой дороге геройства?». Мечник мотнул головой, стараясь отбросить ненужное терзание ума. Не сейчас. Не время для раздумий. Придется вершить историю, хотим мы того или нет.

Он надел шлем. Поверх тела была кольчуга, ноги защитили поножи. Его немного беспокоило, что у гоблинов появилось рубящее оружие из дорогой стали, чего никогда не было раньше. Но спокойствию придавало убеждение, сколь бесполезно знание для варвара, получившего во владении огонь и придающегося чудовищным утехам с ним: варвар не пользуется знанием во благо, он поднимает обжигающие языки пламени в лесах, домах и городах, принося боль и страдание.

– Все готовы? – поднявшись на холм, Маркус ещё раз посмотрел на своих спутников.

Брассика, вся взволнованная, щелкала своими тонкими

пальчиками. Рудольф, снявший с себя рясу, переоделся в крепко сшитую кожаную тунику. Его друг держал валашку, которая приглянулась ему ещё на берегу. Атропа накинула на себя чешуйчатый плащ, весь покрытый живой листвой.

«Это что-то колдовское, от её народа», подумал Маркус.

– С ним будет больше удачи в лесу, – улыбнулась она.

За людьми раскрывался вид на природу, омертвелую и порезанную. Земли Выша и раньше не славились буйством цвета, а теперь отсюда словно всю жизнь выгнали.

– Гоблины приносят смерть всему, что мне дорого, – сказал Маркус. – Мне, Рудольфу, и вам тоже, осмелюсь подумать. Не будем верить в безнадежность нашего предприятия. У нас и так на сердце изрядный груз. Будем сражаться бок о бок. Давайте положим этому ужасу конец. Брассика, – мечник посмотрел в большие глаза девушки, – приступай к делу. Теперь твой ход.

Уста девушки произнесли заклинание, Маркус извлек спрятанный бумажный сверток, пытаясь взглянуть в написанные на нем слова.

Бег в сандалиях ангела был очень скорым. Маркус никогда не спешил так быстро, как сейчас: не страшны ни крутые валуны, ни колючие кустарники, ни поваленные стволы деревьев.

Четверка бежала так, словно их гнал сам Верховный лорд тьмы. Маленький ручей по правую руку от них превратил-

ся в неизменного спутника, изгибавшегося и играющего мелодию стуженной осенней воды. Несколько раз им приходилось остановиться – как только Маркус слышал топот множества ног, все четверо замирали и падали на землю.

– Как хорошо они повелись на выходку Часлава! – шепотом говорила Братика. В её голосе слышалось восхищение. – Нам не придётся сражаться с ордой. Сохраним силы против королевы.

– Не торопись, – ответил ей Маркус.

– Их так много, – озабоченно заметил Рудольф. Он повернулся к мечнику, и спросил: «Если не найдем королеву, что будем делать?»

– Найдем. Нутром чую, что она где-то здесь. Как осинное гнездо разворошили, всюду гоблинские отряды. Кажется, ушли. Вперед!

Через час с лишним Брассика умоляла остановиться. Её дыхание говорило само за себя. Пришлось сделать пятиминутный привал.

– Сколько будет действовать заклинание? – спросил Маркус у неё.

– Три часа.

– Хотелось бы больше.

– Это самые сильные магические грамоты из всех, что я нашла.

– Откуда, кстати, тебе удалось достать такие мощные гра-

моты? – спросил Маркус.

Брассика, чего не ожидал мечник, проигнорировала вопрос, заговорив про погоду и необходимость подкрепиться. Маркус резко оборвал монолог девушки:

– Нам пора. Держите хороший темп!

– Легко сказать, дружочек! – усмехнулась по-доброму Атропа, надевая тяжелый рюкзак.

Маркус и Брассика смотрели на карту, пытаясь понять, где они сейчас.

– Думаю, вот тут, осталось час идти, – неуверенно сказала девушка.

Маркус посмотрел на неё сурово.

– Даже если ты права, чары от твоей грамоты скоро развеются, и весь оставшийся путь придется двигаться обычным ходом. Это плохо.

– Почему же? До сих пор на нас никто не напал. Где-то пробегают их отряды, но судьба пока милостива.

– Это пока. Я думал, мы успеем ударить молнией по гоблинскому отродью.

Брассика оторвала взгляд с карты. Её большие глаза, как всегда очень умные, проницательные и серьезные, глядели в Маркуса. Взгляд словно говорил: «Так и сделай»

Он заволновался и отвернулся.

Маркус потребовал остановиться. Никто не понял причи-

ны – всюду тишина и ни единого намека на гоблинское присутствие.

Мечник вернулся примерно на двадцать шагов назад. Затем попрыгал на земле.

– Что такое? – встревоженно спросила Брассика.

– Нам нужно спешить, – не менее встревоженный Рудольф поторапливал остальных. – Бог благоволит путникам. Пока дорога открыта, давайте не гневать своей нерасторопностью...

Но Маркус продолжал прыгать. Он пытался прочувствовать нечто под землей сквозь сапоги, листву и землю.

– Только не говори, что заклинание перестало работать, – Брассика подошла к нему. Внезапно её осенило. Она тоже стала прыгать.

– Вы сошли с ума? – спросил Рудольф.

– Ты тоже почувствовала? – Маркус, обращаясь к девушке, принялся расчищать носком сапога землю под собой.

– Что это?

Перед ними предстала деревянная труба, шириной примерно в локоть. Внутри неё что-то шумело, не то жидкостью, не то чем-то ещё.

Остальные тоже подошли взглянуть.

– Это водовод, – сказала Брассика.

– Ничего подобного, – отверг тут же Маркус. – Ничего такого в Выше не было. Мы никогда не рыли здесь.

– И что? Не при тебе же Выш построили! Глядишь, архи-

коллегия Выша прорыла катакомбы рядом с городом.

– Не может быть. Мы бы точно знали.

– Всё знать невозможно, – вставил Рудольф. – Должно быть, отцы Выша секрета ради построили форпост для обороны.

Атропа встала на колени, сняла перчатки с рук и потянулась к трубе. Сначала она молча чего-то ожидала, после прикоснулась ладонями к поверхности водовода. Лицо её стало мрачнее тучи.

– Я не знаю, что это такое, но чувствую очень-очень плохое. Тёмная природа. И какая глубокая энергия течет в этом механизме. Сотни и тысячи кричащих душ.

– Не ваш ли народ построил? – спросила Brassика у Атропы.

– Никогда мы не строили механизмы, высасывающие жизнь, – трактирщица поднялась на ноги. – Пожалуйста, давайте поскорее уйдем отсюда?

Гоблинская стража наткнулась на путников, когда те шли по деревянному мостику.

– Ложись! – крикнул Маркус. Свистели косяные копья, два гоблина-разведчика с кличем «Оурх!» ринулись в атаку.

Brassика немедленно наложила косяную броню на всех. Делала заклинание она в спешке, но точным и ясным языком, без лишней заминки, поэтому у каждого вокруг тела появилась перевязь летающих черепов. Маркус бросился на-

встречу гоблинам, проткнув первого насквозь. Плачущий гоблин забарахтался, отпустил валашку и заколотил ладошками по лицу и шлему медника.

– Ух, гад! Какой живучий! – кричал Маркус, сбросив врага на землю. Второй удар по гоблину пришелся в грудь, противник стих в слезах и грязи.

– Этот убегает, догоняй! – Brassика попробовала прочесть какое-то заклинание, но в этот миг в неё влетел горячий огненный шар.

Выбежавший гоблин-шаман, в накидке из медвежьей шкуры, ударил в бубен. Пять шаров полетели в разные стороны.

– Brassика, ты жива? – Маркус поднял девушку. – Смотрю, голова у тебя на месте.

– Ты дурной? Что за глупая шутка. Где он? – спросила она. На ней не было следов крови.

Трактирщица со своей сковородой взялась за шамана. Похоже, что из-за Атропова плаща он не мог хорошо различить её среди окружения. Шаман бесился, бил в бубен и стрелял невпопад огненными шарами. Один из таких трактирщица отбила сковородой. Шокированный шаман воскликнул:

– Оурх. Наглый хрюк ты. Смерть!

– Ты кого свиньей обозвал, лошадиное рыло? – Атропа с разбегу толкнула гоблина-шамана. По его голове ритмично забила сковорода.

Brassика, возможно чрезмерно возбудившись от боя,

необдуманно направила дубовый жезл в сторону гоблина, зачитав заклинание. Из жезла вышел горящий череп, большой и стучащий челюстью, с агрессивными намерениями полетевший на гоблина-шамана.

Или на Атропу.

Девушка приказала трактирщице бежать, что та и принялась немедленно исполнять. К ужасу обеих, череп полетел не за шаманом.

– Ой-ой-ой, убери его от меня! – кричала Атропа.

Череп, хорошенько разогнавшись, влетел в спину трактирщицы, вдобавок взорвавшись на части. Повсюду трещали костяные осколки. Шаман, потирая лоб от боли, крепко матерился и посмеивался над женщиной.

Брассика запустила ещё два горящих черепа. На этот раз они достигли нужной цели: контуженный, с подпаленной шкурой и осколками костей в теле, он полз на коленях к людям, потеряв при этом бубен. Маркус с разбегу отрубил голову шаману.

– Мне никто не хочет помочь? – лежавшая лицом вниз Атропа пыталась приподняться самостоятельно.

– Дайте её осмотреть, – Брассика заставила трактирщицу залпом выпить витальное зелье. – Ты везучая. Череп попал в твой рюкзак, даже плащ не испачкался.

– Ах ты ж штыкля гыкатая, вы только посмотрите на нее! «Ты везучая»! Кто же тебя учил магии в твоей «окодемии»? – Атропа саркастически ругалась над девушкой. Брас-

сика, вероятно, понимала, что её ошибка в магической практике хромает на обе ноги, и робко выслушала всё, что о ней думают.

– Мы должны идти, – священник опасливо оглядывался в чашу, – пока нас не схватили.

– Ты готова? – Маркус спросил у Атропы. Женщина, разминая спину, ответила положительно.

Следующий бой случился по вине Маркуса. Взобравшись на дерево, чтобы обозреть пространство впереди, он случайно показал себя вивернам. Злые змеи, только завидев голову мечника, немедленно ответили ему противным визгом и несколькими огненными шарами.

– Бежим! – спустившийся с дерева Маркус схватился за меч.

Виверны не отличались умом. Их любимым делом было греться на каменных уступах и на коньках домов, часто их одолевала лень и тяга к легкой пище – поэтому гоблинам следовало остерегаться излишней муштры над ними. Крылатые существа, по поверью, в древности были народом огнепоклонников, своей скверной разозливших богов из Абсолютного мира. Поэтому виверны прислуживали гоблинам, но обитали преимущественно в руинах, горах и местах, где исчезла человеческая жизнь.

Четверо бежали вперёд и без оглядки, а им со всех сторон летели огненные шары, поджигавшие приземный слой

рыжей хвои.

– Я их не вижу. Дайте на них посмотреть, – сказала Брассика.

– Потом будешь препарировать гадов! – на бегу ответил ей отец Рудольф. Маркус согласился: «Нельзя, чтобы нас окружили»

– Да я пушу в них череп! – запротестовала Брассика.

Громкий смех Атропы заразил остальных. Засмеялись все, и даже смутившаяся на секунду Брассика позволила посмеяться сквозь град огненных шаров. Они бежали, а за ними вели преследование виверны и гоблины-разведчики, пускавшие со свистом свои костяные копья.

В низине, меж трех холмов, в скоплении земляных провалов и расселин, откуда исторгался белый пар, стоял угловатый каменный дворец. Каменные глыбы его были грубо отесаны, но крепко сложены, выглядели по-настоящему грозно. Оконных проемов не виделось, из-за чего вся конструкция напоминала больше пирамидальную гробницу для усопших, а не богатый дом.

– С каких пор гоблины строят дома из камня? – удивилась Брассика. Ей никто не смог ответить.

Дворец стерегли слабо. Маркус думал, что гоблины бросили все силы на то, чтобы поймать напавших на них рыцарей, а до них дела никакого нет.

«Мы для них как сорные крысы, бегаем под ногами, а

потому совсем не страшны», сказал он остальным. Атропа и Рудольф были довольны этим обстоятельством – меньше всего им хотелось, по-видимому, провалиться в цепкие когти смерти, не успев повидаться с самой королевой гоблинов. Но Брассика стояла, поджав в раздумьях губы.

– Конечно, я тоже рада тому, что нам не противостоит целая орда отвратительных уродов. Но посудите, с чего вдруг нам так вольготно открыли дорогу к самому дворцу?

– Перестань, не спугни удачу, – наставляла Атропа.

– Бог милостив к героям. В этом знаке я вижу его благостное отношение к нашей миссии. Уверен, мы идем к успеху, – добавил священник.

Но Брассика не унималась: «Даже если Часлав со своими воинами устроили переполох, то почему так мало на нашем пути попадалось врагов?»

– Тебе этих мало? – Маркус кивком головы указал на охраняющих дворец.

Виверны обитали на крыше, гоблины-воины в рогатых шлемах делали круговой обход, а шаманы стояли, крепко держась за свой бубен. Разведчики бегали по тропам вдоль развалин и проломов в земле, некоторые повизгивали от боли, когда в них попадала струя шипящего пара.

– Будет тяжелый бой, – подытожил мечник. – Есть идеи, как войти в дворец и не погибнуть?

– Может, кто-то отвлечет их, побудет приманкой? – предложила Атропа.

– Отлично, вот вы и отвлекайте, – ответил тут же Рудольф. Трактирщице не льстило стать одной-единственной жертвой в походе.

– Может, атакуем с разных сторон? В прошлый раз, когда на нас напали ночью у берега, такая тактика оказалась удачной, – спросила Брассика.

– Рискованно. Взгляните на землю вокруг дворца, – Маркус махнул рукой на множественные разломы. – Черти и демоны осквернили её так, что на каждом шагу можно ногу сломать, и не одну. Если бы имелась карта с пометкой всех расселин, я бы согласился на такой.

Помолчали с минуту.

– А если напролом? – спросил священник.

– Я не смогу защитить вас от всех шаманов. Их слишком много, – заметила Брассика. – Хотя... Есть, конечно, один способ. Но действовать нужно очень быстро, счет будет идти на секунды.

– А что делать? – спросил Маркус.

Девушка полезла в подсумок с зельями. На свет вышла стекляшка с ярко-молочной жидкостью.

– Что делать? Бежать! – засмеялась Брассика. Выпив до конца, она встала во весь рост.

– Она не шутит? – со страхом в глазах посмотрел Рудольф.

– Видимо, нет. Ну что, готовы?

– Я не готов, но пусть всё это закончится поскорее, а смерть наша будет легкой. Аминь! – с криком побежал свя-

щенник в сторону дворца. Следом за ним прыгнул Маркус, а трактирщица подождала, пока Брассика дочитает заклинание.

Гоблины заметили, как люди спускаются со склона, пыля серой грязью и сбрасывая мелкие камни по пути. Часть двинулась навстречу, но между ними и людьми появился смерч. Он разрастался и бросал повсюду кости разной величины. Первые гоблины, получившие сильные ушибы от столкновения с предметами, попытались отступить, но ветер втягивал их в центр, их ноги не слушались, и кто-то падал с воплем в провалы, заживо свариваясь. Смерч понесло к центральным воротам дворца, заметно напугал шаманов, которые не знали, что делать; гоблины-воины ринулись в атаку, невзирая на страх, но все они пробовали вкус камня, песка и кости, принесенного смертоносным ветром.

Четверка бежала змейкой почти наугад. Впереди бежал Маркус, и он молился, как бы не улететь вниз головой: «Только бы нога не подвернулась! Только бы не поскользнуться!»

Один из гоблинов-разведчиков метнул в него валашку, но промахнулся. Маркус тут же ответил тяжелым колющим ударом в шею – кровь захлестала и облила ему нагрудный доспех.

– Металл-хрюк! Смерть! – крикнул шаман и треснул бубном в шлем. Маркус опешил от такой наглости. Шаман развел руки, произнес что-то на крепком языке, и в разные сто-

роны полетели огненные шары.

– Берегись! – Маркус аккуратно отрубил правую руку шаману, а после пнул его в грудь.

Гоблин не удержался, соскользнул вниз и упал в бездну.

– Бегите, бегите! Сандали ангеловы ещё с нами! – кричал священник, стрелой мчавший к воротам.

Атропа всячески защищала Брассику, пока девушка на ходу бросала в своих врагов огненные черепа. Трактирщица колотила сковородой по мордам гоблинов, требуя от демонского отродья немедленно сгинуть во тьме.

– Мне не хватает чувств! – крикнула она, чуть не плача. – Силы, мои силы иссякают!

– Брасс, твои слуги сражаются лучше тебя. Это позор! – ради задора бросил реплику Маркус, ударив эфесом меча в лоб гоблину.

Чувства у юной девушки вернулись немедля: над головой мечника вновь без отбоя полетели горящие черепа.

Осталось пятьдесят шагов. Маркус решил догнать священника и вместе пробиться тараном. Его друг бил и рубил так проворно, что казалось, будто этот добрый человек скинул со старческих плеч десять-двадцать лет.

– Брасс, виверны! Отгони их от нас!

– Поняла, – девушка отправила в трех летающих змей по черепу. Глуповатые виверны в попытке увернуться сталкивались друг с другом, противно кричали и обрушивались на землю, где по ним проходила Атропа.

Вдруг у ворот дворца появилась группа гоблинов-разведчиков. Выглядевшие сплоченными, эти гоблины точно не намеревались впускать кого-либо. Маркус хотел затормозить и ретироваться, но увидев, как с бесстрашием побежал в эту толпу отец Рудольф, он решил не сбрасывать темп.

Гоблины пустили град костяных копий. Свистящие и быстрые, они летели навстречу людям, обезумевшим от чувства кипящей крови. Костяная броня принялась сшибать каждое копьё: свист прекращался, стоило маленькому черепку встать между хозяином и летящим оружием.

Маркус и Рудольф врезались в толпу, рубя ошеломленных врагов с неистовой беспощадностью.

– Brass, ворота!

Девушка пустила шесть или семь черепов. Тяжелые дубовые ворота со скрипом приоткрылись. Четверка вошла внутрь, в глухую темноту коридора, используя момент ошеломления. В то время как дезорганизованные гоблины пытались сориентироваться и вновь напасть на людей, Брассика ударила несколько раз заклинанием по сводам; звук трещащего камня и осыпающихся плит отпугнул гоблинов. Валуны быстро завалили вход. В пыли, во тьме и без факелов люди, громко и от перенапряжения прерывисто дышащие, наощупь двигались в утробу, в долгожданные хоромы королевы.

– Давайте сделаем перекличку, – сказал Маркус.

– Я тут, – живо отозвалась Атропа.

– И я, – сказала Брассика.

Отец Рудольф не подал голос.

Глава 7

Сквозь туман бессознания слышались голоса.

– Отец Рудольф! Вернитесь в наш мир, пожалуйста.

– Папаня ты наш, очнись. А ну, плесни-ка в него водой.

Но один голос был ласковее всего, блаженный уху священника: «И побило же несчастного старика... Что мы будем делать?»

Рудольф медленно открыл глаза. В голове мутило, пульсом отбивала боль свое тягостное наказание; во рту ощущалась железная горечь крови. Левое плечо онемело и от движения будто пронзалось стрелой.

Было темно, факелы в коридоре слабо шкворчали, едва освещая пространство. Из обрушившегося входа доносились крайне недовольные звуки – гоблины, пытаясь пройти внутрь, безуспешно пробовали разгрести завал. Священник сфокусировал свой взгляд на девушке, которая наклонилась над ним:

«До чего же хороша!», – подумал он.

Всё случилось при первой встрече. Дурман овладел душой. Стыдно. И грешно. Страсть плотская по неведомой для священника причине бросила его в огонь любви неясной природы. И это в столь седом возрасте. Как бы то ни было, любой знак внимания для его скромной персоны беспощадно палил душу.

– Вы с нами? Слышите меня? – спросила у него Брассика.

– От чего мне не быть с вами?

– Изрядно же вас побило камнепадом. Извините, это моя вина, – рука девушки мягко прижимала ткань к ране.

– Так вот что случилось. А это что? – Рудольф указал на обломок кости, вошедший глубоко в плечо.

– В пылу боя, пока бежали напролом, не заметили. Его придется вытащить, – с этими словами, без всякого предупреждения Брассика потянула за осколок гоблинского копья.

Рудольф ответил диким криком, но его тут же заткнул ладонью Маркус.

– Тише, папенька. Я слышал топот ног поблизости.

– Дальше идти он не сможет, – сказала Брассика.

– Так сделай что-нибудь, – возмущившийся Маркус со страхом посмотрел на своего болезненного друга.

– Осталось последнее витальное зелье. Хотелось бы сохранить перед встречей с королевой. Или если кому-то понадобится помощь после неё...

Рудольф попробовал приподняться, чтобы показать полную сохранность своих сил. Не получилось. Он расстроено посмотрел на свои ладони, полные мозолей, грязи под ногтями и ссадин: «Что же это такое, Дрекавац? Разве я заслужил наказание – после стольких дел, сделанных ради тебя?»

В сознании послышался тонкий звон, нарастающий, приглушающий все прочие звуки. Возник голос, и это был Он.

Рудольф обрадовался – Дрекавац от него не отвернулся.

– Я велел тебе привести Брассику, но ты ослушался. Во дворце не должно быть никого, кроме тебя и девушки, – голос Его ровен, спокоен, и от этого гнев в словах читался с трудом.

– Прошу простить.

– Притворись, что спишь. Они на тебя вытаращились.

Рудольф немедленно изобразил болезненную истому, закрыл глаза и «уснул». Брассика вступила в спор с Маркусом, тогда как Атропа молча сторожила всех, пшикала и просила ускорить принятие решения.

– У меня не хватит сил бросить их. Они же невинные, помогли добраться, невзирая на угрозу. Ты велел исполнить предназначение, и я исполнил.

– Ты ослушался, – не согласился Он. – Их смерти будут на твоей совести.

– Не нужно их убивать!

Он промолчал. Тогда Рудольф попросил дать ему сил, чтобы продолжить путь: «В конце концов, моя встреча с богом неизбежно случится. Но ты обещал поговорить с ним, передать ему мою просьбу. Всё, что я хочу...»

– Я держу свое обещание, – прервал Он. – Ты мне ещё нужен. Послужишь, пока не исполнишь всё до конца. Тогда будет вознаграждение.

– Что мне делать?

– Будешь моей плотью на пути к хоромам королевы. Слу-

шай внимательно и делай всё точь-в-точь как я скажу.

– Будет так. Позволь спросить тебя?

Он помолчал, но позволил.

– Для чего тебе эта девушка? Не к добру предначертание, кажется. Ты же знаешь, что я на доброй стороне?

– И я на доброй стороне, – ответил Он. – Мы оба хотим порядка. Убийство Верховного лорда... случилось не по воле божьей. И нам следует восстановить равновесие в мире. Девушка должна владеть одной крайне ценным знанием, которое мне удалось разыскать спустя множество лет. Ты проверишь, не обманулся ли я в ней.

Звон исчез.

Брассика вновь наклонилась к Рудольфу. Он разглядывал её, и с каждым мигмом распалась его тело, особенно сердце. Влеченный ею, священник необузданно пьянел, тонул в больших глазах, и вместе с тем бесконечно корил.

– На, выпей, – сказала девушка.

Рудольф покорно выпил последнее витальное зелье. Тело ныло от проникающей здоровой истомы.

Дворец королевы гоблинов оказался хитрой шкатулкой. Над землёй это соборное строение из глыб черного камня, но внутри... сплошные катакомбы. Тьма здесь правила абсолютно, но гоблинское племя развесило факелов в предостаточном количестве.

Никто раньше не видел, чтобы гоблины умели строить

подобные замки, к тому же с подземными лазами. Некоторые стены почему-то гудели. В таких случаях отец Рудольф невольно вспоминал молитву. Из расщелин шел теплый и сырой воздух, колыхалась старая паутина. Бесшумно летали мыши над головой.

«Словно в могилу упал, – подумал Рудольф. Он шел неуверенно, отчасти из-за страха перед неизведанным, но и от недостатка здоровья. Раны всё ещё затягивались. – Разве будет добро прятаться под землёй? В землю прячут только смерть»

– Куда теперь? – спросил Маркус. Перед ним была развилка.

– Наверное, вправо.

– Наверно?

– Я не знаю, – призналась Брассика.

Маркус громко вздохнул.

– Признаюсь, меня очень беспокоит отсутствие гоблинов, – продолжила Брассика. – Нас словно загнали в ловушку. Наверху устроен переполох, а тут такая тишина...

– Не навлеки беды своими разговорами, – Атропа махнула рукой на девушку. – Что вы все так любите злоязычить. Отец Рудольф, вам вроде полегчало?

– Да, немного, – отозвался священник.

– Держите, а то скоро рожу от непосильной тяжести, – с этими словами трактирщица передала рюкзак Рудольфу.

«Какая же неприятная чужеземка», – подумал Рудольф.

Он неохотно забрал свой рюкзак обратно.

Звон вернулся, и в ушах прозвучал голос Его: «Убеди их следовать налево».

– Послушайте, нам нужно пойти по левому коридору, – тут же сказал Рудольф.

– Это ещё почему? – Маркус скептически отнесся к такому предложению. – Из левого коридора идёт восходящая тяга. Будет ли гоблинша устраивать хоромы в глубинах подземелья?

– Что ж, злобному созданию полезно быть рядом со смертью. Чем глубже, тем и страшнее зло.

– Не верю я что-то, – сказал Маркус.

– Послушай, этот знак мне послан свыше самим богом.

Он указал пойти влево.

– Знак свыше? – удивился Маркус.

Брассика и Атропа переглянулись.

– Да. Если пойдём направо, только время потеряем. Не ровён час, ещё ворвется подмога, и тогда мы не выкарабкаемся.

Видя большое сомнение, Рудольф, взяв один факел со стены, единолично отправился в левый коридор. «Уж Маркус точно не устоит после этого, а девушки за ним пойдут обязательно», подумал он.

Так и случилось. Маркус вздохнул, но пошел вслед за ним. Рудольф внушения ради вслух зачитал молитву. Спускаясь по ступеням вниз, они проникали в глубины неведомого све-

ту царства. Было страшно.

«Я слепо исполняю твою волю», – сказал себе священник. Его сердце поразило смутой.

Четверо рассматривали свысока гигантский зал, в котором расположилось нечто, до этой поры им не встреченное. Циклопических размеров механизм, похожий на металлическую гору, искусственно выполненную либо богами, либо людьми, либо кем-то ещё, чьи руки на это способны. Золотисто-розовые трубы, словно вены живого организма, проходили через эту гору от самого дна и заканчивались в верхушке, испещренной множеством спиц, сплетенных черной лозой необычного вида. Колёса, зубчатые и самой разной величины, двигались, толкали друг друга или стояли мертвыми.

Внутри горы, сквозь множество двигающихся деталей и металлических бочек, виднелась прирученная молния: она искрила постоянно, игралась по стенкам прозрачной поллой трубы,

Здесь же впервые показались гоблины, облаченные в необычные серебристые балахоны, существа размеренно ходили по подмостям.

– Что это такое? Похоже на капище, – спросил Маркус.

– Они нас не видят? – опасливо поинтересовалась Атропа.

– Кажись, нет. Слишком озабочены своим алтарем.

Даже в воображении не укладывалось, как и для чего та-

кое сотворили. Brassика прищуривалась, аккуратно оглядывая гору: «Попробую запомнить как можно большей элементов и общую конструкцию. Вдруг кто в Академии магии знает, что это?».

Рудольф чувствовал смятение. Бог в писании велел ему не бояться неизведанного, твердо стоять на ногах, если предстоит долгое испытание. Правда, уже почти двадцать лет земля под ними разверзлась, рассыпалась и загорелась... Бог не слышит ничьих мольб с того момента, как был сражен Верховный лорд под Проклятым городом. Может, и правда наложили проклятие за его убийство?

Однажды, после прочтения маленькой книжки в скрытых уголках монастырской библиотеки, горькие слезы души Рудольфа наконец-то заметили. Познал их никто иной, как Дрекавац, появившийся словно из ниоткуда. Нигде ранее священник о нем не слышал, а церковная братия считала это существо то ли неким проходимцем, то ли разбойником из пустошей на юге от Эйны, то ли демоном из пустошей, питающимся местными шахтерами.

Поначалу он опасался разговора с ним, прятался и обрывал диалог, да и существо ни разу за всё время не приобрело облик перед его глазами. Попытки найти хоть немного знаний о нем успехом не увенчались. Шли дни, и Дрекавац убедил его, что он послан к нему не просто так.

Ему велели разыскать девушку по имени Brassика. Что священнику уготована миссия по её защите и опеке – до того

момента, пока она не исполнит волю бога. Посланник божий шепотом указал Рудольфу, где следует искать человека.

– Можно мне подойти ближе? – спросила Брассика.

– Нам нужно идти вперёд, – ответил Маркус. – Наверняка нас ищут.

И снова звон в сознании Рудольфа. Голос указал ему:

– Подведи девушку к алтарю на мостике. Покажи ей письмена – если про неё говорили правду, она их прочтет.

– А если нет? – спросил Рудольф.

– Тогда вы все безнадежно обречены.

К Рудольфу подошел Маркус.

– Что с тобой? Как твои раны?

– Я чувствую себя лучше. Спасибо Брассике и её чудесной аптеке.

Маркус наклонил вбок голову. Мечник так делает всегда, когда чувствует беду, но не понимает, откуда она исходит.

– Что с тобой? – повторил он свой вопрос. – Ты словно исчезаешь из нашего мира. И твои губы. Не раз замечал, как в такие моменты губы шепчут что-то.

– Наверное, виной всему зелье, – Рудольф виновато пожал плечами. Он медленно пошел по мосту, с которого они взирали на рукотворную гору. Впереди показался небольшой алтарь из мрамора, с крупной выемкой посередине. – Взгляните, что нашел. Подойдите сюда.

Священник потер рукавом поверхность. На камне проявились белесые надписи, крючковатые и вытянутые.

– Brassica, вы же ученая. Должно быть, разбираетесь в древнем письме. Это точно не язык церкви.

Девушка вчитывалась в надписи.

– Руническое письмо, хм. Оно вам знакомо по камням, которые используются дляковки магического металла, – Brassica ещё раз провела рукой по мрамору, чтобы знаки вновь осветились. – Надо же. Видимо, это и есть древние руны из эпохи Абсолюта.

– Ты можешь прочитать? – спросил Маркус.

– Что-то понимаю, а что-то нет. Но первые строки самые лёгкие в прочтении.

«Машина древняя, застывшая в веках,

Стоит здесь, ожидая часа.

Ни бог, ни дьявол, ни мудрец

Не оживит сие создание.

Лишь камень рунный вдохновит
в бесполье суставы дух живого.

Владыке дум она подарит силу,

Несведущему – гибель и расплату.

Задумайся сто раз пред тем,

Чтоб одарить душой машину»

– Что бы это не было, нам не следует стоять здесь, – заметил Маркус.

– Касатики мои, давайте же закончим наше дело, – сказала Атропа. – Негоже время тратить впустую, на какие-то яз
Рудольф почувствовал близость с Ним. Иглы покалывали

кожу священника, бросило в холодный пот и дрожь. Дрекавац влился в его сознание, мягко, но очень настойчиво приказал: «Веди её в покои королевы».

«Слушаюсь», – ответил священник.

Дальнейший спуск прошел мимолётно. Вскоре послышался звук мелодии и стойкий аромат зажженных свеч, выдуваемый из деревянной двери. Рудольф вёл остальных, притворяясь, что к нему пришло новое озарение. Лукаво играть эту роль становилось всё сложнее. Маркус ещё терпел, считая, что священник действительно близок к богу, Атропа молчала, испытывая тяжелое напряжение ума, а Брассика, несмотря на свою приверженность к колдовскому искусству, всё чаще хмурила лицо.

Путь к двери преграждали гоблинши. Их воинственный настрой проявился, когда те своими устами прочитали заклинание. Врата Бездны раскрылись, красно-бурое мерцание окружило гоблинш.

– Что это за магия такая? – спросил Маркус у Брассики. Она ответила, не снимая взгляда с существ: «Школа пентаграмм».

Маркус двинулся навстречу страже, но Брассика остановила жестом.

– Нет, так не получится. Бездна оберегает их. Ты не сможешь прикоснуться к ним.

– И как долго?

Одна из гоблинш сняла с пояса мех, испила и воинственно прорычала, ударив в грудь. Три пошли вперед, маленьким шагом, а две остались у двери.

– Brassика? – Нетерпеливый мечник направил оружие в сторону гоблинш. – Решай скорее, пока нас не прирезали.

– Может, отступим? – спросила Атропа, стоя позади всех. Рудольф грубо оборвал её, наотрез отказавшись уходить.

Тройка гоблинш подступали всё ближе. Одна из них играючи метнула костяное копьё. Девушка ответила ей, прочитав заклинание – огненный череп влетел в голову гоблинши, заставив её пошатнуться.

– Задела! – обрадовался Маркус. – Ослабь их, тогда и я доберусь.

– Но мне не хватит сил, – засомневалась Brassика.

Рудольф метнул валашку в гоблиншу, шедшую впереди. Топорик пролетел мимо, порезав лишь ухо. Гоблинша взвизнула.

– Метать можно, подходить нельзя, – удостоверился он.

– Brass, не стой на месте. Бей их своей магией! – крикнул Маркус. Сам он достал ножи. Метал он гораздо лучше старого священника, загнав один в ставшую одноухой гоблиншу.

Поле на миг исчезло. Бездна ослабла.

– Brass, действуй!

Гоблинши метнули костяные копьё. От большинства удалось увернуться, но одно из них пробило у Маркуса доспех на правой голени. Атропа попробовала пройти внутрь Без-

дны, но поле немедленно её вытолкнуло с большой силой, из-за чего она рухнула на пол.

– Ах черт, как больно! – зашипел Маркус, извлекая наколечник копья из ноги.

Гоблинши приблизились совсем близко, оставался шаг до того, чтобы их топоры дотянулись до голов людей. Брассика применила болезненное для своей души заклинание: шипы из костей выскочили снизу, выросли прямо меж каменных плит, ужалив гоблинскую стражу. Бездна замерцала вновь, и тогда Маркус, преодолевая боль, ударил со всей силы мечом.

Шипы пошли дальше, заколов оставшихся у дверей гоблинш; они растерялись, принялись метать копья наугад, забыв про поддержание источника Бездны. Атропа оглушила обеих своей сковородой, подошедший сзади Рудольф зарубил валашкой несчастных.

– И женщин не жалеем, – усмехнулась трактирщица.

– Брасс, ты великолепна. Жаль, что лечить не умеешь, – Маркус заметно ковылял, стараясь скрыть боль.

Атропа извлекла из своего рюкзака маленький бутыль.

– Давай, молодчик, по-быстрому омой рану...

Закончив с ногой Маркуса, четверка приоткрыла скрипучую дверь в хоромы королевы.

Их тут же ослепило золотом и серебром. Рудольф прикрывался ладонью: до чего же ярко в зале! Его взору предстала вытянутая комната, с высоким потолком и множеством свечей. Колоннада, держащая уложенную на неё плиту, укра-

шена фигурными конями. Металлические подсвечники, все до единого с резьбой, стояли оплаканными восковыми слезами. Все стены покрыты золотом, всюду зеркала из серебра, мешки, набитые монетой, теснили углы; по полу разбросаны украшения, столовые приборы, рунные камни и лоскуты парчи. Несколько беломраморных статуй, без головы, рук и ног, одним лишь туловищем лежали возле импровизированного трона, больше похожего на схрон, чем на торжественное место.

Всё было свалено в хламную кучу, всё было неупорядоченно и набросано, с заметной долей пренебрежения красотой; ценным вещам не придано должного значения, подумал Рудольф, озираясь на забитую богатствами залу.

«Как разбойники, устроившие логово, накидали награбленное добро и радуются ему, – Рудольф заметил, что некоторые вещи ему знакомы. – И даже вышский янтарь тут. Какое безобразие. Что это? Грабеж ради сиюминутной выгоды? Грабеж ради низменных потребностей, не для потребления, а с целью самовозвеличивания? И ради этого погибла цивилизация, под звук варварского горна?»

– Батюшки, она самая явилась, – шепотом произнесла Атропа. Рудольф взгляделся в дальнюю часть залы. До того момента эта фигура пряталась за золотыми горами и колоннами. Теперь, когда королева гоблинов вдоволь изучила вторгнувшихся в её логово гостей, страх у создания отпал.

Туша с грубой, совсем неженственной фигурой, с толсты-

ми складками и огромным шрамом на чреве, направилась в их сторону; грудь опоясана повязкой с золотыми серьгами и кольцами, а нижняя часть осрамлена короткой и порванной шкурой; кулаки, напоминающие стальные булавы, питались от тяжелых и мускулистых рук; держали они неестественно малый для такой комплекции серебряный жезл с черепом, из глазниц которого горело чем-то неприятным, сине-зеленым, чуждым всему живому; ноги такие же толстые, коренастые, кривые, но уверенно держащие тело, словно не каменный пол поддерживал королеву гоблинов, а она его; голова без шеи, крупная, бычья, от того тупая, с бугристой кожей, маленькими глазками и пухлым носом, увенчана ржавой стальной короной из острых зубцов. Седой волос от грязи скрутился, сходил до самой пуповины.

Это была сила, но сила вульгарная, опошленная и бессмысленная, для крушения крепостных стен и перемалывания городов, но не для торжества порядка. Это сила не для честного боя, а ради смерти как таковой, и кому принадлежит такая мощь, от её переизбытка извратит все законы и обычаи мира. Если ты обладаешь такой силой, зачем прислушиваться к ничтожным и слабым? Все будут служить. Ибо кто откажется, того ждет гибель в муках.

Королева раскрыла большой рот.

– Нести девку. Отпустить вас.

Рудольф ужаснулся: «Откуда она знает Брассику? Не засада ли это?». Все прикрыли собой юную. Пытаясь не по-

скользнуться на рассыпанных монетах, вилках и ножах, священник выдвинулся вперед.

– Вот мы и встретились с тобой, виновница всех наших бед и проклятий. Ты чудовище, которое следует истребить. Чужеземка, враг, злое существо, коварством и обманом разрушившее великое королевство. С волей божьей и силой человеческой мы изгоним тебя из нашего мира.

Вслед за ним что-то выкрикнул Маркус, но сделал это неуверенно, резко. Его явно смутило крепче из-за того, что королева гоблинов знала Брассику и потребовала её выдачи. Атропа предпочла смолчать, в волнении она пыталась зайти сбоку, но её плащ от множества серебра и зеркальных отражений покрылся бликами.

– Смерть? – спросил большой рот.

Брассика в два глотка осушила склянку. Рудольф заметил, как рядом с ней чувства будто покрылись цветом и теплом. Быстро, чуть ли не скороговоркой она наложила на каждого костяную броню.

– Брасс, не подходи к ней близко. Нас могли завести в ловушку, – предостерег Маркус.

Отец Рудольф метался: хотелось напасть на королеву гоблинов, уничтожить это адское племя раз и навсегда, но чувствовался обман; ложь уже вскрылась, но тайна ещё не проявилась до конца, и сердце чрезвычайно трепыхалось в желании обратиться к Нему. Однако времени совсем нет, ещё чуть-чуть, и начнется бой, ударятся мечи, валашки и скovo-

родки об жезл этого левиафана, всемогущей гоблинши, пугающей своим видом и умением говорить и мыслить как человек, пусть и по-варварски.

Священник помолился богу. Он знал, нет, он верил, и верил глубоко в свою безгрешность и бескорыстность, и то, что ему понадобилось обратиться к смутьяну души по имени Дрекавац, оправдывалось благостью мечт. Цель благородная, и ради неё все средства востребованы, хороши и полезны. Священник молился, ожидая благословения на добрый исход сражения.

Первым атаковала королева гоблинов. Тяжело опираясь на колонну, она размашисто пнула ногой по золоту, лежащему на полу: россыпь камней, жемчуга, золотых монет вышской и данарской чеканки полетела в четверку. Больше всех досталось самому Рудольфу, который ничем не прикрылся. Боль от прилетевшей в грудь дроби заставила его упасть на колени.

Маркус опасно крутился влево-право, сближаясь с королевой. Гоблинша предпочла держать его на расстоянии от себя, сначала метнув костяное копье, а затем пустив шипы. Маркус запрыгнул на мешок с золотом. Полетело ещё одно копье, но броня оберегла его.

Брассике оставалось только отвечать черепами. Раз за разом её уста читали заклинание, огненные, клацающие челюстью черепа с шипением летели в королеву; та отмахивалась жезлом, либо укрывалась за колонну, а те, что попадали в

неё, только вызывали гнев и гоблинское злословие.

– Нам её так не победить. Брасс, думай! Ты у нас дума! – крикнул Маркус. – Время не на нашей стороне.

– Да этот бегемот нас всех сожрет и не подавится, – ответила ему Брассика. В туловище королевы полетели ещё несколько черепов. В ответ та пустила костяные шипы по полу.

– Прыгайте на что-нибудь!

Королева подошла ближе. Её жезл устоялся в Маркуса. Капля зелёного цвета, накопившаяся в жезле, словно выплюнутая упала под ноги мечнику. Прикоснувшись к вещам, жидкость дымно зашумела. Серебро от неё стало ещё чище.

– Яд! Не попадайте под него.

Рудольф решил напасть. Горсть монет полетела в большую голову королевы; отвлекшись, она не заметила, как быстро подскочил к ней священник. Он ударил её по колену, в отместку за это королева пнула его. Маркус, разбежавшись, вонзил меч в живот, однако не поразил насмерть врага. Атропа ударила со спины, попробовав подрезать сухожилие на ноге. Королева гоблинов охнула, повернулась и пустила ядовитую каплю в трактирщицу.

Атропа только успела прикрыться своим плащом, как он тут же вспыхнул зелёным. Рудольф толкнул её к колоннам. Женщина кашляла и задыхалась: «Как чумой заболела!»

Маркус попробовал ударить выше, но как бы он не силился достать головы, высокорослая громада не позволяла ему

достичь нужного места. Уставши от его попыток, жезлом она дважды поразила его в шлем; отшатнувшийся Маркус упал спиной и на секунду потерялся в пространстве.

Королева сделала три шага вперед к Брассике. Внутри Рудольфа что-то болезненно сжалось: не медля ни секунды, он кинулся к гоблинше, ударяя валашкой по её огромной руке. Горячая кровь хлестнула в него, а существо, впервые ощутивши яростную боль, попыталось затоптать священника.

– Боже, дай нам сил! Повергнем чудовище, отправим его в бездну ада!

– Смерть, всем смерть. Дрекавац требовать девка!

В Рудольфа словно молния ударила: «Опять, опять упомянула. Кому же нужна такая прелестная дитя? Неужто Дрекавац обвел вокруг пальца?». Зазевавшегося гоблинша тут же ударила кулаком в плечо. Рана, только-только затянувшись, напомнила о себе глубокой резью, он упал, принялся работать ногами, толкая себя назад.

Брассика пустила в ход костяное копьё. В отличие от черепов, которые славились у неё неудачей, копьё попадали быстро и точно. Королева гоблинов только прижгла кровоточащую рану жезлом, как её поразили новый удар. Маркус бросился в новую атаку, на этот раз дважды рубанув от плеча. В гневе королева попыталась укусить мечника, но удостоилась только его отменной прыти. В догонку она метнула каплю, и на этот раз злосчастная магия достигла его.

Спина у мечника загорелась зеленым пламенем. Стара-

ьясь аккуратно сбросить с себя броню и шлем, он случайно обрызгал себя стекавшим ядом, и это вызвало в нём страшную боль: полураздетый, защищая себя мечом, Маркус отступил за колонну, где потерял остатки сил. Атропа попробовала потянуть его подальше от боя, но пары яда отравляли и её.

Королева подошла к Брассике.

– Девка, – будто произнеся вердикт, она обрушилась на магиню со всей мощью. Из Брассики уходили последние чувства, а вместе с ними терялась крепость магических заклятий. В какой-то момент девушка пропустила взмах и получила громкое оглушение в грудь. Воздух вышел наружу, почти невозможно было вздохнуть, и в этом состоянии королева добила её заключительным ударом.

– Нет. Нет-нет-нет! – кричал Рудольф, увидев, как девушку закинули на плечо. Подобрав меч, от страха священник нашел в себе последние но самые яркие остатки воодушевления, и прыгнул так дерзко, что блестящим клинком вошел в шею гоблинши на глубину двух ладоней.

– А-а-а-а-а-р-х! – Невероятный рев огласил залу. Закрутившись вокруг себя, королева пыталась извлечь меч из шеи; избавившись от него, она с разбегу сшибла несколько колонн. Конструкция зашаталась и повалилась на пол, мрамор хрустел и гулко падал под звон рассыпанных монет, а королева гоблинов на глазах у Рудольфа вошла в только что открытый мистический путь.

Вытащив из-под пыли и камней Маркуса и Атропу, священник принялся ходить по зале, частично уцелевшей после разрушенной колоннады.

– Я видел, как королева вошла в мистический путь. Ну не могла же она уйти далеко.

– Мне совсем плохо, – жалобно сказал Маркус.

Всё шло не так, как планировал священник. Бог не услышал молитв. Снова! И тогда Рудольф, обуреваемый гневом, закричал:

– Будь ты проклят, Дрекавац. Будь ты проклят! Ты обманул меня.

Звон в ушах не появлялся. Тогда Рудольф продолжил: «Я исполнил все твои приказы, а теперь ты оплатил мне горькой утратой? Вот твоя плата за служение? Ты обещал, что всё получится!»

Звона всё не было.

Плачущий священник побежал к сундукам, надеясь найти там хоть какое-нибудь полезное зелье для его друга. Но ему попадались грамоты, свитки, бумажные свертки, кипы бумаг с печатью и письма.

– Ты же обещал, что смерть королевы будет последней жертвой на пути к порядку. Так вот, я требую этой жертвы!

Звон всё-таки появился. Он заговорил с Рудольфом:

– Тогда найди их. Открой лаз и успеешь настигнуть, пока не поздно.

Он тут же растворился.

– Ищите тайную комнату! – приказал священник.

Трогая стены, зеркала и светильники, они слепо искали секретный рычаг от двери. Атропа судорожно подергивала цепи, держащие трон, опасаясь, что это либо откроет вход, либо убьет её камнепадной ловушкой или чаном с кипящим маслом.

После очередной попытки загрохотали каменные плиты. Сразу несколько плит сдвинулись под тронем, открыв каменный проход с лестницей.

– Поспешим, – таща на себе Маркуса, он прошел внутрь темного коридора.

Пройдя двадцать-тридцать шагов, они заметили кровавый след. Недалеко кто-то болезненно рычал.

– Сюда!

Выйдя из коридора, они настигли королеву: будучи раненной, она волокла Брассику, одновременно прижигая шею жезлом. Смердело горелой кожей. Рудольф увидел, как обесиленное создание, что повинно во многих его болях и страданиях, неустойчивыми шагами шло навстречу башни мистического пути.

Больше никаких жертв, сказал себе священник.

– Вы это видите? – спросила Атропа.

– Откуда тут башня? Гоблины не умеют строить такие устройства, – сказал Маркус.

– Все разговоры потом. Нам нужно сразить королеву. Му-

жайтесь, мы победим.

– Да, победим, – мечник, испив воды из меха трактирщицы, принял атакующую стойку.

Зал на этот раз была меньшего размера, но с таким же высоким потолком, испещренным светящимися камнями. Пентаграмма мистического пути мерцала алым светом, вследствие чего стены покрылись мрачной багровой пеленой, и надвигающаяся по ней черная тень становилась всё шире и больше.

Королева обнаружила, что её преследуют, обернулась и сняла с пояса жезл. Рудольфу на секунду показалось, будто создание неприятно удивлено.

– Нет. Нельзевый дорога. Нельзевый путь!

Глазницы черепа, горящие пламенем ядовитой скверны, плялились на троицу. Капля устремилаь в них, но упала в нескольких шагах от самой королевы.

– У неё не осталось сил сражаться. Бейте, только не попадите в Брассику, – сказал Рудольф.

Он вместе с Маркусом ударили в лобовую. Королева сражалась с двумя сразу, иногда напирала собой, но люди, меньшие ростом и весом, умеючи оборонялись. Мечник в бледной рубашке оказался ещё гибче, чем прежде: будучи не скованным доспехами, он колющими ударами пробовал ослабить и без того обескровленную гоблиншу. Рудольф рубил валашкой так, чтобы ей приходилось постоянно отвлекаться на него.

– Brassика, очнись! – крикнула трактирщица. Всякие попытки стянуть девушку с плеча отвергались яростным брыканием ноги гоблинши. – Очнись, касатка моя.

И девушка очнулась. Не подавая виду, она прочитала одно заклинание, затем ещё, и ещё, и ещё: костяные копыя входили в грубую спину королевы, раз за разом, всё глубже. Brassика крикнула, чтобы все отбежали к стенкам зала, а сама прочла заклинание костяных шипов. Раны на толстых ногах оказались слишком велики, гоблиншу подкосило, и от злорадствия Brassика пустила ещё десяток копий в её спину. Когда тело обрушилось с грохотом, девушка тотчас сбежала.

– Ты как? – спросила она у еле стоящего Маркуса.

– Жить буду, – улыбнулся в ответ мечник.

– Она ещё не сгнула!

Священник осторожно подкрадывался к ползущей королеве. Парализованная наполовину, тянувшаяся к выступу башни гоблинша громко сипела.

«Сбежать удумала, – решил Рудольф. – Ну, не в этот раз. Всё кончено»

И тут королева повернула голову к священнику. Черные маленькие глаза внезапно заплакали. Рот её, толстый и широкий, зашевелился, послышались слабые слова:

– Обмануть. Обмануть Дрекавац. Обмануть. Тебя. Обмануть.

Brassика пустила огненный череп в гоблиншу. Взрыв разорвал её на части, окатив стоявших тяжелым землистым

запахом, конечностями и кровью.

Когда в зале стихло, они подошли к останкам.

– Мертва, – заключил Маркус, пошатываясь от боли.

– Неужели всё? – Атропа не верила своим глазам.

Сверху загудело, посыпалась пыль с потолка. В коридоре слышались множество топаящих ног.

– По нашу душу, братцы и сестры, – заметила Атропа. – Убежать бы отсюда. Брассика?

– Прыгаем в башню, – ответила она.

– А вдруг полетим куда-нибудь не туда? Вдруг это башня для гоблинов?

– Выбора нет. Как только выберемся из мистического пути, бросайтесь кто куда.

Гоблины ворвались в зал, яростно вереща. Серебристые балахоны, шаманские бубны, факелы и валашки, медвежьи шкуры поверх розовой кожи – масса смешалась и бурлила, как море в бурю. Увиденный труп королевы заставил их всех замереть.

Пользуясь заминкой, четверо побежали к башне.

– Стойте, я заберу жезл, – Брассика метнулась за оружием. Её тут же попробовали пронзить градом копий. Некоторые гоблины хотели подойти к ней, но останки королевы зачарованно сковывали их движения

Рудольф, вернувшийся за девушкой, схватил её за руку, из последних сил побежал к башне. Нога споткнулась об выступ, и вдвоем они понеслись головой вперёд, к пентаграм-

ме башни.

– Господи, спаси! – взмолился священник.

В глазах сверкнули миллиарды белых звезд.

Глава 8

Сон резко прервался. Брассика раскрыла глаза.

Ничего не изменилось.

Перед ней всё та же тюремная стена. Единственная переменная – это идущий из окошка блеклый тон света. За пределами тюрьмы не лучше – стоит хмурая осенняя погода. Страшная вонь и грязь. Внутри камней что-то пищало и шевелилось. Стражник, проходя мимо неё, безучастно посмотрел в камеру.

«Сколько ещё можно? – размышляла она. – Сколько ещё предстоит вот так сидеть, ничего не делая и ожидая палача или спасения?»

Всё случилось внезапно. Войдя в башню, её ослепило сначала звездной искрой, а затем бесконечной тьмой. Привычка, полученная в Академии магии, заставила девушку искать мистический путь, но вместо этого её резко затрясло, выбросило вместе с её слугами обратно в живые земли. И не абы куда, а в самый центр Данара, в его торговые ряды, укрытые тёмно-красным кирпичом и драконовыми бойницами.

Никто не встретил их радушием. Наоборот, молчание толпы, собравшейся вокруг, сменилось яростным гневом. Брассика испугалась, что их с кем-то спутали – ведь раздавались требования расправы над лазутчиками и приспешниками дьявола.

Брассика только успела поднять Маркуса с мощенки, как получила болезненный тычок в бок. Она обернулась: грубые и злобные брови старика уставились на неё.

– Колдуны! – возмутился старик, вновь ткнув тростью.

– Позовите стражу, к нам пробрались лазутчики, – сказал упитанный лысый торговец. Его живот напирал своим чревоугодным превосходством. – Ну же, позовите стражников, нам нужно задержать этих вражин.

– Правильно говорите. Под суд Валука! Честный судья Валука отрубит этим приспешникам дьявола головы! – кустистые брови всё не унимались.

– Дьявольские лазутчики! Блудные сволочи, чтоб их всех! – раскричался мужик, грозя пальцем в лица. – Эта шайка, видать, по-бесовски прислуживает нелюдям всяким, этим остроухим и гоблинам. Пытать их, пытать серебром и каленю.

– Да! Калень и на дыбы сразу! – упитанный торговец так обрадовался, что захлопал в ладоши.

Из толпы полетели комья земли и предметы, что первыми попались под руку разъяренных. Брассику вновь, как в первом бою в таверне Атропы, бросило в холодный ступор: «Куда спастись?»

Стража ворвалась в людскую массу. Кони волновались. Сверху на девушку из-под шлема посмотрело знакомое лицо, чернобровое и с прямым носом.

– Разошлись! Дайте дорогу! Указано разойтись – кто не

послушается, тому голову на плечах не снести! – Часлав, сидя на норовистом, грозился всем оголенным мечом. Толпа неохотно отступала. Послышался звон колокола: со всех улиц стекались ручьем городские зеваки...

Брассика встрепелулась. Её выдернули из воспоминаний о последних днях. Стражник провел палкой по решетке, издав переливчатую трель. Ей принесли кувшин с водой.

– Как долго вы будете нас задерживать? Не видите, что мы честные люди?

Стражник, собрав всё безразличие в своем лице, молча развернулся.

Беспокойство нарастало. Это был третий или четвертый день – поздней осенью с трудом заметишь перемену времени суток. В первый же день их отвезли в замковый острог, развели по разным камерам и отказывали во всяком общении. Неясно, что сейчас с Атропой, Маркусом и Рудольфом. Часлав, рыцарь, что ждал свидания с Брассикой, ходил мрачным по коридору, но исправно давал еду.

Он спас их от бушующей толпы, ослепленной яростью и глупостью, не видящей зла в своих желаниях. Отовсюду мужчины требовали крови и мести, их оскорбляли слугами дьявола, а женщин презрительно называли блудницами и колдуньями. Сидя на его коне, девушка встречала болезненные скудоумием, опаленные ненавистью взгляды городских мужей.

Она перебирала в уме все возможные и невозможные

мысли: «Что случилось? Раскрылся её обман? Маги из Эйны принялись разыскивать её? Гоблины осадили город?». Одна сплошная неясность. Ведомые по улочкам мокрого города, она очутилась внутри замковых стен.

– Вашу судьбу определит верховный шолен, – сказал ей на прощание Часлав.

Больше всего ум Брассики волновался о положении её слуг. И это было странно, ведь прежде главной заботой было преуспеть в своем начинании, а что случится со средствами не так уж важно. Душа все-таки испытывала глубокое удовлетворение от того, что её дерзкий план увенчался успехом. Веры в победу было совсем чуть-чуть, но амбиции и самолюбие брали верх над страхом и рациональностью. О себе она думала просто: «Я победила мир».

Что о ней будут говорить мужи, её не интересовало. Слом старого замка предрассудков уже случился. Так происходит всегда, когда перед течением жизни ставят преграду. Смоет. Разрушится. Сгниет. Распадется.

Но что будет с остальными? Они ей были верны, несмотря на нрав и грубости. Оплата – это пустяк. Для наемников эти люди слишком богаты на нравственность. Наемники бы не стали возиться со своим хозяином – при первой же оплошности они вгрызутся в его горло, отберут все богатства и бросят умирать в пустыне. Ни Маркус, ни Рудольф, ни Атропа не бросили её, доверились.

Что это? Мощь клятвы? Добродетель или отчаянность?
Вера в идею? Откуда они черпали силы для борьбы?
Ход дальнейших рассуждений прервал Часлав.
– Пора. Тебя ждёт Валук.

В тёмной комнате, больше похожей на винный погреб, сидел мужчина и что-то писал. Свечи стреляли и слабо освещали каменное пространство. Перо в руке человека игралось на бумаге, рисуя витиеватые подписи.

Брассика ожидала увидеть очередного толстосума из купеческого сословия, заслужившего себе почетный титул в эпоху великой смуты. За двадцать с лишним лет в королевстве случилось много зол и несчастий. Гибель Верховного лорда тьмы не привело к восстановлению добропорядка. Мошеники, дельцы и негодяи вышли в свет, мелочные люди ломали жизнь, взбираясь по костям на самые высоты. Короля нет, а шолены, бывшие верные слуги, не могущие сделать ничего без воли сюзерена, в новом мире нашли себя властителями.

Так и с Валуком. Перед девушкой предстало серое и маленькое существо, одетое в блеклое мужское платье; за спиной грубо топорщился плащ из очень дорогой, но безвкусной ткани. Золотая цепь с гербом Данара висела на шее, но казалась такой же несуразной, как и вся одежда.

Старая голова имела на затылке длинный соломенный волос, мелкие глаза чутка косили, губы испытывали постоян-

ное напряжение. Лицом он был неприятен – мелочное делчество проскальзывало в этой униженной и напыщенной гримасе. Брассика видела такую гримасу среди тех учеников, кто желал пустого, лишнего смысла сибаритства.

Существо не было ни толстым, ни худым, но походка выдавала тяжесть шага. Хлипкий кашель звучал натяжно, словно человек желал показаться слабым и болезненным, над которым неприлично проявлять насилие.

Вся фигура верховного шолена указывала на его среднюю позицию во всех делах и способностях. Ничего выдающегося. Ничего серьезного. Ничего достойного.

Хотя умные люди ищут золото в срединном, то есть в гармонии, Валук показывал собой обратный пример, когда пустоту предпочли заместить бездарным середняком, случайно найденным под сапогом в грязи.

– Миледи? – спросил Валук, показывая на стул.

Брассика присела.

– Приветствую вас. Добро пожаловать в великий Данар, землю сильных и непобедимых. Меня зовут Валук, и я верховный шолен, протектор Данара и освободитель Выша. С кем имею честь вести разговор?

«Освободитель Выша? Мне это послышалось?» – подумала девушка.

Брассика совершила легкий кивок головой, представившись леди Крич, дворянкой из угасшего рода Кричей в Выше.

– Не слышал о таких, – признался Валук.

– Мой покойный отец владел солеварней близ Выша.

– Ах... Интересно. Продолжайте.

– Я покинула Эйну ради паломничества. Мои слуги сопровождали меня. Скажите, где они?

– Кто они? – словно удивленный спросил Валук.

– Маркус, мой верный защитник, отец Рудольф, священник из Выша, и Атропа, моя служанка.

Валук недолго помолчал.

– Ах да. С ними всё в порядке. Они сидят вместе с вами. Здесь безопаснее, поверьте. Если бы не я, что с вами случилось бы? Думаю, ответ вам известен – в ваших глазах я читаю ум. Маркус страдает от яда, но его жизнь вне опасности. Вы упомянули паломничество?

– Да. Признаюсь, мы долго шли в земли Выша, чтобы посетить родовое кладбище Кричей.

– Как неблагоприятно вы поступили, дитя. Разве вам неизвестно, что земли Выша поражены злобными существами? Мы живем в суровые времена – я, как протектор Данара, обязан защищать своих подданных от внешней угрозы. Хождение по землям Выша запрещено законом.

– Каким же?

– Моим, – улыбка Валука стала неприятной. – Что же до вас, то мой народ вправе высказывать свое осуждение.

– Кажется, ваш народ хотел растерзать нас.

– Признаюсь, что у них есть на то право. Часлав сказал

мне, что встречался с вами неделю ранее. Как необычна эта встреча – на следующий день мистический путь иссяк во всём королевстве! Надо сказать, что я готов работать с теми, кто постиг магию, но это какое-то чуждое нам, данарскому народу, явление... К тому же на севере гоблинские орды внезапно ринулись на рубежи границ. Мы не позволим повторить судьбу несчастного Выша.

– К чему вы клоните?

– Леди Крич, в моем городе есть большое опасение, что вы лазутчики гоблинов. Посудите сами, кроме вас за неделю никто не смог пройти в башню мистического пути. Кто же вы? Должен довериться вам, но где сердечные доказательства вашей честности и искренности? Поймите меня правильно, вы не оставляете иного выбора, кроме как судить вас за измену.

– Я никому не изменяла.

– Да, конечно! – Валук взмахнул рукой, как бы говоря: «Не волнуйтесь! Я на вашей стороне». – Есть только домыслы, догадки, которые подсказывает разум. Но у меня богатый опыт за плечами. Я защищаю земли Данара столько лет, и никогда ни в чем не ошибался... А кто вы, сирота из угасшего дворянского рода?

– Судьба направила меня в Академию магии в Эйне, господин.

Лицо Валука тотчас напряглось.

– Ах-ах. Колдунья, значит. Как интересно. Неожиданно. М-да. Кхм, в моем прекрасном городе есть место для всех,

но жители наши суровы и немного с подозрением относятся к магии. Поймите меня правильно – законы принимает городской магистрат с дозволения народа. Я всего лишь исполнитель.

– На что вы намекаете?

– Боюсь, вам здесь нельзя долго находиться. Если говорить прямо, вы нарушили чрезвычайный закон о добропорядке. Его пришлось ввести тогда же, когда вы посетили родовое кладбище в Выше, надо же. М-да... Отрубают голову за преступление. Но не беспокойтесь. Конечно, пока я дал слово защиты, вас никто не тронет. Никто же не думал, что вы выскочите из башни мистического пути! Неделю как они безмолвно стоят в городе, и тут появились вы. Такая странная четверка людей походит на лазутчиков остроухих. Или же вы последователи Тёмной церкви.

Валук подался вперёд, будто пытаясь сказать нечто доверительное:

– Выш – это осажденная крепость. Понимаете? На севере бесчинствуют гоблины, на востоке Изумрудный лес и бандитствующие бобыли, на юге недружелюбная Эйна, а ещё остроухие, противные нелюди, прячущиеся среди нас. Я просто обязан защищать свой город!

– Что ж, отпустите нас, если нет никаких злых причин для этого.

– Злых причин удерживать вас нету. Но не всё так просто, – заулыбался Валук. – Я – протектор Данара.

– Знаю, – с усталостью заметила Брассика.

– Так вот. У вас есть одна вещь, которая мне очень нужна...

Брассика вся напряглась.

– Можете не лгать мне больше. Я готов засвидетельствовать, что вы действительно паломница и дворянка, хоть мы оба понимаем, что это не так. Поверьте, мои руки дотягиваются до самых далеких мест королевства. Но факт, что вы посещали не могилу своих предков, а одну нашу общую знакомую. И теперь её вещь принадлежит вам.

Наша знакомая никогда не славилась хорошими манерами. Я предупреждал её, и не единожды, что следует быть более расчетливой властительницей. Ну, вы меня понимаете? Моему сердцу безразлично, что она не человек. Она всё портила своим нежеланием уйти к остроухим, прилепилась к Вышу, как проклятье какое-то. И тут появляетесь вы. Как приятно, когда есть такие люди – честолюбцами прокладываются новые дороги к подлинным сокровищницам!

Мне нужна её вещь. Сейчас она принадлежит вам по праву силы. Я не люблю колдовство, но уважаю силу – вдруг эта вещь меня не послушается? Конечно, мне ничего не стоит убить вас и ваших слуг, как вы их называете. Но мы же не варвары. Поэтому, давайте поступим по-честному: вы получаете свободу, я получаю трофей.

Валук уставился на неё, ожидая ответа. Свеча всё стреляла. Жезл королевы – единственное материальное доказатель-

ство её победы. Кроме того, судя по магической силе, жезл совсем не прост. Может быть, это древний артефакт, а может, это глубокое зачарование? Проверить это можно только в стенах академии.

Какая неприятная сделка. Сделка с дьяволом, не иначе.

– Я согласна, – сказала Брассика.

– Что ж, – Валук тут же подозвал стражника. Он принес жезл, завернутый в ткань.

Брассика взяла в руки жезл, молча передала его верховному шолену. Валук немного нервничал, видимо, в его представлении колдунья обязательно должна что-то произнести, например клятву.

Жезл со мрачным черепом лег в руки Валуку. Ничего не произошло, к его удивлению.

– И всё? – спросил он у Брассики.

– И всё, – ответила она.

– Надо же, какое превосходное творение. Чувствую мощь в ней. Оно послужит во благо Данара... и всего королевства тоже. Стража! – Валук встал и легко поклонился. – Отпусти-те этих людей.

– Благодарю, – сухо сказала Брассика.

– Боюсь, что вам я больше ничем помочь не могу. В Данаре беспокойно. Идёт война. Кто знает, как поведут себя гоблины? Тем более, когда они остались без своей предводительницы. В любом случае, благодарю за ваш дар и не смею больше задерживать. В Эйне будет спокойнее.

Валук ушел.

Верховный шолен распорядился также выделить стражу для сопровождения гостей. Часлав вызволился провести. Из замка до крепостных ворот города их вели на конях, а позже, снабдив факелами, стражники пожелали удачи.

– Ночью вас никто не тронет. Горожанам велено не бродить в темноте, – сказал Часлав.

Смеркалось. Серозное небо придавало Данару измученный вид. Как если бы над городом нависла смертельная угроза.

– Спасибо тебе. Ты добр к нам, – поблагодарила его Брассика.

– Значит, госпожа меня обманула?

– Почему же? – спросила Брассика.

– Ведь вы не госпожа вовсе, а колдунья.

– Я хороший человек, – сказала Брассика. Ей хотелось добавить что-нибудь ещё, но язык словно онемел.

Они стояли у ворот. Кони слегка фыркали.

– Позвольте вас проводить ещё, – предложил Часлав.

Брассика согласилась. Впятером они прошли ещё несколько вёрст от города, двигаясь по королевскому тракту. По пути им попался караван купцов, направляющихся в Эйну.

– Госпожа, мы с радостью будем вашими путниками! – сказал один из торговцев. – Сейчас, когда мистический путь

исчез, мы должны объединяться и по старинке ездить по древним проторенным дорогам.

Часлав засобирился обратно. В свете горящих факелов его юношеское лицо казалось более суровым. Ему не хотелось прощаться, но взгляд всё никак не встречался со взглядом Брассики.

«Теперь он меня боится», – подумала она.

– Буду краток: надеюсь на встречу, – сказал Часлав.

– Я уверена, что она состоится. И даже в самое ближайшее время. Грядет буря.

Часлав испуганно посмотрел на неё. «Ох, зря я так, сейчас он подумает, что я наколдовала!», – расстроилась Брассика.

– Береги себя, – Часлав сделал едва заметный поклон и немедля покинул торговый караван.

Глава 9

Добравшись до Эйны вместе с караваном, Брассика попросила дойти вместе в Академию магии, и там уже разойтись. Но Атропа грубо отказала ей: «Я же исполнила свою клятву? Теперь я должна быть свободной. Отпусти меня – я нужна детям».

Томление в тюремной камере, сплошь сделанной из камня и металла, довело женщину до отчаяния. Всю дорогу ноги несли её самостоятельно, из уст не вышло ни звука. Лишь при первой после тюремной разлуки она кратко обмолвилась:

– Как ты? – спросила тогда Брассика.

– Никак, – холодно ответила Атропа.

Как много потеряно времени. Сколько дней ушло на путешествие? И что теперь с детьми? Причуды в Данаре заставили её усомниться в победе над королевой гоблинов. Атропа чувствовала себя предательницей, а то и дурой, польстившейся на увещевания бродяг, случайно забредших в её таверну.

Брассике ничего не оставалось, кроме как выдать оставшуюся денежную долю из копилки беса-торгаша. С этой целью они направились в купеческий район.

Бес, сидевший на улице под навесом, крайне неохотно достал из своего сундука кошель с золотом: «Помилуйте, за

что? Последнюю заначку отбирают! Неужели так срочно понадобились деньги? Спасите от разорения, прошу»

– Тише ты, не реви, – замахнулась на него Брассика.

Бес сразу же утих.

– Помилуйте, – повторил он, – оставьте хоть сотню-две монет, ну пожалуйста. Разве так можно грабить?

– Да что с тобой? Кто тебя ограбил?

Бес в слезах рассказал последние новости. Среди горожан бродит слух, будто некая молодая колдунья, собрав с собой небольшое войско, отважилась захватить трон королевы гоблинов из Бриллиантового леса. Никто не знает, получилось ли у колдуньи исполнить задуманное, но уже неделю мистический путь оказался закрытым для всего сказочного бестиария и магов.

– Ни войти, ни выйти. Тьма! Мы пропали. Что теперь делать? Слышал, будто некоторые застряли между небом и землёй, блуждают в чистилище и помощи ждут. Я не кошка, девять жизней не имею, поэтому ни за что не отправлюсь в Абсолют за вашими вещами. Хоть убейте, а не забирайте у меня последние деньги.

– Тебе не нужно искать в моем хранилище вещи. Просто отдай мое золото, что я припрятала у тебя на прошлой неделе.

– А-а-а... Интересно. Хорошо.

Бес-торгаш, поняв, что ему не нужно отправляться в Абсолют, расправил мелкие крылышки.

– Кстати, вы мне двести золотых должны.

– Чего? – возмутилась Брассика.

Бес-торгаш погладил свои рога на голове.

– Ну, миленькая барышня, из-за рисков услуги дорожают.

Как уж не знать о таких важных мелочах?

– Дитя ты дьявольское, прибить бы тебя тут за проделки! – на этот раз нахальством беса возмутился священник. Атропа заметила, что в отличие от девушки, демон торговли совсем не боялся отца Рудольфа. Напротив, мелковатый бесенок испытующе на него глядел, выпучив свой глаз.

– Порядки вам известны, люди добрые. А мне по природе дано проказничать, мошенничать и чревоугодничать. Кхе.

Расплатившись с Атропой, Брассика пожелала, чтобы она посетила её в академии. Поразмыслив, трактирщица ответила согласием: «Как только вернусь к детям, непременно встречусь с тобой».

Девушка встала перед Атропой, положив свою руку на её, и произнесла:

– Я, Брассика из рода Крич, своими словами и при свидетелях подтверждаю, что Атропа... эм... из рода... нет, не так. Атропа, урожденная Даймонд, исполнила обет. Отныне эта женщина свободна.

– Подтверждаю, – сказал Рудольф.

– Подтверждаю слова, – произнес Маркус.

Атропа получила большое облегчение. Не скрывая волнения, она глубоко вздохнула и сделала поклон. Затем, подой-

дя к священнику, женщина сказала: «А ты пойдешь со мной. Проводишь до вашей церкви».

– Пойдем, – согласился Рудольф.

Народ остроухих знал Эйну с древних времен. Когда-то давно это место представляло собой песчаный нанос, расположенный у реки. Ничего не росло в этой почве, а поверхность камней и деревьев часто покрывало черной хворью, от которой спасало только солнце.

Но появились первые люди, основатели поселений. Будучи колонистами, чей удел покорение новых земель, они принялись строить. Сперва появился замок, затем возвысился небольшой храм. Дома, коробчатые, в черепице, прямые, обложенные каменной мостовой, стояли аккуратной линией. Всё строилось в камне, дерево как материал не любили, в отличие от Данара, . Ладьи ходили по реке, привозя с собой груз, зерно и драгоценные камни, столь желанные, сколь и порочные для сердца остроухого.

Остроухим не нравилось в городе категорически всё. И людей они признавали сородичами с натяжкой, несмотря на внешнюю общность и способность к языку, чему, например, всё никак не могли научиться гоблины и орки. Город, тем временем, рос, увеличивал свои пределы, ширились его улицы с мастерскими цехами и купеческими складами, а торговцы всё чаще посещали селения остроухих; затем появился Данар, город ещё более жадный до золота и владычества,

а после люди захватили святую Шуму, первый и священный город остроухих. На его месте возник Выш, окончивший судьбу так же трагично, как и Шума.

Остроухие, в отличие от людей, не желали строить границы. Они довольствовались текучестью природных сил. Если горы огородили эту землю – значит, так тому и быть. Если река протекла вдоль лесов, то чистая вода будет пограничной межой между семьями. Природа жива, движима, её дети всюду, и даже камень без души нарочно падает со скалы. Людям это никогда не нравилось – спокойному ладу остроухих они предпочитали владычество, ибо им казалось, что так достигается порядок.

Эйна, в отличие от двух остальных городов, среди братьев и сестер Атропы прославилась относительным благоразумием. Возможно, тому причина трудолюбие и книги. Или школа магии, отличавшаяся стремлением уgomонить людские страсти. Люди в Эйне охотно перенимали чужие знания, к культуре обращались с интересом, в отличие от Данара, где в избытке были сладострастные увеселительные карнавалы, а к труду относились с известным презрением. Потому торговцы из Эйны могли посещать поселения остроухих, а соседние вышинцы и данарцы – нет.

Атропа шла за Рудольфом. Он был не в своей рясе, всё в той же тунике, приготовленной к бою с королевой. Сопротивление уличной толпы приходилось преодолевать с большим усилием. Народ свистел, покрикивал, выглядел взбу-

дوراженным, шел куда-то вглубь, в самый центр Эйны; было много лиц с опасливо-безумным взглядом, глаза тарачились на прохожих. Церковь находилась рядом с ратушей, по словам Рудольфа, идти было минут десять, но женщина всё сильнее заражалась страхом.

– Где мои дети? – Атропа в недоумении смотрела на покрасневшего отца Иону. Священник хлопал глазами, как будто он и сам взбудоражен их отсутствием.

Детей в церкви не было. Едва пройдя через ворота, Атропа принялась звать Мику и Любу. Навстречу вышли монахи, с озабоченным видом они предостерегающе махали рукой: «Тише-тише, храм божий, не шуми»

Но женщина не унималась. Её душу рвало. Геройское безрассудство, питавшееся отчаянием последних дней в Бриллиантовом лесу, когда гоблины осмелились нападать на таверну почти каждый день, поначалу сменилось бурной надеждой на долгожданный конец. Она жива! Она будет жить, и будут жить её дети – в мире, в ладе с природой! Затем неожиданная тюрьма. Страх. Боль. Везде камень, металл, и ни одного живого существа, только надзиратель, знавший три фразы «не знаю», «ешь» и «жди». Когда их выпустили на волю, Атропа хотела шлепнуть по щеке девушке, которой дала обет, но сочла такое поведение глупым. Поэтому она заговорщически просила как можно скорее попасть в Эйну.

Женщину окружила братия. Отец Иона, будто напуган-

ный зверь, путался в словах, искал какой-то опоры. Монахи угрюмо топтались рядом.

– Ваших детей тут нет, – повторил Иона. За его спиной алтарь блестел золотом. У подставки, на которой лежала книга в изумрудном окладе, нервно листал страницы послушник.

– Как нет? Вы так не шутите со мной. Они были не с пустыми руками, а с грамотой! Её ваш брат Рудольф написал.

– Это правда. Они передали нам письмо отца Рудольфа. Но мы не могли их принять.

– Мир душе твоей, отец Иона, – наконец заговорил Рудольф. – Скажи мне, что случилось? Разве младые чада божьи недостойны крова и опеки? Сказано ведь, что пустить детей и не препятствовать им приходиться к богу, ибо такова наша миссия?

– Сказано, – робко послышалось из толпы.

Лицо отца Ионы напряглось.

– Сказано же, что блаженны миротворцы, нареченные сынами бога. Разве дети наши не пострадали достаточно, не заслужили домашнего очага и укрытия от дождя и врагов?

И снова из толпы: «Сказано».

– Не приняли в дом божий – это как повесить камень на шею и броситься в реку. Что же случилось, отец Иона? – в третий раз спросил Рудольф.

Толпа всё шепталась.

– Брат по вере, приветствую тебя. Отец Рудольф, всё так, и всё правда. Но кто сказал, что они чада божьи?

В сердце Атропы ёкнуло. «Ах вот оно что! – подумала она. – Не взяли из-за каких-то ушей»

– Отец Иона, вопрос веры не настолько важен, когда мы говорим о детях. Без детей мы не обретем никакого царства, ни доброго, ни божьего.

– Вот и нет, брат по вере. И вы об этом забыли. Возможно, в вашем сердце вера тоже погасла. Возможно, вы заблудились, как овца, потерявшая из виду своего пастуха.

– Моя вера крепка, – ответил Рудольф.

– Может быть. Но грех слепит, не забывайте об этом. Грех и гордыня. И мы уже подумали, что вы захотели уйти от нас, уйти от божьего дома. Исчезли, пропали, не оставили весточки, и единственный, кто про вас не смолкал – это брат Доминик, настоятель братства рыцарей. Он рассказывал интересные вещи про вас. Что вы якобы заинтересовались отреченными книгами.

– Нет, я не интересовался такими книгами. Я помогал госпоже в путешествии к родным местам. Это паломничество было дорого ей, а к тому же опасным: госпожа родом из Выша. Вы знаете, что сейчас там великая смута, гоблины воцарили хаос и учиняют разбои. Слуга Атропа верно служила ей, но некому было оставить детей. Им угрожала опасность. Бриллиантовый лес отныне чужд для всех добрых существ. В письме моя скромная просьба подробно описана.

– Но они не чада божьи, – повторился отец Иона. – Они же братья наши меньшие. Они не постигли людского царства, а

раз так, то до божьего дома им ещё далеко. Что же мне до всего остального тогда?

– Стало быть, батюшка вы мой благоверный, пока я ушла в слуги, польстившись на доброе отношение к своим детям, они у меня невесть где находились? – палец Атропы ткнул в грудь священника. – И это в вашем божьем доме, где приют находят обездоленные и нуждающиеся?

Острое ухо слышало чутко, как монахи переговаривались шепотом. Половина смутилась простецкими повадками Атропы, половина сочувственно её поддерживала. Молодые послушники с горящими щеками испытывали горячее негодование.

– Вы не унаследуете царства божьего, ибо вы не вхожи в нашу семью, – ответил ей отец Иона. – В королевстве смута. Всюду приспешники зла. Еретики из Тёмной церкви жаждут реванша. Гоблины атакуют селения, не щадят никого. Это их варварство, оно замещает им культуру. Я должен защищать своих чад и нашу культуру от поползновений варваров. Принадлежите ли вы к нашей церкви? Можете не отвечать, все мы знаем ответ. Вы хотели жить обособлено, вдали от людских забот.

– Ей-богу, что творится с вашими помыслами? – спросила Атропа. Её силы на спор быстро иссякали. Искать Микку и Любу куда важнее, считала она, чем спорить с глупым начетником. – Бросить детей, нуждающихся в защите. Я... Мне это всё чуждо. Ненавижу. Скажите, куда они ушли? И

я немедленно покину это заведение.

Зашумела толпа.

– Не знаю, – кратко ответил ей отец Иона. – Уж не моя забота. Мое дело – это семья, находящаяся в вере.

Атропа шумно вздохнула. Ей захотелось ударить страшной мощью по старому Ионе, по его разукрашенной головным убором физиономии, а после разодрать всю мантию до последнего клочка. И никакой монах ей не помешал бы!

– Уходите, – сказал отец Иона. – И вы, брат по вере, тоже.

– Я? – удивился Рудольф, когда его погнали из храма.

– И вы. Вернётесь позже, в день более благочестивый, чем сегодняшней. Считайте это епитимьей.

Двоица уходила под гул монахов. Витражи горько лицезрели на женщину. Церковь превратилась в разоренный улей.

На площади, куда вышли Атропа и Рудольф, грубая толпа слушала речь оборванца, сверкавшего голый пяткой на помосте. Атропа плакала. Она крепко шлепнула по лицу её спутнику.

– Я доверила тебе самое драгоценное, что у меня есть. Отдала свое богатство на погибель, ушла в неволю за тебя, за твое будущее. Ты понимаешь меня? Хоть слышишь?

Опешивший Рудольф, остекленевший немой фигурой, не выражал ни одного знака сопротивления.

– Лучше б я свою голову положила наземь, чем отдала

жизни Мики и Любы. Так это ли моя цена за ваше благополучие, касатики? Себе земель, богатств и самоцветов, а мне смертельное горе? Посулили сладких слов! Пообещали быть добры! Экие добряки, что пристали к ушам, остроухие им не по душе. Это подлость и лицедейство – ваши слова не от сердца идут, знаю это. Запомни, Рудольф, я никогда тебе это не прощу, не прощу твоего обмана.

– Право, я не знаю. И не подумал обманывать.

– Не подумал он. Паршивец. Свою жизнь пожил, решил дальше пожить – за счет моих детей? Ох, паршивец.

Атропа облокотилась на ствол дуба. Листья его забирали с щек Атропы слёзы. Она наконец обратила внимание на нищего проповедника.

– Да знайте же вы, что грядет великая буря! Узрейте! Сыны хотят отвернуться от своих отцов, а дочери от матерей, реки крови потекут по земле королевства, если не обрести скорейшего порядка. Видит бог, мы зашли слишком далеко. Оскорбили мы его достоинство своими дерзостями! Дозволили себе всякое, а черти рады тому, бесы пляшут, гоблины им потакают. Уже нет дня, в котором мы не боялись бы своего соседа, не страшились вкусить хлеба базарного, – оборванец поперхнулся, прокашлялся, и вновь продолжил. – А что теперь нам делать, скажете вы? Нам нужна мощь! Нам нужна такая мощь, чтобы враги королевства трепетали. Чтобы враги даже помыслить не могли об угрозе или вреде. Прислушайтесь к авторитетам! Обратите свой взор на Данар. Могуч-

чее создание!

– Тьфу! – кто-то крикнул из толпы. – Что мне до славословия прохиндея Валука?

Оборванец несколько не смутился.

– Так знайте, что Валука могуч и не поддается на уловки своих врагов. Пока мы страдаем пороками, его мудрое правление оберегает город как зеницу ока. Нам нужен такой же, как Валука! С божьей помощью мы победим проклятых врагов-гоблинов и эту остроухую нелюдь, уничтожим еретиков Тёмной церкви, агентов и лазутчиков против мира и порядка! Восстановим величие королевства!

Толпа в большинстве ответила одобрением.

Атропа пошла прочь от церкви, пробираясь сквозь людей, бесцеремонно расталкивая тела. Рудольф погнался за ней, но в отличие от женщины не получал никакого снисхождения: сзади прилетали и кулаки, и тычки, и даже пинки. Атропа хотела сбежать от него, избавиться от священника, просто забыть его, Брассику и Маркуса, попытаться найти в этом проклятом городе своих детей. «А может, Мика с Любой погнались домой? – подумала она, отталкивая от себя очередного зеваку. – И ведь правда. Раз эти лицедеи бросили их, осталось искать укрытия в таверне. Хоть бы так оно и было».

Сзади её кто-то окликнул. Атропа обернулась: среди мужчин, чей ум всё более распался от грязных речей сомнительных проходимцев, ей никто не показался знакомым.

– Наверное, это Рудольф, – сказала себе она, идя дальше.

Выбираясь с площади, сближаясь с ратушей, откуда из башенки тоже кричали мужи в мехах и золоте, её кто-то уверенно одернул за плечо. Она резко повернулась, чтобы просить Рудольфа отстать от неё. Но перед ней был упитанный молодой человек, щекастый и сильно обрадованный.

– Ну как же вы не подождали меня! А я вас от самой церкви пытаюсь догнать.

– Добромир? Ты ли это?

– Он самый. Я так долго вас ждал, всё мерещилось, что вы не выбрались из паломничества живой. А вы и живы, и здоровы. Господи, я боюсь, меня отправят в данарскую темницу за оставление караула.

– Чего ж ты ждал меня? Моих детей тут нет, как выяснилось, – сказала Атропа. – Эти лицедеи бросили их.

– У меня добрая весть. Ваши дети – у меня!

Глава 10

Академию магов в городе видно отовсюду: высокое сооружение, выполненное из белого камня, слюдяного стекла и друз, сросшихся магических кристаллов, формировало облик прибрежной Эйны. Брассика разглядывала башни замка: от их вида она всегда испытывала чувство безмерной гордости за то, что приобщилась к гильдии магов. Собственно, кроме замка, порта и приземистых деревянных складов в этой части города ничего не было. Если только путешественник не хотел пойти за острыми ощущениями в крысиные трущобы, но таких желающих не находилось.

Благодаря основателю Эйны, князю Ратимиру, замок на столетие превратился в сосредоточение всех человеческих знаний о колдовстве. Построенный в II веке нашей эры, он стал пристанищем для первых четырех магических школ. Со временем люди научились раскрывать новые магические потоки. Так к четырём башням пристроилось ещё семь.

Девушка ощутимо нервничала. Идя по улице, сплошь устроенной домами в два этажа, к ней внезапно пришло осознание: полюбившуюся Эйну она могла больше не увидеть, если бы им не повезло. Повезло – это мягко сказано. Никто не погиб, из боя вышли победителями. Чем не повод для гордости?

Память напряглась, чтобы вспомнить, ради чего Брассика

поставила на кон свое будущее. Ради геройства? Нет, подумала она. Это геройство имело какое-то особенное, сакральное значение. Ибо в стенах Академии магии, ей недоставало признания. Всю жизнь Брассике приходилось сражаться за похвалу и одобрение: сначала родители и братья, потом учителя и сверстники, наконец, её слуги. Никто не желал замечать за ней талантов.

«Может, у меня нет никаких талантов? – спросила себя девушка. – Тогда и удивляться нечему. Раз нет таланта, то и дергаться перед публикой глупо. Чего ради я такую бурю устроила в королевстве? Теперь земля полнится слухами, будто мы злодеи какие-то. Как бы меня не отправили в острог за преступления. Стоило ли отдать жезл Валуку? Мой авторитет, будь в руках трофей, сейчас погромче бы звучал. Чувствую, что несдобровать мне от профессоров...»

– Вот я и дома, – сказала Брассика, подступая к воротам. Никто не встречал её. Маркус озирался на величественное здание.

– У нас школа была побольше и побогаче, – заметил он.

– Знаю. Всё мечтала побывать в вашей библиотеке.

– Ещё успеешь. Только освободим город. Хотел сказать, наверное, я тут подожду...

Маркус остановился у ворот. Брассика наклонила голову в удивлении.

– Ты что, боишься магии? Я ведь с тобой всё время была!

– Ну это ты, человек проверенный, а тут черт пойми что,

целый шабаш, – признался Маркус.

– Какой шабаш? Брось ты это. Мне нужна твоя помощь.

Ворота открылись сами. Брассика ступила на каменную тропу и прошла несколько шагов, как наткнулась на огромную пентаграмму. «Ах черт, какой кошмар!», – успела она воскликнуть. Тело ещё слушалось, но пройти сквозь невидимую стену уже не получалось.

– Что случилось? – запаниковавший Маркус схватился за меч.

– Это паутина Демона! Не вздумай входить в ворота.

Но Маркус не послушался. Теперь в ловушке оказались двое. Стражник бил мечом в невидимую стену.

– Чудесно... Когда вы станете меня слушать? Сказала же, не вздумай входить.

– Все вы маги одинаковы! Зачем вам знание, если не можете его применить, – сокрушался Маркус.

– Успокойся. Ты чего, боишься простой ловушки?

Маркус бил всё размашистее – казалось, сейчас он нечаянно отрубит Брассике голову.

– Умоляю, перестань. Ты сейчас меня зарубишь.

Из храма вышли несколько. Будучи полностью облаченные в мантию, их лица были скрыты тенью. Со стен сползли и мягко ступали на четырех лапах мраморные стражи, пристально следя за каждым шагом пойманных. Брассика всё сразу поняла:

– Я сдаюсь и прошу аудиенции с директором Ларсом.

– Как быстро же ты сдаешься! – воскликнул Маркус.

– Немедленно прекрати, а не то сама тебя зашибу косячным копьём, – повелела Брассика.

Маркус повернулся к ней в изумлении. Лицо девушки, напротив, не выражало никаких чувств.

Стражники молча вели пойманных по внутренним коридорам. Всюду находились случайные зеваки, кричавшие «Смотрите, это же Брассика!», «Гляньте-ка, явилась Брассика», «Воровка тут!». Девушка полагала, что в таких случаях лучше выглядеть гордо, чем униженно, но сердце билось громко, а глаза невольно бросали слезу.

О ней заговорили. Наконец-то! Но теперь её считают преступницей, пошедшей на зло ради неясной цели.

– Брассика, что ты забыла здесь? – окликнул её юноша.

– Что ты наделала? – Маркус спросил Брассику, поравнявшись с ней. – Почему нас встретили как бандитов?

– Видишь ли, я не совсем богата, как ты мог подумать...

– О боги!

– Не волнуйся. Я смогу нас всех оправдать. Поверь мне.

– Но я теперь преступник!

– Ты всего лишь исполнил клятву перед дамой. В этом нет ничего противоестественного.

– И получил в награду краденное золото. Ты хоть головой думала, прежде чем заводить людей в свои сети интриг?!

Брассика резко обернулась. Она встала напротив Марку-

са, к неудовольствию магической стражи, сопровождавшей их, взглянула в его глаза и сказала:

– Ты такой смешной, рыжик. Разве можно достичь мечты, если останавливаться каждый раз перед моральным выбором? Тебе хотелось вернуть Выш – ну так дерзай! Половина дела сделано. Оставшаяся часть за тобой и Рудольфом. Ты должен сказать спасибо мне. Не будь меня, так бы и бегал в наемниках.

– Пошевеливайтесь, – стражник колюче ткнул жезлом в плечо Брассике.

Маркуса повели в другой коридор. Он постоянно оборачивался через плечо, сокрушенно взирая на девушку.

– Брассика! Милая моя, как же так получилось? – подбегавший декан Албин трясся в изумлении. – Ах, какая напасть. Не представляете, как зол на вас директор Ларс. Я едва успеваю успокоить всю коллегия – у них просто зверское стремление наказать. Неужели вам не хватало зелий для экспериментов?

Мужчина высокого роста, облаченный в мешковатую мантию, в попытке угнаться за Брассикой и сопровождающим конвоем периодически спотыкался.

– Не беспокойтесь, декан. У меня есть новость, которая оправдывает все мои проступки, – ответила Брассика.

– Новость? Какая ещё новость? – Албин аж взбрыкнул, легонько гоготнув. – Для меня? Надеюсь, что это правда нечто полезное, потому что вас могут казнить за кражу драгоцен-

ностей Академии. Вы украли свитки, зелья и золото. Глупенько!

– Нет, я хочу сообщить коллегии.

– Но я тоже член коллегии!

«Какой ты дурак, однако», – подумала Брассика.

– Честно вам скажу: шансов совсем мало, – заявил Албин.

Он сильно споткнулся и порвал подол мантии. – Приложу все усилия, чтобы спасти вас. Только умоляю, признайтесь, что это не вы участвовали в том безумном походе в Бриллиантовом лесу? В руинах Выша творится невообразимое зрелище. Все словно с ума посходили.

– Именно я там и была, декан Албин, – призналась девушка перед тем, как её ввели в просторную прямоугольную залу.

– Вот оно что. Пусть вам поможет удача, – произнес декан и удалился на скамью для профессоров.

Зала горела золотым светом. Звездный пол шевелился, из-за чего в желудке Брассики бурлило недомоганием. Звездочки соединялись и разъединялись, сближались, изредка сталкивались и создавали снопы искр, и в воздухе появлялся необычный запах грозы.

Четверо сидели за массивной дубовой скамьей, под шатром. Два земляных голема, сложенных из булыжников, древесных корней и земли, безмолвно охраняли их покой. Луч золотого солнца на потолке, похоже, не проникал через него:

в отличие от Брассики, уже изрядно вспотевшей, деканы не испытывали ни капли возмущения от палящего пекла.

Девушка посмотрела слева направо: Урбан, первый декан и высокомерный нарцисс, надменно сидел в аристократической позе; директор Ларс, вечно добродушный, но не только сегодня; молодая и некрасивая Фредерика, совсем недавно возведенная в должность; наконец Албин, «всегда положительный» декан, исправно спрашивающий при каждой встрече о здоровье и успехах в учебе.

Все ждали первого слова директора Ларса. Событие и правда экстраординарное – их ученица выкрала секретные запасы с зельем, свитки с заклинанием сандалий ангела, нашла спрятанный ларь с золотом и украла из него приличную сумму, а после сбежала в неизвестность. Попытки отыскать её в Эйне не увенчались успехом, многие преподаватели посчитали, будто девушка сбежала с концами, и поэтому предлагали передать розыск шулену и его страже.

Конечно, это был бы колоссальный позор: салтысы из городского совета потребуют внешней магистратуры, а церковь заявится с инквизицией... Наверное, поэтому её до сих пор не искали ни сотники, ни стражники города.

«Значит, захотели скрыть историю, горделивые снобы», – пришла к выводу Брассика.

Сейчас она чувствовала себя уверенной. Нет, не так. Под лучами звездной залы она находила себя самоуверенной! Намного лучше, чем до побега из Академии магии. Порази-

тельно, но страх её не сковывал, скорее наоборот, под палящим потолочным солнцем внутри души расцветали пышные бутоны гордости...

Как же хотелось похвастаться своими победами.

Директор Ларс встал.

– Brassica! Ваше возвращение в гильдию магов не менее одиозное, чем исчезновение месяцем ранее. Честно, удивили меня. Сам факт того, что вы совершили целый ряд проступков, за которые в гильдии всегда оплачивали самым бесценным, то есть человеческой душой, уже говорит о многом. Либо у вас есть блестящая причина, чтобы оправдаться, либо вам предстоит горько раскаяться за совершенное. Безрассудно возвращаться воровке, если у неё на то не было положительной мотивации. Сегодня мы решим вашу дальнейшую судьбу.

Он сел, сложив руки на груди и бросив ожидающий взгляд в сторону девушки.

– Я вернулась, чтобы рассказать историю, что приключилась со мной в последнюю неделю, – начала речь Brassica. Горячая волна прошла от головы к сердцу, обостряя все чувства. Стало легче дышать, в груди теплилось приятное чувство, а пекло заметно ослабело. – Раскаиваюсь ли я в том, что пришлось пойти на кражу и побег? Да. Но у меня не было выбора.

– Выбор есть всегда, – укоризненно заявила Фредерика. От волнения её лицо сильно заболело. Она тут же взялась за

него левой, не обожженной рукой.

– Мне кажется, вы сделали очень неправильный выбор, выступив против учителей и гильдии, – заявил декан Урбан. – Должно быть, забыли, как спаслись за нашими стенами от братьев и отца? И как гильдия учила и кормила вас?

– Помню и благодарю. Но это к сегодняшнему дню не имеет значения. Речь идёт о серьёзной опасности над королевством, о которой я говорила не один раз.

Урбан громко хмыкнул, закатив при этом глаза: «Ну, мало ли что ты говорила, девица».

– О чем речь? – спросил директор Ларс. – Только не говорите о той безумной гипотезе с королевой гоблинов.

– Именно о ней, – подтвердила Брассика.

– Добрые боги, помогите мне, – взмолился директор.

– Всё оказалось правдой, – настаивала Брассика. – Я долго следила за племенем гоблинов близ Данара. Племя разместило шатры в окраине Бриллиантового леса, нападало на человеческие поселения. Поначалу всё было так, как описано в древних трактатах Одберги: их поведение ничем не отличалось от поведения подобных им варваров. Но потом начались странные изменения, о которых я сообщала в коллегию архимагов Данара и Эйны.

Чтобы проверить свое предположение, я должна была совершить путешествие. Я решила победить королеву гоблинов. Иначе всё осталось бы как прежде.

– Но вам не разрешили устраивать геройские подвиги, –

Фредерика ткнула пальцем в сторону девушки. – Вы магистр? Вы вольный профессор, как Доминья? Вы завершили обучение? Нет, нет, ещё раз нет! Это самоуправство и грубейшее нарушение гильдейских правил, завещанных нам со времен Ратимира. Вы же читали их? Согласно ним, вас следует лишить души немедленно. Традиции гильдии магов...

– Вы не позволили мне договорить, декан Фредерика, – прервала Брассика. – И правила не всегда верны, особенно в смутное время. Моим делом была борьба.

– Какая ещё борьба?

– Борьба за новое знание, за истину, за честность. Правила в нашем заведении давно препятствуют поиску нового.

– Как это связано с тем, что вы пытались изучить гоблинов, обокрав собственную гильдию? – спросил директор.

– Я много раз обращалась к декану Албину с просьбой выступить перед коллегией. Но всякий раз мне отказывали под странным предлогом.

– То есть вы обвиняете декана в том, что он препятствовал вашей работе?

Албин, и без того дерганый человек, серьезно заерничал на скамье. «Тут что-то не то, коллеги, я бы ни за что не отказал в просьбе такой талантливой ученице, как Брассика», заметил он извиняющимся тоном.

– Нет. Я никого не обвиняю. И тем более профессора Албина, чьи познания в магии костей в путешествии выручали неоднократно. Но считаю странным, когда меня игнориру-

ют, особенно по такой серьезной теме.

– А кто же вы? Ученица. Талант, который ещё только предстоит раскрыть до конца. Его отказ в удовлетворении просьбы вполне правомерен, несмотря на всю отзывчивость к своим ученикам, – заметил директор.

– Слишком много на себя берете, Brassика, – старый Урбан сморщил лицо, словно съел лимон.

– Чтобы доказать свою правоту, я отправилась в путешествие и наняла себе слуг. Со мной согласились пойти Маркус, мечник из Выша, Рудольф, священнослужитель Светлой церкви и Атропа, трактирщица в Бриллиантовом лесу.

– Разношерстно! – засмеялся Албин.

Brassика продолжила.

– Они дали обет, что пройдут со мной до конца. Мы должны были пленить королеву гоблинов и сдать её. Отправившись по реке, добрались до предместий Выша. Оттуда двинулись пешком к руинам города, через холмы вышли на мертвые пустоши. Нам повстречались рыцари из Данара, благодаря их ночному набегу были отвлечены основные силы гоблинов.

Мы воспользовались несколькими заклинаниями из редких свитков, а также зельем из запасов Фредерики. Без этих предметов шансов на успех почти не было, как бы я ни постаралась со своими познаниями в магии костей.

Нам удалось добраться до дворца королевы гоблинов. Мы нашли и победили её, убив в одном из подземных залов

дворца. Но нас окружили ворвавшиеся приспешники, и чтобы спастись, рискнули прыгнуть в башню мистического пути там же.

– Где там же? В подземелье? Откуда там башня? Это просто невозможно, – заявил директор.

– Девушка явно лжет, – заявил Урбан. – Она научилась обходить чары звездной палаты.

– Я говорю правду. В подземельях королевы имелась башня. С её помощью мы переместились в Данар.

Урбан пожелал вставить свое слово, но директор его резко осек: «Нам нужна Доминея. Где она? Я же просил быть всем!»

– Она возвращается после вашего поручения, директор, – ответила Фредерика. – Будет в самый ближайший час. Брассика, хочу сказать, что никто не умеет строить башни мистического пути, кроме людей. Это чрезвычайно сложное искусство, которое мы, скорее всего, уже потеряли. Только маги из школы Выша умели выращивать волшебные мосты между мирами. Каждая башня учтена магистрами всех магических школ. А вы рассказываете небылицы, словно у нас есть неизвестные...

– Но это далеко не всё, что я видела! – в знак внимания Брассика подняла руку. – Мы убили королеву гоблинов. Гоблиншу, которая умела говорить.

На скамье – секундное замешательство. Албин, слегка дернув плечом, счихикнул.

– Да вы что. Откуда язык у гоблинов? Побойтесь добрых богов, – сказал он.

– Мои слова могут подтвердить слуги. Мы вместе её победили.

– А как вы можете доказать, что эта королева мертва? – спросил Урбан, наклонившись вперёд. – Если нет доказательств, ваши слова пустой звук. Я прошу показать какой-нибудь предмет. Кажется, у неё был жезл, так? Или корона?

Брассика разочаровано ответила, что ей пришлось отдать магический жезл верховному наместнику Валуку. Албин от услышанного закусил губу, а директор Ларс свел кустистые брови.

– Зачем? Зачем вы это сделали? – грозно спросил он.

– У меня не было выбора.

– Опять! Снова эти слова.

– Но он арестовал нас, – оправдывалась Брассика.

– Это ещё почему?

– Не знаю. Мы выпали из башни в Данаре, прямо на рыночную площадь, где нас окружила толпа, стала кричать, бить по лицу и рукам. Я тогда очень испугалась. Пришла стража, спасла от разъяренных, отвела в замковый острог. Держали в камере несколько суток. Потом пришел этот Валуку, стал задавать вопросы, предложил сделку – свободу в обмен на жезл. Он запретил нам оставаться, заявил, что в городе магов не любят. Я сама не рада тому, что отдала свой

трофей – с ним хотела предъявить доказательство моей талантливости в бою.

Урбан что-то шепнул директору, тот охотно закивал головой.

– Глупость. Вы совершили глупость. Опишите хотя бы, как выглядел этот жезл.

Брассика руками обрисовала предмет – серебряный, состоящий из черепа на рукояти, сам череп мерцал дурным синеватым оттенком. Она предположила, что на жезл наложено сразу несколько рунических чар, одна из которых принадлежит школе алхимии.

– Королева использовала ядовитые заклинания, бросая в нас едкие капли. Мой слуга Маркус до сих пор отравлен ядом. Я боюсь за него и прошу помощи.

– А где он? – спросил директор.

– Его отвели в покои в башню благословений, – ответил Урбан.

– Магов и правда ведь не любят в Данаре, – сказала Фредерика.

– Верно. Валук берёт на себя слишком много, – заметил директор. – Он и его приспешники зашли слишком далеко. Мы практически утратили гильдию магов в этом городе.

– Это уже его город, надо признаться.

– Ну что вы так? – вставил слово Урбан. Его вид стал серьезнее обычного. – Официально гильдия там работает, городской совет не запретил работу магов.

– Городской совет – это сам Валук, и ты это прекрасно знаешь, – парировал ему директор. – Вернемся к Брассике. Пусть расскажет, что она ещё видела необычного.

Девушка стала перечислять всё, что её смутило: зелья, которые варили только в стенах Академии магии в Эйне, странная архитектура каменного дворца у королевы гоблинов, оружие из качественного металла, выкованное явно человеческой рукой; богатства из разных городов, скопленные в хорамах. Наконец, она вспомнила про удивительное сооружение в подземелье дворца: рукотворная гора из металла, с золотистыми тубами, с верхушкой из спиц и заколдованной молнией внутри. Описывала она всё в красках и почти вспомнила стих в алтаре.

Все слушали молча. Албин нерешительно, как бы искоса поглядывал на директора; не дождавшись его реплики, он спросил напрямую: «Вам что-нибудь известно о таком механизме?» Но директор Ларс и бровью не повел.

– Нет, впервые слышу. Можно поинтересоваться в библиотеке. В древних свитках всегда что-нибудь найдется. Албин, коллега, справитесь с поиском?

– Конечно-конечно! – охотно согласился Албин, почтено наклонив голову. Мешковатая мантия оголила его тощую шею.

Брассика хотела рассказать ещё что-нибудь. Ей всё это время хотелось говорить, сообщать, творить рассказ, повесть о своих впечатлениях и эмоциях, делиться наблюдени-

ями. В голове мелькало опасение, случайно ли такое рвение говорить, но оно исчезало в тумане сознания, в белесом потоке других мыслей, требовавших выйти наружу.

У неё защекотало под носом. Тронув пальцем, она увидела кровь.

– Хм, – хмыкнувший декан Урбан тут же шепнул что-то соседу.

– Нам пора завершать допрос, – заявил директор. – Времени почти не осталось. Давайте начнем голосование? Где же Доминья? Добрые боги, будьте милостивы.

– Директор, я предлагаю вам проголосовать первым, – сказала Фредерика.

Она всегда опасливо поглядывала на него, подумала Брассика.

– Давайте первым проголосую я, – вдруг попросил Урбан. – То, что мы видим перед собой сейчас – это позор. Позор нашей гильдии магии. Больше века никто не воровал в стенах этого заведения. Никакого снисхождения для девушки я не вижу. Порushены основы основ, и случилось не в благоприятные времена, прошу заметить. Сейчас мы разрешим ей уйти – что будет завтра? К тому же дурной пример очень заразителен.

В мире беспокойно, а мы должны быть островом порядка. Мы советники и носители духовного меча, в наших руках мирской меч невозможен в принципе. Брассика совершила не только нарушение закона, но и морали.

– Однако, именно наш ученик стал Чемпионом, что убил Верховного лорда тьмы, – заметил директор.

– Верно. Но это было двадцать один год тому назад. Время изменилось. Князь тьмы ещё не скоро появится. Мы должны вернуться к прежнему порядку вещей, когда король правил, а придворный маг облегчал ношу правления.

Декан Урбан встал со скамьи. К внезапному ужасу Брасики, он потребовал для неё худшего наказания из всех возможных.

– Я голосую за наказание смертью.

– Да вы что? – воскликнул Албин.

– Имею право. Я первый декан Академии. На мне ответственность за гильдейские порядки, – ответил Урбан.

– Но это же ещё ребёнок. Полноте!

– Возраст не оправдывает. Правила гильдии писаны кровью. Мы ответственны за будущее нашего ремесла, – Урбан сел, не взглянув на девушку.

– И что же делать? – Фредерика испуганно хлопала ресницами. Её девичье, почти детское лицо, пораженное ожогом, со сросшимися тонкими бровями, выражало обеспокоенность. Зелёная мантия на ней громко шуршала.

– Голосовать, – ответил директор.

– Что ж, я голосую. Я голосую... Мне очень сложно определить степень наказания после её рассказа. Вдруг это правда?

Встал со скамьи Албин. Он попросил отойти на минуту,

но директор Ларс бросил в него столь тяжелый взгляд, что его желание испарилось немедленно.

– Нелегко судить. Такое наказание сурово, дражайшие коллеги.

– Да ничего сурового тут нет, Албин! – произнес Урбан.

– Ну как же. Вы хотите, чтобы ваша ученица потеряла жизнь?

– Я хочу, чтобы репутация магов не пострадала. Всё, что сдерживает простолюдинов от бунта против магии – это наш непреклонный авторитет честности.

– Бросьте вы. Мир не настолько жесток.

– Албин, просто проголосуйте: за или против?

– Я голосую против, – резко вмешался директор.

Для Брассики не осталось незамеченным, как Урбан скверно отреагировал на голос директора Ларса. Он всем корпусом отвернулся в сторону от него.

– Брассика должна быть осуждена иным способом. Её знания, полученные в путешествии, могут нам пригодиться для уяснения всех причин происходящего в королевстве. Кроме того, было бы глупостью заниматься весьма варварской практикой, которую мы не применяем уже несколько веков.

– Ну, почему же варварскую... – прогудел Урбан.

– И эта ученица понесет очень серьезное наказание. Но сейчас я голосую против. Против казни.

Урбан повернулся к Албину со словами: «А вы, мой друг, будете миндальничать или покажете волю?»

– Я покажу волю. Хочу показать. Не знаю, как же кружится голова.

– Албин!

– Голосую за, – испуганно Албин взвизгнул. Он виновато посмотрел на Брассику: «Простите, умоляю простить!».

«Уже двое за мою смерть», – кричало в голове девушки. Её бросало в пот.

– Сказать по правде, в правилах гильдии есть множество других видов наказания. Проступки ученицы жестоки, но смерть чрезмерно груба и беспощадна как кара, – с этими словами декан Фредерика неуверенно поднялась со скамьи. Тело сильно трясло, она поглядывала на директора и первого декана. – Я не выступаю защитницей Брассики. И не очень верю в правдивость рассказанной истории. Но мой голос против.

– Что ж, голоса разделились поровну, – заметил директор.

Спустя минуту, пока все сидели в полном молчании, в залу ворвалась Доминья. Брассика, к тому времени изрядно уставшая, взглянула с надеждой на появившегося декана. Эта женщина была крепким, но чистым и тёплым ветром, словно отгоняющий всё затхлое и увядшее в мире. Из всех магов Академии только она и директор Ларс закалены в боях и сражениях. Все прочие только «учили». Доминья, внешне всегда суровая, имела пристальный взгляд к вещам, и среди учеников славилась необычностью нравов. Маги Эйны старомодны по духу и редко желали перемен. Будучи вольным

профессором, Доминья всегда после путешествий приносила с собой что-нибудь новое. Наверное, она единственная, кто знал королевство вдоль и поперек.

Потому Доминья для Брассики казалась самым близким человеком на свете. Как и она, Доминья всегда находилась в напряжении, её округлое лицо, устремленный взор, сжатые губы и родинка точкой ниже рта формировали образ непосредственности, готовности к сиюминутному действию и глубокому постижению мира.

– Приветствую! Да, это я, – декан поклонилась. От лучистого золота амальгамовые доспехи на её теле переливались необыкновенной гаммой. – Директор Ларс, мое почтение.

Директор сделал очень тонкий кивок в сторону скамьи, но декан отказала ему уверенным жестом.

– А мы тут обсуждаем судьбу этой преступницы, – сказал Урбан, явно напряженный. – Двое за наказание, двое за помилование. Всё вас ждём.

– Каково наказание? – спросила Доминья.

– Никто не говорил о помиловании. Наказанием сейчас предлагают избрать смерть, – поправил директор.

– Исключено. Я голосую против.

«Слава богам!», – Брассика засияла от счастья. Все, кроме старого высокомерца, вздохнули с облегчением.

– Ох, конечно. Я совсем забыл. Наша Доминья за всё хорошее и против всего плохого, – съехидничал Урбан.

Доминья пропустила мимо ушей данный упрек.

– Директор Ларс, неделю назад вы отправили меня с ответственным поручением.

– Ну, итак?

– Боюсь, всё хуже, чем предполагалось ранее. Я обнаружила три башни мистического пути, не начертанные на нашей карте в библиотеке Эйны. Теперь они отмечены, но одни боги знают, кто ими пользовался за пределами нашего зрения.

– Три? Целых три неизвестных нам башни? Как мы могли об этом не знать?

– Возможно, их шесть.

– Так три или шесть?

– Башни отличаются от тех, что были возведены древними людьми и магами Выша. Я бы сказала, их устроили в тайных местах. Будто никто не должен о них знать. Эти башни работают только в одну сторону – я не могла выбрать свой путь на звёздной лозе. Если бы не одна из них, расположенная в чертогах башни света, то добираться мне пришлось ещё два или три дня до замка.

– Все башни в королевстве не работают, а эти действуют? Пойдите, вы сказали – в башне света?

– Да. Я переместилась прямо в покои архимага. У меня в ушах до сих пор его визг. Вход в эту башню находится в руинах Выша, откуда я, собственно говоря, вернулась.

Директор, в Выше что-то происходит. К руинам стекаются соседние гоблинские племена. Они очевидно собирают армию для какого-то похода. Другого сравнения у меня для вас

нет. Кажется, это война.

Последние слова Доминеи вызвали ропот. «Не может быть», – со смешком заявил Албин. Деканы стали препираться.

Брассика тоже пожелала высказаться, но на одеяние сверху что-то капнуло. Изнутри её угнетало нечто хаотическое, безграничное по силе воздействия: кровь пошла из носа и ушей, вышла слезой из глаз. Она дернулась встать, но ноги подкосились.

Мир для неё исчез.

Глава 11

В круглой комнате два колдуна непрерывно читали заклинание. Пентаграмма оазиса, целебное кольцо с магическими плетьюми, поглощала тело Маркуса, исцеляя его. Он не шевелился, не говорил и не думал; из него выходили яды, иногда его сильно рвало, а из-под ногтей шло черной скверной.

Любопытных учеников и учениц за шкуру выводили дежурные. Так продолжалось день или два, а может и больше. Однажды, когда сознание на миг вернулось, он услышал обрывок разговора:

– Так кто это? Чемпион?

– Что? Нет конечно. Обычный стражник, а теперь наемник, вот и всё.

– Обычный стражник, убивший королеву гоблинов. Интересно.

– Со слов воровки, он её не убивал, это сделала она.

– А что, если возродился герой, победивший Князя тьмы?

– С чего бы ему возрождаться спустя двадцать с лишним лет? Глупости.

Когда Маркусу стало легче, он принялся вспоминать всё, что с ним случилось в последний день перед тем, как попасть в Академию магии. Атропа и его друг Рудольф покинули их. Уже породнившиеся фигуры быстро двигались в направлении Северной церкви Эйны, повернув на левую купеческую

улицу. Шпиль этого храма, как маяк, сиял в лучах утреннего солнца, указывая направление.

– Как ты думаешь, он вернется? – спросила у него Брассика.

– Рудольф?

– Угу.

– Конечно, – уверенно заявил Маркус. – Он человек чести. Почему отец Рудольф должен нарушить клятву?

– Не знаю. Вот Атропа попросила освободить её от обета. Что мешает и ему отказаться от обещания?

– Разве мы не исполнили свое обещание? Мне казалось, наш путь здесь завершен. Королева гоблинов побеждена, и теперь я должен освободить Выш.

– Хотелось бы верить в это... Но разум мой подсказывает: мы возбудили нечто господствовавшее над ней самой.

Маркус почесал заросшую щеку. Ему всё ещё плохо. Яд травил его: лицо выглядело серым, руки были бледны, а сорочка без доспехов напоминала грязную крестьянскую рубашу. Брассика обещала его спасти. Лишенная помощи учителей, Брассика не знала, как избавиться до конца от отравления. Вся надежда на Академию магии.

– Ну и что? Победим и это чудище. Но сначала я отдохну, – ответил Маркус, оперевшись на каменную ограду.

– К счастью, мы живы, – Брассика попыталась воодушевить его. – Наш план, признаюсь, с самого начала звучал по-идиотски. На удивление удачным оказалось наше путеше-

ствие. До сих пор не могу поверить, что вы на него согласились. Я буду просить о твоём выздоровлении в стенах Академии. Договорюсь, обещаю.

– Почему странно? Удача и моя храбрость победу выковали, – гордо заявил Маркус. – А то, что согласились на путешествие, так это благодаря Рудольфу. Он так настаивал, что я не посмел ему отказать.

– Вот как? – сказала Брассика. – Что ж. Пошли, Маркус, не будем терять времени на простой. Боюсь, в Академии меня ждет очень горячая встреча.

– Почему? – удивился Маркус.

– Скоро узнаешь.

И вот узнали. Он помогал преступнице, беглянке, укравшей у собственной гильдии какие-то драгоценности. Всех подробностей Маркус так и не узнал, но и услышанного достаточно. По законам королевства бандитам полагается смерть. Неприятно закончить жизнь на плахе.

Хорошо, что слово свое сдержала – колдуны лечат от ран...

Теперь у него появилась слава. Маги в Академии относятся к нему с некоторым уважением или интересом. Некоторые искренне называют его перерожденным, но Маркус постоянно повторяет, что он простой человек.

Следующим утром, после того, как двое заклинателя подтвердили излечение, его отправили на встречу с директором Ларсом.

Покои директора мало отличались от остальных залов. За исключением того, что количество книг и свитков превышало все разумные пределы. В стеклянных колбах содержался мистический огонь, а на столе мерно, капля за каплей, показывали время водные часы.

– Уму непостижимо. Вы согласились пойти в наемники к девице с неясным прошлым, – первым взял слово директор. Он сидел в кресле из стеклянных кристаллов. Наверное, оно не очень удобно, но Ларс в нём не испытывал затруднений. . – А ещё взяли с собой священника, которого отлучили от церкви за непослушание. И откуда-то раздобыли для похода женщину из древнего народа. Вы знаете, что сейчас люди в королевстве к остроухим относятся, мягко говоря, не очень хорошо?

– Знаю.

– Мои ученики уже ищут трактирщицу. Говорят, что она оставила в городе детей перед тем, как отправиться в путешествие. Опрометчивый шаг. Смута нарастает. К древним народам относятся с пренебрежением и страхом. От страха до ненависти шаг. Кстати, ваш духовный наставник пришел в наш храм. Выглядел как свинья. Нет, он не пил, но помотало его по здешним канавам. Я разрешил принять его в наши покои. Скоро вы встретитесь с ним.

– Спасибо. А где же Брассика? Что с ней?

– Она здесь. С ней всё в порядке. Нужен день отдыха, и она будет готова отправиться в путь.

Маркус удивился: «В какой ещё путь? Мы же только вернулись». Директор, едва заметно улыбнувшись, вылез из стеклянного кресла. Он бросил полено в камин, и огонь восхитительно поглотил дерево. Колбы на стенах тоже вспыхнули, по-видимому получив подпитку – яркое свечение на миг ослепило мечника.

– А вы думаете, я просто так с вами веду беседу? Какой наивный человек. Будете чай?

– Что такое чай? – спросил Маркус.

Директор пробурчал себе под нос. Налив напиток в чаши себе и собеседнику, он вернулся за стол и жестом пригласил к питью.

– Да не бойтесь. Мне нет нужды вас травить. А разделить церемонию, ммм... Что ж. Хорошо. Буду откровенен – вы, вот эта ваша четверка целиком, самые что ни на есть страстные дураки. А дуракам везёт. Удачливо победили королеву гоблинов. Удачливо вернулись живыми и целыми. Как ваши ядовитые раны, уже ничего?

– Ничего, – ответил Маркус. Ему и правда полегчало в замке магов. Он сделал глоток из чаши.

– Ну как напиток? – поинтересовался директор.

– Травянисто.

Они вдвоем засмеялись.

– Вы для меня чужаки, – сказал Маркус. – Совсем чужие. И всё у вас такое странное, усложненное, как этот чай. Вы не можете сказать прямо, что хотите от собеседника. Нет в

вас простой нравственности.

– Ах вот как. И чем же вам не угодили маги своей сложной нравственностью?

– У вас такая мощь, что сама старуха с косою вежливо уступит дорогу. Но вы ничего с этой мощью не делаете. В королевстве бардак, а вы судите девку за её попытку вернуть порядок.

– А что же должны были сделать? – Ларс от удивления поднял брови.

– Восстановить справедливость, – недолго думая ответил Маркус. – Как это сделал герой, победивший Князя тьмы когда-то. Он сумел объединить всех, и достойных, и чернь, чтобы бороться со злом. А вы со своим знанием прячетесь в стенах. Вернем порядок – вернем и справедливость.

– Мы не прячемся, Маркус. Мы служим тем, кому нужна наша помощь. Нынче у магов просят редко.

– Так почему же вы сами не поможете простолюдинам? Всем тем, кто в нужде сидит с рождения?

– А они разве просят? Наше высокомерие – это не только результат излишнего общения с книгами. Простолюдины мечтают нас на кол посадить, а не о помощи просить. Задумайтесь.

– Вы и не пытались помочь, – запротестовал Маркус.

Директор Ларс пожал плечами. Помолчали минуту.

– Мне пришлось многое перетерпеть в общении с вашей ученицей, – продолжил Маркус. – Брассика усложняет всё. И

хочет, чтобы все её ценили. Но дева не должна верховодить. Даже если она маг.

– Разве плохо, когда вас ценят?

– Было бы за что. Не пристало женщине обходиться так с людьми.

– Но она ведь смогла исполнить вашу мечту, не так ли? Королевы гоблинов нет. Теперь дорога на Выш открыта, вам удастся наконец вернуться в родной дом. Кроме того, да будет вам известно, что в гильдии магов мужчины и женщины равны. Титулы и звания выдаются не за происхождение, а за таланты и упорно достигнутое знание. Конечно, вам тяжело это принять. Ваше сердце скрипит. Рыцарей-женщин нет. Но как есть!

Маркус не нашел что ещё ответить, допил залпом чай и направился к окну. С высоты виднелась портовая Эйна: кораблики подплывали, разгружались, набирали груз и отплыли по большой реке.

У родного Выша не было речной торговли. В озере только рыбу и раков ловили. Купеческий путь пролегал через Изумрудный лес, через него город получал всё нужное для жизни, в обмен на соль и янтарь. По нему же сбежала вся знать, купцы и ремесленники, бросив город на разграбление гоблинам

– Маркус, послушайте меня, – директор заговорил каким-то особенно доверительным тоном. – Вы сотворили подвиг, и никто этого уже не отнимет. Скоро слухи распростра-

няться по всем уголкам королевства, а барды начнут сочинять песни про Маркуса-мечника из Выша. И на этом уже можно было остановиться. Будь в вашем обличии, я б так поступил. Но путешествие открыло завесу чего-то страшного, о чем мы пока не можем ясно высказаться. Это беспокоило нас давно. И только сейчас можно сказать, что не показалось.

– Вы про сторонников Князя тьмы? Еретики из Тёмной церкви выжили и готовят месть?

– Пока нет ясности, Маркус, но зло созывает на север свои силы. Отовсюду придворные маги сообщают о бегстве крестьян с северных земель. В Данаре Валук плетёт интриги и собирается напасть на земли Выша. Для чего, мы пока не знаем. Возможно, он преследует цель объединиться с приспешниками зла. В Эйне у горожан нарастает страх, везде ищут предателей и изменников. Разумеется, косые взгляды не обошли и нас, магов Эйны. Мы вынуждены быть очень осторожны и не можем действовать открыто.

Директор Ларс подошел к Маркусу – так близко, что стали видны красноту его уставших глаз.

– Я должен просить вас об одной просьбе...

«Ну началось», подумал Маркус.

Отец Рудольф безучастно сидел в общей столовой. Каша в тарелке давно остыла. Маркус терпеливо ждал, пока он начнет говорить. Разговор с директором завершился теплым рукопожатием. Теперь предстояло выяснить, как быть с его

другом.

На них была одежда послушников Академии. Им позволили жить, пока Брассике не вынесут окончательный вердикт. Впрочем, Маркус полагал, что их хотят судить вместе с девушкой. Отсюда гостеприимство.

– Отец Рудольф, ты мне друг?

Священник ответил не сразу. Свет горящих свечей тускл и плохо освещал пространство вокруг. Он повернул к Маркусу свое лицо – старое, в глубоких морщинах и с полной сединой.

– Мир душе твоей, Маркус. Конечно друг. Почему ты спрашиваешь?

– Я хочу поговорить с тобой о сокровенном. Случившееся в подземелье не дает мне покоя.

– Это исповедь? – удивился священник. Он заметил, что теперь отлучен от церкви и не может принимать участие в таинствах.

– Нет, не исповедь. У меня к богам просьб нету.

– Исповедаются не только ради просьб, а ради примирения.

– Скажи мне, отец Рудольф, ты мой давний наставник и помощник в бою. Мы прошли сотни верст и победили немало врагов, а недавно низвергли из нашего мира королеву гоблинов. Сколько зла она принесла нашей земле – не сосчитать и за век. Но твой дух в путешествии был болен. Чуждачества, разговоры с невидимыми созданиями... Ты искренен

со мной во всех делах?

– Ну конечно.

– Это хорошо... – сказал Маркус. Ему было сложно изъясниться с человеком, который не раз спасал жизнь. Но после путешествия он сильно усомнился в его честности. – Тогда признайся, прошу любовно, кто для тебя этот Дрекавац?

Священник словно окаменел.

– Пожалуйста, не притворяйся. Я всё слышал в подземелье, как ты произносил его имя. Ты веруешь в нового бога? Дрекавац. Мне незнакомо это имя.

– Я... Не знаю, как объяснить тебе. Недоразумение какое-то. В бою каждый взывает по-своему.

– Мы хорошо слышали твои проклятья в адрес Дрекаваца.

Рудольф взялся за деревянную ложку. С её помощью он принялся рисовать что-то на каше. Разговор возбудил его не на шутку.

– Хорошо, признаюсь. Это какой-то дьявол, Маркус. Да, настоящий. Я поддался искушению и вступил с ним в диспут.

– Не может быть. Отец Рудольф, скажи, что ты неправильно высказался.

– Мой друг просил искренности...

– Не думал, что искренность будет настолько страшной.

Рудольф замолчал, замкнулся в себе, отложил ложку в сторону. Пальцы рук сомкнулись в замок, сами руки заметно дрожали. Священник громко и часто глотал. В голову Мар-

куса уже пришла мысль отказаться от разговора, дабы вернуться к нему позже, но тут Рудольфа прорвало.

Человек принялся раскаиваться.

– Я прежде всего прошу тебя, чтобы ты никому об этом не рассказывал, хорошо? Пойдем отсюда, мне будет легче говорить без посторонних глаз.

Они отправились в небольшой сад во дворе. Здесь буйно росли необычные цветы: ни один цветок Маркус не был знаком, а некоторые выглядели так, как будто их родиной является сама преисподняя. Было пусто, алхимики не собирали ингредиенты, а солнце склонялось к закату.

Рудольф начал рассказ.

– Всё началось год тому назад, ещё до той тяжелой зимы. Я еженощно молился богу, чтобы воцарился мир и покой в королевстве. Потеряв Выш, моя душа потеряла равновесие. Все труды остались в городе. Молитвы к добрым богам оставались без ответа, и тогда я возненавидел со всей силой своего спасителя. Уж мне тогда казалось, что не будь он, всё было бы как прежде.

Да, я ненавидел Чемпиона-освободителя. Для меня он не стал дарователем воли. Напротив, вместо свободы получил безнадежность.

Я глубоко верил в дьявольскую природу Князя тьмы, кем был Верховный лорд пустоши. Его приспешники натворили немало бед в королевстве. И никогда бы, ни при каких обстоятельствах не перешёл на сторону Верховного лорда. Но

после того, как герой из Эйны победил Верховного лорда, кому стало легче? Нам? Мы лишились родного дома! Удача отвернулась от нас. Да и боги с ней. Всё пропало для меня: ни церкви, где я исправно служил, ни народа, которому я был вверен, ни единого королевства, в котором прочно стоял порядок. Ты и я – бобыли истории.

Маркус слушал речь друга. Впервые его посетило новое чувство. Это чувство – неприятие. Разве можно жить прошлым? Ради чего тогда создано настоящее, и почему на алтарь кладется само будущее? Маркус всмотрелся в лицо Рудольфа: его глаза пылали страстью, похожей на помешательство, а рот не умолкал ни на секунду. Вся фигура старого друга держалась в напряжении.

– И тут ко мне обратился Он, – внезапно тихо произнес Рудольф, упрятав взгляд куда-то в землю. – Это было что-то вроде божественного откровения. Голос Его был настойчив и жесток, даже груб. Поначалу я страшно сопротивлялся и хотел даже податься в вечную дорогу, сбежать в дальние уголки королевства. До чего же я тогда перепугался. Но время шло, и Он казался мне убедительным созданием. Я перестал считать себя сумасшедшим и проклятым на искушение.

Дрекавац... никогда не показывал своего лика. Он обещал мне исполнить мечту, вернув порядок в нашем мире. Долго раздумывал над его предложением. С братьями по вере не обсуждал, но косвенно выяснил, что они не прочь восстановить добропорядочность в королевстве, если на то потребу-

ется жертвенность.

Я согласился стать этой жертвой. Думал так: «Обхитрю дьявола. Со мной бог и вера, а за ним серая пустота. Пусть Он думает, как глуп и наивен его слуга. А после стрясу с него всё, что требуется для нашего блага».

Видимо, моя оплошность в слабой вере. Истово верующий на сделку с дьяволом не пошел бы.

– И что он от тебя требовал? – спросил Маркус.

– Быть его глазами и ушами. Да больше ничего, пока не направил к Брассике. По Его требованию я должен был сопровождать её до королевы гоблинов. Он не объяснил, зачем. Да и спрашивают ли у богов?

– То есть... наше путешествие – это дело рук Дрекаваца? Князя тьмы?

– Я не уверен, что это Князь тьмы, – вздохнул Рудольф. – Лишь в подземелье я почувствовал от него подлинное зло. Сердце мое подсказывает, будто Он кто-то другой, иное существо, прислуживающее злу.

– Что же. Если это всё...

– Да, это всё.

Маркус молча подошел к своему другу. Взяв за плечи, мечник приобнял его. Отец Рудольф, сконфуженный, в ответ обнял друга. Они постояли так с минуту, и показалось, что кто-то из них слёзно всхлипнул.

– Я не знаю, как дальше жить, брат по вере, – признался священник. – Ибо моими руками могла быть загублена юная

душа. Мне бы в изгнанники...

– Сейчас не время помышлять о таком. Должен тебе признаться: о твоей тайной связи догадываются маги Эйны.

– Как? Каким образом? – ошарашился священник.

– Моя голова не предназначена для такой науки. Их директор просит нас сегодня же отправиться в руины Выша.

– Нас – это кому? Я да ты?

– Не только. Брассика с Атропой должны отправиться с нами..

– Брассика под магической стражей. Она не может пойти.

– Видишь ли, он просил меня о кое-чем очень плохом.

– О чем же?

Маркус потер свои рыжие усы:

– Понимаешь, мы случайно помогли магам в одном очень большом и серьезном деле. Мне так сказали. Но им не хватает всей полноты чего-то там. Директор Ларс просил, чтобы я убедил тебя слушаться во всём Дрекаваца, исполнить любой его приказ. Любой. Абсолютно любой.

– Но я только что исповедался тебе, отринул от зла! А вы предлагаете слиться с ним вновь, – возмутился священник.

– Взамен они обещали отправить самых верных помощников на возрождение Выша, – неуверенно произнес Маркус.

Тут их разговор прервал звон колокола.

Магическая стража держала входные ворота закрытыми.

Церковный звон усиливался, колокола играли по всему городу. Толпы восклицали одно имя: Валук, Валук, Валук! Директор и деканы вышли на улицу, видимо, чтобы убедиться воочию в происходящем.

Маркус и Рудольф подошли к ним. Каменные големы никак не отреагировали на Маркуса, тогда как на Рудольфа их взгляд к фигуре священника казался прикованным намертво.

– Должно быть, это война? – спросила рыжая женщина с обожженным лицом.

– Всё дело в дефинициях, – глубокомысленно заявил богато одетый мужчина. Он повернулся к Маркусу и нестерпимо фыркнул.

«Ишь какая рыба фуфатая», – сказал про себя Маркус.

– Директор Ларс, верховный шулен Валук объявил о крестовом походе! – воскликнул один из студентов-магов. – Мы идем освобождать Выш от нечисти.

Из студенческой толпы послышался одобрительный клич.

– Ура!

– Да здравствует Валук-освободитель!

– Наконец-то мы изгоним гоблинскую нечисть.

– Никто никуда не пойдет без моего одобрения, – громко и властно приказал директор Ларс.

Толпа заметно угасла в чувствах. Рядом стоявший богач опять самодовольно фыркнул.

В ворота постучали. Магическая стража спросила, могут

ли они впустить некую Атропу с детьми.

– Директор, они же остроухие... – мягко прошелестел ртом богач. Деканская свита поддержала его.

– Впустить немедленно!

Маркус рванул через головы школяров. Ворота открылись, и Атропа вошла вместе со своими отпрысками. Женщина, посмотрев на замок, заявила:

– Батюшки, какие вы хоромы тут отгрохали!

Глава 12

В келье шёл активный разговор.

– И вы согласились? – удивленная Атропа в сомнении сложила руки на груди.

Маркус и Рудольф кивнули в ответ.

– После всего, что случилось? Дураки. Ой дураки!

– А ты? – спросил Маркус. – Пойдешь с нами?

Атропа в раздражении скривила лицо.

– А я никуда не пойду. Моя клятва исполнена, а вам я никаких клятв не давала. У меня тут дети без присмотра по городу слонялись. С твоей божьей милостью, Рудольф!

Священник потупил взгляд.

– Ещё раз прошу прощения за поведение моих братьев. И буду просить всякий раз, пока ты меня не простишь. Братия поступила неправильно. Я обязательно поговорю с отцом Ионой, когда смогу вернуться к общению с церковью. До той поры я вынуждено отлученный...

– Да разве это вера? Одни слова. Вы говорите одно, а делаете совершенно противоположное.

– Что случилось? – спросил Маркус.

– А твой духовник тебе не рассказал? Его церковная братия бросила моих Мику и Любу на улицу! Под предлогом того, что они не люди: оказывается, если ты не человек, то к божьему царству не велено присоединиться. Ну а что нам

сделать следует, уши отрезать, что ли?

Маркус молча посмотрел на Рудольфа, но тот лишь с обидой махнул рукой.

– Она права. Это лицемерие. Я не скрываю своего презрения к поступку Ионы. Если к божьему царству приходят с миром – взамен просители должны получить мир. Их не приобщили к общему благу по воле Ионы. Мне показалось, будь на его месте кто-то другой, братия охотно приняла в храм детей Атропы.

– Как бы то ни было, к твоим святошам я ни ногой. Вы, люди, всегда двусмысленно себя ведёте. А я? Дура старая я. Доверилась вам. Ну как девка наивная, честное слово!

– А мне ты доверяешь? – спросил Маркус. Он примерял на себе новые доспехи, выданные из запасов Академии магии. Доминея подобрала для него необычную чешуйчатую броню, крепкую и гибкую одновременно.

От Атропы не скрылся факт того, что Маркус всячески хорохорился в новых доспехах.

– Да, тебе доверяю. Но не церковникам.

– Могу я просить тебя отправиться со мной в путешествие? Не как твой хозяин. Ты не будешь моей слугой. Мне требуется верный товарищ, в отличие от нашей «госпожи».

Атропа хмыкнула. Она собралась ответить с ехидцей, но в дверях показалась сама Брассика – живая и невредимая.

– Привет, касатка!

– И вам всем привет. Вы живы и свободны, собрались в

моем доме, – сказала она, разглядывая своих компаньонов. – А ты, Маркус, я вижу стал здоровее. Моя учительница Фредерика избавились от порчи?

– Похоже на то.

– Фредерика всегда удивляла меня своими талантами. Кажется, будто все вещества в нашем мире могут превратиться в зелье, дай только их в её руки. Что ж... – Брассика подошла к глиняному кувшину, выпила воды и легла на кровать, укрывшись в одеяле. Её глаза уставились на потолок.

– После допроса в золотой комнате так хочется жить! А ещё пить. У меня никогда не было такой жажды, как сейчас. Боже мой. Кажется, я всё рассказала про свою жизнь своим профессорам и деканам.

– Тебя мучили? – озабоченная Атропа присела рядом. – Били, пытали?

– Нет. Пытки у магов под запретом. Мы же мудрое общество людей, как говорит директор Ларс каждый учебный год. Всё дело в зале. Золотая комната распутывает твой язык. Похоже на колдовство древних. Чем сильнее сопротивляешься, тем больше начинаешь говорить. У меня кровь носом пошла из-за того, что долго находилась под древними чарами.

– Они приговорили к наказанию, касатка?

– Не знаю. Так-то я по коридорам хожу свободно, как видите. Выйти наружу не пробовала. Но в замке все шепчутся, называют меня воровкой и преступницей. Кстати, двое пре-

подавателей на допросе голосовали за мою казнь.

– Ничего себе!

– В голове не укладывается, как можно за такое голосовать. Что им даст моя смерть? Я всегда выступала против традиций прошлого – они создают больше преступлений, чем их предотвращают.

Брассика повернулась к Атропе: «А где же твои дети?»

Атропа лишь отмахнулась. Ей не хотелось повторять всё заново.

– Я договорилась с твоим директором, что они поживут тут со мной ещё день-два. А потом мы отправимся домой. Таверну уже облюбовали бандиты небось. И да. Тут наши братцы предлагают отправиться снова в путешествие до Выша. Говорят, предложение от вашего Ларса. Ты что-нибудь знаешь?

– Нет. Очень необычно. Хотя... Догадываюсь. Нашими руками желают что-то заполучить. Мы их определенно заинтересовали.

– Вы как хотите, а дело проворачивайте без меня, – ответила Атропа. – Моего интереса в этом предприятии нет. Мужички получили дорогу к Вышу. Ты, касатка родная, получила доступ к той самой библиотеке. А я получила право спокойной жизни в Бриллиантовом лесу. Надеюсь, гоблины уже разбежались по норам, а лучше в тартарары.

– Если бы, – сказал Рудольф. – Все гоблины собираются в развалинах Выша. Уж не знаю, для чего, но хорошим это

точно не обернется.

– Тем более, зачем мне помирать? И какое мне дело до Выша? Вот моя земля, мой лес и таверна, – Атропа изобразила руками деление на «наше» и «ваше». – А тут ваше княжество, королевство и треклятый город Выш. Ничто из этого мне не любо. Мы, остроухие, терпим много невзгод от людского присутствия на нашей земле. Вы же знаете?

– О чем она? И у остроухих притязания на наш город? – спросил озадаченный Маркус. Рудольф решил объяснить:

– По легенде, первый город в землях Выша принадлежал им. Но древние люди изгнали их народ, а на пепелище основали свое поселение. Это было так давно, что никто не подтвердит правдивость истории.

– То-то! – воскликнула Атропа. – Так что, хлопчики, идите освобождать свой город сами.

– У всего есть цена. Неужели у тебя нет своей, м? – Брасика рисовала пальцем в воздухе, словно считая что-то.

Атропа призадумалась. Пламя чувств хотело вырваться наружу, но она уже поняла, что не разум и сердце, а проклятое общество влияет на её поступки. Это уже не она, не Атропа, а кто-то чужое, свойственное местному народу существо. В лесной таверне всегда было спокойно.

«От гибели королевы я получила двести золотых, – подумала женщина. – Не самые большие деньги, но хватит на расширение постоянного двора, и ещё в приданное Любе останется. Что ж ещё нужно в жизни?»

– Может быть, ты пожелаешь иметь свой дом в Выше? – поинтересовался Маркус. – Или титул? Когда мы вернём себе город, то наше слово станет определяющим при назначении в городской совет. С радостью выдам даровую на землю. Вышинцы вряд ли разберутся, была ли такая госпожа Даймонд на самом деле раньше. Язык, обычай и отношение к жизни у тебя весьма схожи с нашими. Заодно сумеешь открыть таверну – уверен, что в Выше будут по нраву твои моченые яблоки.

Звонкий смех Атропы наполнил келью. От него задрожал даже огонь кристаллических ламп.

– А если я погибну? – спросила она.

– Я не буду тебе больше ничего обещать, Атропа. Мои братья по вере не смогли исполнить просьбу, – сказал Рудольф. – Но ведь твой народ всегда был близок к магии, так? Может, для вас есть более близкие по духу сородичи из людей?

Атропа догадалась. Она ждала, что скажет Brassика. Ей хотелось, чтобы девушка приложила усилия.

Brassика, вероятно, почувствовала на себе взгляд.

– Знаешь, Атропа, в лесу возле мертвых земель я поступила с тобой неправильно, – внезапно заявила девушка.

Атропа приоткрыла рот. Brassика продолжила:

– Мне не стоило быть жадиной. Хотя, в общем-то, я боялась, что ты сбежишь со всей суммой. Только сейчас я поняла, как драгоценны тебе дети. Прости меня. Я поговорю с

директором Ларсом.

– А если он не согласится?

– Согласится. Это будет условием для моего участия в путешествии.

– Так ты пойдешь с нами?! – обрадовавшийся Маркус потер ладонями.

Брассика легонько пожала плечами: «Уж лучше находиться в опасном пути, чем в темнице у магов».

Директор Ларс практиковался в заклинании, когда в его покои вошла Атропа. Бушующий в камине огонь затих и замирел. Из ночного окна дышал чистый холодный ветер.

От этого бритолицого мужчины магия отдавала волной, заметила Атропа. Какое страшное могущество в одном живом существе. Непростительный порок в природе.

– Чем могу служить? Вы же Атропа?

– Именно я.

Он посмотрел на неё: сквозь улыбку считывалась глубокая пронизательность.

– То, что вы у меня сейчас попросите, невыполнимо в стенах Академии магии.

– Брассика просила передать вам, что таково её условие для участия в путешествии. Мои дети должны получить у вас кров. Церковь меня обдурила, будет ли дурить колдовская братия?

Директор закатил глаза.

– Ох. А что ещё требует моя ученица? Не думается ли ей, как она ходит по краю обрыва? Только-только её спасли от казни, и снова проявление непокорности.

– Да, Брассика просила оказать помощь со снаряжением, как это уже сделали с Маркусом. Так что, вы соглашаетесь?

Директор громко хмыкнул. Он пошел к окну, остановился, развернулся – Атропа следила за ним, – и опять пошел вперед. Закрыв окно, директор приказал двум големам выйти в коридор.

– Хотите чаю?

– Узвар есть?

– Чего нет, того нет.

– А сбитень?

– Мы южане, Атропа!

– Тогда положите в чашу трав побольше. Интересные травы у колдунов найдутся?

Директор приготовил две чаши, старательно прогрев их огненной струей, выпущенной из руки.

– Пожалуйста.

Атропа осторожно сделала глоток. Горячо!

– Вы видели, в каких буйных превратились наши горожане? – директор словно хотел удостовериться, насколько Атропа прониклась криками уличной толпы.

– Ещё бы.

– В Эйне небезопасно. Ни для магов, ни тем более для остроухих. Наверное, неприятно это слышать?

– Слышать что?

– Что для вас это место небезопасно. Вы слышите это два столетия, не так ли?

Атропа поперхнулась чаем.

– Ну, знаете ли...

– Извините, не хотел обидеть. Но сейчас ваш народ в ещё большей опасности, чем было раньше. Агенты Валука всюду распространяют слух о присяге оставшихся остроухих некоему Князю тьмы. Да-да, того самого. Которого убил Чемпион двадцать один год назад.

– Так это Лжекнязь? – спросила Атропа.

– Я не уверен. Верховного лорда тьмы сразили в честном бою, а его остатки исчезли в мире Абсолюта. Боги решили завершить дело смертных. Это не Князь тьмы, и вряд ли мы имеем дело даже с его самозванцем.

Но лет пять тому назад один наш профессор внезапно исчез. Мы искали его и нигде не нашли. И уже тогда я всерьез насторожился: почему исчез именно он?

– А кем он был?

– Профессор Квинт являл собой настоящее мастерство магии. В гильдии его таланты имели заслуженное признание. Именно он должен был стать директором, но... не судьба. Бывает. Так получилось, что выбор гильдии пал на меня. Коллегия избрала нового директора сразу после последней битвы с Верховным лордом.

После этого Квинта словно подменили. Он часто спо-

рил, пререкался с друзьями, превратился в нелюдимое существо. А потом и вовсе исчез. Проблематичное дело, ведь Квинт единственный, кто в совершенстве владел школой магии призыва. Если бы вы видели, каких сильнейших демонов он умел призывать!

– Остроухие за жизнь, а не за смерть, – уточнила Атропа.

– Конечно-конечно, вас не впечатляет игра со смертью.

Но после его исчезновения начались и другие странности. А несколько лет тому назад гоблины, которые жили относительно спокойно в северных глубинах, внезапно напали на Выш. И с какой жесточенностью! А теперь прекратили работать все порталы, кроме ранее неизвестных всему миру.

Директор Ларс помолчал.

– Один из этих порталов оказался внутри академии. Вы понимаете, к чем я клоню? – собеседник наклонился ближе к Атропе. – Я поговорил со всеми наедине, кроме вас. Маркус, Рудольф выразили согласие. Брассика скорее согласится на свободу, чем долгое нахождение в тюремных тисках первого декана Урбана... Мне нужно, чтобы вы в той же компании отправились в путешествие к Вышу.

– Зачем? Вы так и не дали согласия на мою просьбу, – Атропа допила чашу и сделала вид, что собирается уходить.

– Затем, чтобы зло, скрывающееся в тени, вновь показало себя, – с этими словам директор показал пальцами, как мало осталось сделать для этого. – Всего чуть-чуть. Заставьте чудовище шелохнуться, сделать один маленький шаг. Выве-

дите его из равновесия, и тогда мы пойдем, с кем предстоит бороться.

Атропа встала со стула.

– Ещё что-нибудь есть для меня?

Ларс тяжело вздохнул.

– Я не смогу оставить ваших детей в стенах Академии...

Почти.

Женщина прищурилась: «А как сможете?»

– Боюсь, вам очень не понравится мое предложение, – признался директор. – Пойдемте.

Они зашли во вторую комнату, всю забитую шкафами с ингредиентами. В углу стоял алхимический стол: склянки, реторты и небольшой стеклянный шар. Пахло сухим разнотравьем и редкими минералами, а с потолка свисали куриные лапки.

– Взгляните внутрь, – директор наклонился над шаром. Атропа поступила так же.

Её мгновенно перенесло в неизвестное пространство.

Перед глазами стоял противный туман, зеленая поляна была вся в росе, а близко к ручью находился каменный трехэтажный дом-особняк с оградой.

– Идем, – директор жестом пригласил внутрь. Перед дверью он предупреждающе шепнул: «Вам не понравится здешний обитатель. Но он мой лучший друг. Самый честный друг на свете. Я доверяю ему свою жизнь. И готов просить за вас, чтобы он сберег детей. Вы готовы?»

Атропа нервно сглотнула. Волнение нарастало. Почему зов судьбы так беспощаден к ней? Почему бы судьба не отпустила её жить в спокойствии? Ей мерещится в происходящем особое знамение.

– И кто там? – спросила она.

Директор Ларс отворил дверь. Внутри показалось уютно – книга на книге, нагромождение свитков, старые тканевые полотна на стенах. Мелкие витиеватые растения, серо-зелёные, ворсистые, растущие прямо из-под пола, от их присутствия распустили мелкие белые цветки. Мягкой поступью они прошли в следующую комнату.

Атропа вскрикнула, едва увидев живое существо.

– Дедушка, ну вы что? Это невозможно!

– Не нужно бросать эмоций, – директор Ларс пытался успокоить Атропу, но она всё не унималась.

– Как я оставлю с ним своих детей?

– А что же с ним не так? Вы в плену иллюзий – живые существа с разумом способны на многое.

Атропа поглядела на директора, затем на существо, затем опять на директора. Зеленокожий, низкорослый и седобородый, лучший друг Ларса держал охапку исписанных листов и недовольно озирался на Атропу.

– Но это же гоблин! – крикнула она.

– Меня зовут Альба. Рад знакомству, но это неточно.

Директор замялся. Видимо, ему было неудобно находиться с гостем в покоях друга.

– Альба, это Атропа. Она друг. Атропа, это Альба – мой личный библиотечарь. Мне нужно попросить тебя о кое-чем важном.

– О как? – скрипучий голос гоблина изобразил удивление.

– Она из древнего народа остроухих. Как и ты в свое время, она много пострадала за жизнь. У неё есть двое прекрасных детишек, которым пока негде жить. Их тоже не приняли люди – от глупости ума, разумеется. Сейчас мы должны объединиться, понимаешь?

Гоблин понес листы на стол, принялся раскладывать их по стопочкам согласно своим представлениям. Он молчал. Директор явно волновался, мельтешил перед ним.

– Понимаешь? согласишься ли ты помочь ей?

– Ну... – скрипуче протянул гоблин.

Альба повернулся к Атропе. Они уставились друг на друга.

– Я отправилась в путешествие вместе с ученицей из вашей гильдии. В обмен на кров для детей в церкви. Но люди не исполнили обещания – если бы не один добрый рыцарь, нашедший их на улице и приютивший в таверне... Даже не хочу представлять, что бы с ними случилось.

– Плохо, когда не исполняют обещаний.

– Меня вновь просят отправиться в путешествие. Я не готова отправиться, пока мне не дадут кровную клятву за моих детей.

Директор Ларс поднял брови от удивления: «Какая ещё

клятва?»

– Хитрый остроухий народец. Не выйдет. На меня не действует обычай – я белая ворона, без кровной связи. Мой брат – это человек Ларс. Больше у меня никого нет.

– Что же ты хочешь?

Альба присел на поленище. Его ножки играючи свисали.

– Из твоей под сумки исходит необычный аромат. Для тебя он похож на редкий ваниль, сладкий и яркий, а для меня это смесь горечи и дурмана. Я знаю, что это за корень. Вы носите его с собой как память о родных местах?

Атропа поняла, на что намекает гоблин. Вязель первородный. Только её народ умел возвращать растение – оно подчинялось тонкой руке остроухого.

«Ещё одна дорогая цена за будущее детей?», подумала Атропа, усмехнувшись над собой. Как сказала Брассика про традиции прошлого? На сердце женщины была легкость. Достав корень из сумки, она молча вкопала его в волшебный пол дома. Изумленный Ларс и удивленный гоблин смотрели за работой её крепких хозяйственных рук.

– Вот значит как. И даже просить не потребовалось. Всё ради детей? – спросил Альба.

– Всё ради нашего будущего, – ответила Атропа.

Атропа вместе с Ларсом вернулись обратно в покои.

– Спасибо, что согласились, – сказал директор Атропе. – Вы вправе были отказать нам.

– Ай, чего ещё ждать от вас, людей? Языком вы мелете будь здоров. Ох и спрошу я с вас после всех путешествий!

Ларс засмеялся.

– Я исполню вашу просьбу в будущем, так и быть.

Он проводил её до дверей, просив передать маленький бумажный сверток Брассике: «Здесь описан ваш план». Попрошавшись, он закрылся на засов. На выходе стояли каменные големы, медленно раскачивающиеся и бдительно наблюдающие.

Атропа направилась в келью, как вдруг услышала чей-то крик. Она насторожилась. Из-за угла выбежала огромная крыса.

– Фу какая гадость!

Хвостатая не обратила на неё никакого внимания. Тогда Атропа пошла дальше. На лестничном пролете ей попалась странная женщина в грязно-коричневой мантии. В её неприятной улыбке виделось нечто зловещее.

– Я видела у вас крысу. Вот такую! Здоровая как собака, – сказала ей Атропа. Женщина, сбросив капюшон и показав белоснежные волосы, в ответ легонько кивнула головой, не переставая оскалисто улыбаться.

Взмах кинжала был молниеносным.

Глава 13

Не пора ли остановиться после Выша?

С такой мыслью прилег Маркус на кровать, ожидая возвращения Атропы. Время шло, а её всё не было. Рудольф весь вечер говорил про то, как им предстоит восстановить былое величие королевства.

В такие моменты его словно подменяют. Вот живет человек, интересующийся простыми мелочами жизни: служба богу, возделывание земли, чтение священных книг, гуляние на ярмарках и освистывание грубых мистерий на городской площади. Всё, казалось бы, правильно и опрощено – ибо идет от самой души, от потребности жить и даровать свои чувства другим без всякого подвоха.

Но потом такого человека настигает буря. Он размышляет не о простом, а о материи, недоступной всякому. Такой человек становится властным глашатаем. Такого уже не остановить: памфлет за памфлетом, призыв за призывом, одно хитрое слово за другим. Маркус охотно слушал пространственные речи друга до той поры, пока не раскрылась вся правда о Дрекаваце. Теперь он делает это больше из вежливости. Голова, правда, пухнет после монолога.

– После Выша, говорю вам, предстоит объединиться снова. Выш только начало великого возрождения. Негоже быть королевству без короля. Нужно найти его.

– Как по мне, ничего не изменилось с исчезновением Бертольда, – заметила Брассика.

– Ой, неумное дитя, – махнул рукой раздраженный Рудольф.

– Да зачем вам всё это, отец Рудольф? – спросил Маркус. – Я искренне не понимаю, чего стоит королевский двор? Словно королевская власть сделала нашу жизнь лучше.

– Потому что тогда мы были силой, Маркус. Сейчас мы слабы перед натиском внешних врагов, остались без крова и еды, – ответил священник.

– Началось, – Маркус закатил глаза в недовольстве.

– Ну где же Атропа? – Брассика поднялась с кровати, заглянула в окно и ужаснулась. – Ой, снаружи что-то происходит.

Маркус с интересом выглянул в окно – возле ворот заговорчески пылало множество факелов. Кто будет собираться возле замка магов Эйны в глухую ночь? Вряд ли доброжелатели.

Из коридора послышался шум и суматоха, затем крик отчаяния и боли. Дверь отворилась, показалась седая женщина:

– Берегитесь, тут... – успела сказать она, прежде чем клинок вышел прямо из её горла. Пол обагрился кровью. Брассика вскрикнула, а Рудольф немедленно перевернул кровать для создания преграды. Маркус броском добрался до янтарного меча. Подарок от Доминеи в его руке светился живым золо-

том. Жертва упала, и за ней, как воплощенная тень, показался человек в грязной рясе и с крайне грубыми чертами лица. Его черный рот громогласно произнес:

– Еретики, отступники и поганая шваль. Смерть им!

Он самоуверенно побежал навстречу Маркусу. Меч вспорол грязнорясому живот: упав навзничь, мужчина лишь всхлипнул и больше не подавал знаков жизни.

– Что здесь происходит?! – Брассика смотрела на распластавшийся труп.

Из открытой двери слышался шум яростного сопротивления. Кто-то читал заклинание, звенели клинки.

– Это нападение, – заявил Маркус. – Мы должны уходить, в комнате нас легко возьмут штурмом.

Маркус, Рудольф и Брассика выбежали в коридор. Лежавшие тела издавали стоны, изгибались в страдании. Маркус повёл остальных в донжон.

– У вас есть потайные коридоры? – спросил он Брассику.

– Я не знаю. Учеников не посвящают в такие тайны.

– Вот как? Иерархия! – усмехнулся священник. Девушка в ответ бросила в него гневный взгляд.

– Давай найдем Атропу? – предложила Брассика, потянув за рукав Маркуса.

Но он хотел уйти как можно скорее из замка. Опыт воина подсказывал ему, что шанс пережить внезапное нападение совсем мал. В такой ситуации только реакция и быстрота спасают от смерти.

– Лучше уйти, – с толикой печали сказал он.

Атропа посмотрела на него, как на предателя.

– Это же Атропа!

Из коридора показался грязнорясый. Брассика прочла заклинание – и костяное копьё пригвоздило сектанта к стене. Для безопасности она пустила ещё два копьё: «Пусть повисит!»

Маркус присвистнул от увиденного.

– Ты стала воином!

– Я тоже считаю, что мы должны спасти Атропу, – признался Рудольф. В его руке молот блестел серебром, набалдашник покрывал тонкий узор из цветков и листьев.

– Двое против одного. Ладно. Живо на четвертый этаж.

Они побежали по лестнице: Маркус прокладывал дорогу, очищая от нападавших, Брассика метала копьё в тех, кто пытался бросить в них заклинание, а Рудольф оберегал тыл, неистово круша головы еретикам. Изредка на пути попадались маги – явно взятые врасплох, они оказывали слабое сопротивление, пытались скучковаться, сбежать в город или подняться в донжон за помощью коллегии.

К священнику подбежали двое грязнорясых: «Отступник, предатель! Сдохни!». Рудольф оглушил одного ударом в висок. Второй оказался притким – его кинжал сильно порезал руку. Тогда священник обманным движением ввёл сектанта в заблуждение. Поверивший, что Рудольф делает шаг влево, еретик выставил кинжал вперед, выдвинувшись всем телом

ближе. Молот ударил в лоб. Упавший не успел вскрикнуть – мощь стали и серебра разнесла его череп вдребезги.

– Рудольф! Я долго буду ждать? – Маркус крикнул, не обернувшись. Натиск грязнорясых нарастал.

– Ещё один этаж, – кликнула Брассика.

На третьем этаже располагались два коридора. Из одного уже валил острый разноцветный дым, звучали хлопки и битье стекла. Из другого выбежали несколько человек, похожих на учителей Академии. Брассика узнала в одном из них Урбана, одетого в боевую мантию.

– Декан, что случилось?

– А почему ты тут, Брассика? Немедленно вернись в келью, – скомандовал Урбан.

– Но на нас напали! Вы что, ослепли?

– Я приказываю – вернись обратно. Живо!

– Никуда я не пойду, господин Урбан. Мои друзья в беде.

Первый декан принял угрожающую позу: «Если вы ослушались гильдию, то вас ждет только одно – смерть». Тогда Маркус решил, что пора вмешаться.

– Идём вверх. Брассика, защищай нас от магических штук.

Урбан словно ждал этого. В его руке быстро вырос кусок льда. Он метнул его в Рудольфа, но тот умеючи отбил его молотом. Маркус занялся остальными магами, но у них не было мотивации сражаться с не-еретиками. Урбан метал ледяные глыбы всё чаще, как бы распаяясь от бесперебойной

колдовской речи. Брассика пожаловалась:

– Мне нужен магический жезл. Мне не хватает сил, чтобы его остановить.

– Какой?

– Да любой, черт побери!

Тогда Маркус прыжком повалил одного из учителей. Мантия сыграла для мага злую шутку. Поспешивший напарник мгновенно успокоился от клинка янтарного меча, подставленного к кадыку.

Маркус метнул оружие мага в Брассику. Жезл, похожий на змею с рубиновыми глазами, был ловко подхвачен. Из гадючной палки полетели заклинания – костяные шипы покрывали раз за разом пол, на котором стоял Урбан.

– Ах ты мерзавка, – прошипел декан. – Я лично остановлю тебя!

– Остынь, водохлеб! – из рук Брассики выросли два огромных огненных черепа. Урбан не растерялся и создал водяной щит, который препятствовал летающим снарядам попасть в него.

– Живо вверх, пока они не очухались! – приказал Маркус.

– Тебе конец, воровка. Тебе конец. Вам всем конец, – говорил им в спину Урбан, старательно держа водяной щит от кружащих над ним черепов. Остальные маги молча смотрели им вслед.

На четвертом этаже сектанты уже выполнили грязные де-

лишки: тела учеников, магистров и учителей лежали повсюду. Многие лежали в углах – будучи растерянными от страха и непонимания, они зажимались в тесном пространстве, где их добивали.

Всюду кровь, тревожный звон колокола заставлял воздух вибрировать – некто в башне удосужился просить помощи у горожан.

– Атропа! Мамаша, откликнись, если ещё жива! – голос Маркуса гулким эхом пролетел по этажу.

В главном коридоре находилось двенадцать сектантов. Они встали в стойку и явно не желали, чтобы кто-нибудь проходил внутрь покоев директора. Кристаллы, росшие на стенах, стали багроветь с искрой.

Замок чувствовал гибель своих чад и реагировал по-своему.

– Берем натиском, понятно? – Маркус ринулся в бой, не дожидаясь согласия. Его янтарный меч разил быстро и легко. Янтарь, околдованный чарами, ощущался как перо, которое мастерски писало кровавыми штрихами. Молот Рудольфа оглушал противников, а Брассика метала копья в грязно-рясых на лестнице, которые снизу слышали клич Маркуса.

Сектанты умирали без страха, но совершенно бездарно. Их уста кричали, они бесстрашно бросались на меч Маркуса и не наносили ему вреда. В какой-то момент рука мечника устала рубить и колоть. Смертоубийственный процесс превратился в рутину.

– Атропа! Атропа! – горло у Маркуса саднило от надрыва.

В дальнем конце коридора растворилась дверь: из неё показался голем. Каменные сочленения трещали и скрипели от напряжения. Кирка в руке послужила ему орудием – оставшиеся сектанты получили неожиданный удар сзади.

– Маркус! – крикнул знакомый голос.

Мечник скомандовал бежать. С третьего этажа добрался-таки Урбан, но ему внезапно преградил дорогу голем.

– Ушел, – декан приказал голему. Голем не воспринял всерьез человека. Тогда декан прочитал заклинание изгнания, но опять ничего не произошло. Голем не атаковал Урбана, но и не растворялся по его воле в Абсолюте. Ему оставалось лишь смотреть, как беглецы входят в покои директора.

Когда троица проникла внутрь, им навстречу подошла Атропа. Её рукав замотан тканью и намок от крови. За спиной стояли Мика и Люба, напуганные и вооруженные подручными средствами. Другие дети, ученики академии, по одному исчезали в соседней комнате.

– Ты жива! – обрадованный Маркус хотел обнять, но понял, что может нанести ей боль.

– А можно мне такую? – Рудольф пальцем показал сначала на рану Атропы, потом на себя.

Атропа рассказала, как встретила нападение на лестнице, как добралась до второго этажа, чтобы спасти своих детей. На пути ей повстречалась Фредерика – вместе им удалось вытащить из комнаты детей и сбежать обратно наверх. От-

сюда Ларс строил оборону, пока его совсем не прижали в собственных покоях.

– Я приказал всем деканам держать оборону и не выходить из донжона, – сказал Ларс.

– Мы видели Урбана. Он не хотел отпускать нас, даже поиграл с нами в снежки... – съехидничал Маркус.

– В каком смысле? Я же правильно понял, что... – нахмурившийся Ларс посмотрел на Брассику. Девушка ответила ему легким кивком. Директор громко, с отчетливым гневом вздохнул.

– Что нам теперь делать? Как отсюда сбежать? – спросил Маркус у директора.

– Фредерика вместе с моим големом отправилась в Башню света, – Ларс раскрыл зелёный ларь. Изнутри ящика лучился свет. – Как только она сделает свою работу, вы немедленно покинете замок и отправитесь в Выш за артефактом.

– Каким ещё артефактом?

– Мы нашли разгадку с порталами. Башни мистического пути работают от древних рун, часть которых успешно расшифрованы. Но тот, кто сделал злодейство с порталами, намерен извлечь некую выгоду из происходящего хаоса. Вы должны остановить его – для этого и нужно раздобыть в библиотеке Выша нужную руну.

– А как же вы? – спросила Брассика.

– Мое место здесь. Сектанты из Тёмной церкви напали на нас, используя скрытый портал. Если бы вы пришли чуть

раньше, хотя бы на день... Впрочем, беды мы не избежали бы в любом случае. Вашей вины в происходящем нет.

Портал находится в Башне света. Вы отправитесь по нему в окрестности Выша. В прошлый раз вы дерзко победили многочисленного врага, напуганного внезапностью. Похоже, что инициатива всё ещё на нашей стороне, раз они решились на ответное нападение.

– Это ответный шаг? – спросил Рудольф, счищая с молота грязь.

– Может быть. Кто-то надеялся на сохранение конспирации, а вы разрушили планы, убив при этом главную прислужницу. Так, берите всё из ларя.

Ларь был необычен тем, что от прикосновения менялся в настроении. То шипел, то бурлил, то светился ярче, будто предсказывал судьбу просителя и давал ему истинно необходимое. Брассика, изрядно поковырявшись, взяла себе зелий, Маркус надел амулет, а Рудольф вытащил необыкновенно крепкие перчатки. Ларс, разглядев выбранные вещи, заметно хмыкнул.

– План у Атропы на руках. Больше информации найти не удалось, но спасибо Албину и на этом.

Женщина кивнула и показала сверток в руках. Она отвела Мику и Любу в соседнюю комнату, а после вышла без них.

– Куда идти? – спросил Маркус.

– Смотрите в зеркало. Как только в нём появится Фредерика – прыгайте внутрь. А я пошел освобождать замок.

Директор повернулся к Брассике, положил руку на её плечо, и сказал с горечью:

– Вы должны понять следующее. Пока мы не закончим это дело, вам предстоит нести бремя порицания. Вы преступница, и никто вам здесь не помощник. Некоторые деканы, возможно, перешли на сторону наших противников, либо планируют это сделать в самое ближайшее время. Чтобы замести следы, я объявлю вас беглянкой, избежавшей гильдейского правосудия. Простите меня. История рассудит правильно.

Брассика, явно опечаленная услышанным, сжала плечики. Её лоб прикоснулся к мантии Ларса. Тронутый чувством близости, директор крепко обнял свою ученицу.

И заплакал.

– Прощайте, – Ларс вихрем выбежал в коридор, где его уже ждал каменный голем.

Маркус и Рудольф подошли к зеркалу. На вид оно было вполне обычным – стеклянные квадраты, ромбы и треугольники в свинцовом обрамлении создавали прямоугольное вертикальное полотно. Мужчины видели свое отражение. Ничего не происходило.

– И? – уставший ждать Маркус принялся тыкать пальцем в зеркало.

– Не балуй, вдруг сломаешь колдовской предмет? – предупредил его Рудольф.

– Ну что там? – спросила Брассика. – Почему так долго?

– Ты ещё спрашиваешь. Это же твоя учительница. Сходи, спроси у неё, чего она так медлит.

Прошло ещё несколько бесконечных минут, прежде чем зеркало изменило отражение. В нём показалась совсем другая комната: стена из белого камня, деревянные столы, на которых стояли различные стекла в оправе. Показалась рыжая женщина.

Металлическое обрамление зеркала растеклось и исчезло. Зеркало принялось пульсировать. Фредерика, вся испачканная, показывала знаки: «Сюда!»

– Кто первый? – сказал засомневавшийся Маркус.

Брассика молча прыгнула сквозь зеркало. Она сразу оказалась в отражении зеркала, стоя рядом с Фредерикой. Следом за ней прыгнула Атропа, а после неё Рудольф. Маркус медленно вошел последним.

– Мне приказано отправить вас через портал, – сказала Фредерика. Удивительно, но среди множества трупов – как врагов, так и коллег, – эта женщина говорила всё с тем же тоном учительского назидания, только добавились нотки болезненной усталости.

Брассике она передала рукой, помеченной тяжелым ожогом, старую облезлую книгу.

– Потом всё поймете, леди. Должна сказать, что я не поддерживаю идею директора. Вы всего лишь ученица. Это не ваше дело – сражаться со столь могущественными врагами. Но я человек исполнительный и верный Ларсу. Желаю вам

всем удачи. А теперь прыгайте в портал, пока сюда не ворвались сектанты.

Перед самым прыжком, Маркус повернулся к двери, где стояла наготове Фредерика. Баррикадное нагромождение шкафов сотрясилось от ударов вне комнаты. Она тоже повернулась, на её обожженном лице показалась сердечно принятое сожаление.

– Я забыла сказать – остерегайтесь Албина!

В прилеске находилась тонкая хибара. Внутри неё нагромождались тюки с давно заплесневевшим зерном, а на столах битая глиняная посуда лежала несносными черепками. Идут годы, природа возвращает естество в местах, где некогда владычил людской род.

Маркус заострил меч найденным брусом точильного камня. Наверное, здесь когда-то стоял хутор с самостоятельной крестьянской семьей. В семье было шестеро или семеро, они жгли и выкорчевывали лес, отбирали у него право на спокойную жизнь ради права хорошо жить самим. Крестьянский люд вспахивал и засеивал землю, богато впитавшую золу, радовался крепкому урожаю и праздновал его. И так каждый год, пока не пришла гоблинская чума.

Теперь от людей осталась только эта хибара. Как она ещё не сгорела от лап гоблинов, не была ограблена и разрушена?

Перемещение через портал удалось сделать без лишних приключений. Как и сказала Фредерика, их выбросило на

рассвете в небольшую пещеру, воющую ветром и сырую ноябрьским дождем. Внутри имелся примитивный алтарь, вероятно сделанный гоблинами, множество масляных свеч горели тусклым зелёным светом. Маркус поспешил вывести их оттуда на свежий воздух.

День они провели в дозоре. Атропа, как лучшая из всех лазутчица, постоянно приносила вести с полей, Маркус всё записывал на карте, стараясь понять, каково их положение в тылу врага. Он также подозревал, что у остроухих есть некий дар сокрытия в тени, что Атропе легко растворяться меж деревьев и кустов, но прямо спросить об этом у неё было совестливо.

Поскольку съестных запасов взять с собой не удалось, Рудольфу, как не слишком приспособленному к разведке, пришлось заняться поисками еды. По его словам, местность под воздействием гоблинского нашествия или иных неведомых сил обеднела на живность. Раньше в реках плескалась рыба, а в лесах водились косули и олени. Рудольф долго мучился, бродя по прилеску, однако собрать удалось лишь горсть мелких бледно-розовых ягод и полудохлого зайца. Весь измазавшийся, он освежевал его на глазах у Брассики, сидевшей в хибаре вместе с Маркусом.

Брассика долго смотрела, как перед ней разделявают тушку, затем громко фыркнула и вышла на улицу. Маркус пошел за ней.

– Ну готовить же нужно, Брас, что ты как маленькая, –

сказал он, глядя на скривившееся лицо девушки.

– Да понимаю. Но вид потрохов не дает сосредоточиться на книге.

– Тебе удалось выяснить, что в ней полезного?

– Я ищу подсказки или шифр от Фредерики или Ларса.

Пока не нашла.

– Сплошная абракадабра на страницах? Я ваши формулы читать не умею, если что.

Брассика засмеялась.

– Там нет абракадабры. Это трактат школы алхимии.

– Они перепутали книгу? Дали не ту?

– Похоже, дали именно ту.

– Так зачем тебе алхимия в походе?

– А зачем нам артефакт рунического типа из библиотеки Выша, который ещё стоит разыскать в руинах города?

Маркус задумался. События развивались слишком быстро. Их в спешке выбросили из Эйны в неизвестные дебри, без припасов и четкого плана. У Брассики против Королевы гоблинов имелся хотя бы авантюрный план. Но он был! А сейчас им дали подсказку в виде рисунка, несколько странных вещей из волшебного ларя и пожелали удачи в виде пинка под зад.

Раньше он беспокоился за Брассику, наивную ученицу из гильдии магов. Но девушка на его глазах превращалась в храброго человека, способного не только говорить о деле, но и претворять это самое дело в жизнь. И ему это нравилось

– так ведут себя простые люди, не усложнившие себя ношением белых мантий перед простолюдинами. Где-то в глубине души показалось, что ему не претит служить ей так, как она сама того хотела. Брассика же перестала называть всех своими слугами.

К приключению у неё зародился азартный дух и жажда первооткрывательницы.

Что до Атропы, то она никогда не вызывала в нём беспокойства. Чудная простачка, она нравилась ему во всем и не вызывала чувства чуждого. Эта остроухая не гнушалась ни грязной работенки, ни боя с врагом. С такой и черта повалить можно, подумал он.

Но страшно было за Рудольфа. Друг заверил, будто отрекся от демона, перестал прислуживать злу. Но как это проверить?

Из кривых сосен показалась фигура: словно тень она выползла на заросшую поляну. Маркус взялся за эфес меча. Образ, блестящий от плаща, воплощался всё четче, рука энергично махнула.

– Старый дурень решил нас сдать с поличным? – Кивком головы Атропа указала на дымоход. От хибары шел тонкий серый дым. – И что прикажешь сделать с ним?

– У нас совсем нет припасов. Дай ему приготовить, и мы отправимся в Выш сразу же. Тебе удалось разведать что-нибудь ещё?

– О да. Знакомые места, сто лет в них не бывала! Брасси-

ка, подай-ка карту.

Атропа взглянула на разложенный лист. «Как плохо вы всё-таки представляете природу», отметила она, цокая языком. На карте замелькали точки, стрелки и указатели.

– Мы оказались восточнее Выша. За нами стоит штольня. Южнее находится дорога в Данар. Пока что там тихо, ни души. Похоже, что Валук повел свою орду через рудники Сонных холмов. Ещё видела разрозненные отряды в лесах. Выглядят людишки плоховатенько, все из землепашцев. Поют песни, не бдеют, идут как на праздник. Их отправили на верную гибель. Валуку совсем не жаль своих подданных?

– А что у самого Выша? Ты что-нибудь видела?

– Гоблины окопались и ждут штурма. Люди Валука расставили большие деревянные механизмы, которые скрипят и мечут камни. Ребятунки, вот что я скажу: мы не пройдем мимо них невидимкой. Так что придумывайте что-нибудь своей умной головенкой.

Идей было совсем немного. Либо смешаться среди наемников и ополченцев Валука, притворившись своими, либо идти через древнюю клоаку. По ней можно добраться хоть до центральной площади – без посторонних глаз и лишнего шума. Если тоннель ещё не завалило.

Из хибары вышел Рудольф с зажаренным кроликом: «Всё готово! Идем трапезничать». На его лице сияла улыбка.

– Рудольф, друг ты мой, собери всю еду. Мы выдвигаемся сейчас же.

– Уже придумал план? – спросила Атропа.

– Рискнем пройти через канализацию. Я с Рудольфом часто в ней бывал, когда культистов Тёмной церкви объявили вне закона.

– Маркус хорошую идею предложил. Он там все проходы знает, ещё ребёнком прятался от родителей. Но неужели надо идти прямо сейчас? А как же покушать? – огорчился священник.

Атропа погрозила пальцем.

– Ты надымил своим костром – вся округа знает, что мы тут. Уплетём твоего кролика в дороге.

– Друзья... – начал говорить Маркус. Ему показалось: пора произнести добрую речь. Но он осекся, посмотрев на девушку. Удивительное шествие истории началось с неё, так пусть её бледные тонкие руки поднимут знамя. – Хотя, знаете, Брассика пусть скажет всё, что нужно перед тем, как мы отправимся. путь.

Брассика удивленно уставилась на него. Она ткнула в себя пальцем: «А точно я?» Маркус кивнул ей, и тогда она неуверенно заговорила.

– Буду говорить честно. Из-за меня вы попали в этот страшный круговорот. Кто-то пошел за мной ради денег, кто-то ради своей свободы, а кто-то по мановению нежных чувств. Всё спонтанно, но история велит нам быть смелыми. Наверное, в жизни так и бывает – большие события стремительны. Вы мне больше не слуги, – на этих словах Брассика

сделала особый акцент. – Я хочу сказать, что вы для меня открыли мир в другом цвете. Вы для меня друзья. И я желаю отправиться с друзьями в бой.

Атропа, держа руки на боках, довольно заулыбалась. Маркус почувствовал приятное тепло в груди.

– Не ждите от меня обещаний, якобы сможем точно так же, как в прошлый раз, прогуляться за вещицей и победить всех врагов. У нас только одно преимущество – никто не знает, что мы тут. Никто не ведаёт, с какой миссией мы пришли. Валук хочет того же, подозреваю. Его следует опередить. Если быстро проникнем и заберем нужную руну, то победа будет за нами. Я правильно поняла Маркуса, что мы можем пробраться через старую канализацию? Благоразумно проникнуть под землёй, пока Валук дерётся с гоблинами.

– А как же твое желание добыть какое-то знание из библиотеки? – напомнил Маркус.

Брассика отрицательно закивала.

– В другой раз. Все личные устремления отойдут пока на второй план. Итак, за Выш? За мир в королевстве?

– Ура! – Воскликнули все. Маркус и Рудольф извлекли из ножен мечи – наконечники взмыли в небо, демонстрируя готовность сражаться.

Глава 14. Часть I

Какая тихая ночь. Как пахнет в холодной ночи железом и копотью.

Старая канализация находилась под самым боком у осадного лагеря, расположенного на юге от Выша. Прокрасться незаметно – задача не из легких. Рудольф следил за огненными звездами, летящими из лагеря Валука в сторону руин Выша. Шары, охваченные пламенем, взрывались при падении, на их месте возникали всепожирающие очаги с рыжими языками. Гоблины на штурм отвечали слабо: то вслепую пускали зажженные стрелы, то бросали небольшие огненные ступки в неаккуратно приблизившихся к крепостному валу. Оставшиеся со времен крушения города стены ещё держали натиск, но люди Валука были настроены серьезно.

Нет никаких сомнений в том, что Валука хочет присвоить себе земли Выша. Из речей крестьян, что были подслушаны Атропой в разведке, теперь принято именовать его самым что ни на есть настоящим князем. Князем! Да какой он князь? Он же хуже простолюдина! А ведь когда-то этот человек был рядовым шолоном. Постепенно собрав в себе колоссальную власть и нацепив титулы протектора и верховного наместника, Валука принялся верховодить чужими судьбами и имуществом по своему велению.

Пустое создание, вынужденное питаться чужими идеями

и желаниями. Зараза глупости. Раб мелких прихотей, серая серость, быдло, страдающее обывательщиной. Валук-самозванец, Валук-нечестивец, ищущий способы урвать побольше власти и богатства. Сейчас он самоуверенно назвался князем. Что будет потом? Пойдет устраиваться в короли?

Рудольф не хотел даже представлять, какой из Валука выйдет король. Нечестивец, да ещё с недалеким умом. Опасная комбинация. Он понимал, что церковь не поддержит его опасений и предупреждений – братия побоится выступить против облеченных столь большой властью, а может, некоторые иерархи втайне заинтересованы в новом правителе... Неспроста же его так поспешно отлучили от церковного общения.

Как же необычно! Гильдия магов Эйны по удачному совпадению подверглась сокрушительной атаке. В самый нужный момент, когда только маги смогли бы убедить остальных в необходимости бороться и с гоблинами, и с узурпатором Валуком. Кто бы ещё так хотел падения магов Эйны? Сможет ли Ларс после этого восстановить гильдию?

Как бы то ни было, Рудольф ощущал острое чувство несправедливости, поистине пламенное желание побороть лжеца, покусившегося на самые святые основания королевства. Он не считал себя стратегом, но находил нужным дать бой нечестивцу именно в Выше. Если Выш будет захвачен, то всему королевству придёт конец.

Валук пришел с мечом в город, там же следует его и оста-

новить. С падением бездарной выскочки справедливость сделает шаг навстречу народу. Рудольф ощущал от всех этих мыслей неистовый прилив гнева, стремление действовать преодолевало его страх перед могущественным противником; иногда казалось, что злость подпитывалась чем-то извне, но разуму не приходила никакая догадка.

Катапульты продолжали обстреливать окопавшихся гоблинов. В момент, когда сопротивление на стенах иссякнет, металлические и кольчужные массы пойдут штурмом. Успеть бы до них... Объясниться перед ними, почему они оказались в лагере гоблинов, будет очень сложно.

Рудольф лежал на холодной земле, а рядом с ним Маркус. Он обернулся: Атропа уже сняла повязку и точила лезвие у топора, извлеченной из волшебного ящика Ларса.

«Только безрассудным героям позволено победить в этой страшной битве беспомощного добра против всесильного зла, – подумал Рудольф. – Господи, взываю тебя и укрепи мою веру. Будь со мной, ибо мне сейчас плохо»

– Я тут. И как же вы проникнете внутрь? – спросил Он.

Рудольф испугался, что кто-нибудь заметил его вздрагивающий испуг. Священник смолчал и никак не отреагировал. Тогда Он задал вопрос ещё раз.

– Как неожиданно ты решил вернуться ко мне. Зачем? – вопросы у Него звучали гулко, словно внутри головы стоял пустой колодезь. – После всего, что наговорил мне там, в мерзком городе. Разве к господину так относятся? С таким

неуважением?

– Но я не хотел возвращаться к тебе, ты, дьявольское отродие.

– Хм.

Священник и правда не желал слышать Его голоса. Когда Рудольф потерялся в толпе, когда Атропа внезапно растворилась в массе сквернословящих ртов, когда с ратуши Эйны кричали непристойные громкие речи, в этот момент Он вернулся. Душераздирающая боль поразила его тело. Рудольф бился об стоящих в толпе мужчин и женщин, а они за это отвечали ему колкими локтями и пинками. Ноги несли Рудольфа в темные улочки, зажатые пространства с запахами нечистот, а также лаванды и чеснока – их развесили повсюду, чтобы спрятать миазмы дурной гнили.

Он внушал ему, что вся людская культура сплошь лживая, и что Рудольф тоже лживый и лицемерный, раз отверг от себя Его.

Камни под рухнувшим наземь Рудольфом были мерзлы, мокры и нечисты. Кто-то мимо проходящий пнул его в бок, обозвав пьяной свиньей. Встать не удавалось, так как голова и сердце горели адским пламенем. Тогда Рудольф попробовал успокоиться, и это дало результат: сначала окоченевшие руки, затем ноги отпустило. В тело вернулся порядок.

Шатающийся по улочкам Рудольф пытался выяснить, что с ним произошло. Был ли его припадок мстью Дрекаваца за непослушание? Или же наказание исходило от добрых богов,

рассердившихся за поклонение ложным идолам?

Помутнение рассудка окончилось, когда ноги привели его, мятежного, испачканного и разбитого, к воротам замка гильдии магов. Глядя на эти величественные своды и башни, туман дурмана развеялся сам собой. Дрекавац замолчал, пока они не оказались в самой близости к Вышу.

А что, подумал Рудольф, если любимый город, и без того оскверненный войной, междоусобицей и варварами, проклят высшими силами? Вдруг это знак? Может, и не нужно освобождать свою родину от чужеземцев, забыть, зажить новой жизнью в других местах, найтись в маленьком городке королевства. Или отправиться в паломники к чудным племенам и народам...

– Рудольф? – голос Маркуса звучал озабочено.

Священник обнаружил, что все уже поднялись и готовы отправиться. Один он лежал одиноко, прячась кустом.

– Засмотрелся на зрелище.

– Соберись, мой друг, – сказал Маркус.

– Нам повезло, что светит большая луна. Всё как на ладони. Вы уже готовы?

– Да. Брассика, а ты?

– Готова, – ответила девушка, изрядно расчесывая спину.

– Что с тобой? У тебя болячка?

– Да нет, не может быть. Сейчас пройдет.

– А ведь правда, какая чистая луна, – заметила Атропа, . – Знаете, если мы чистые сердцем, то нам никакое зло

не страшно.

«Жаль только, что мое сердце до сих пор не очистилось», – горько подумал он, поднявшись с земли.

Глупо было не ждать засады у самого входа.

Ещё не добравшись до металлической решетки, перекрывающей проход в длинную и разветвленную канализацию города, они почувствовали присутствие чужаков. Пятеро или шестеро, не исключая возможной подмоги где-нибудь поблизости, быстро и уверенно их окружили. Кто-то зажег факел, стали видны лица.

Данарцы, ну конечно же. Упитанные рыцари, осмотрев четверку, отнеслись к попавшим в засаду с заметным сарказмом. Сверху над округлым входом тряслась земля от ударов катапульта.

– Так-так, кто же тут у нас? Бездомные или воришки? – спросил самый толстый. Двуручный меч его был в ножнах, но рука в латах аккуратно лежала на эфесе.

– Лазутчики гоблинов. Продались за золото, безродные твари, – смачно сплюнув под ноги, некто с арбалетом подошел к Брассике, схватил за шею и принялся её осматривать, как скотину на крестьянском базаре. Ещё трое лучников направили на остальных свои острые стрелы.

Арбалетчик дергал девушку за одежду, шупал и пытался проникнуть во внутренние карманы её куртки. В какой-то момент обыск стал слишком неприличным. Сердце Рудоль-

фа затрепыхало от стыда.

С подвязки упала книжка Фредерики. Она раскрылась, показались какие-то странички.

– Вы ещё и колдуны? Вы знаете, что колдуны и маги заодно с этими нелюдями? – спросил толстый рыцарь. В его руках книжка жалобно захрустела.

– Так поступать нельзя. Мы хорошие люди, и вы не из черни, чтобы так обращаться с пленниками, – сказал Рудольф дрожащим голосом.

– Как поступать нельзя? – удивился арбалетчик. – Вот так?

С этим вопросом он резким ударом в живот заставил Брассику согнуться; короткие волосы девушки оказались в кулаке обидчика. Она закричала.

– Что хотим, то и делаем. Помолчи, старикан, – подтвердил начинание арбалетчика толстый рыцарь.

Такого с Рудольфом не было никогда. Заповеди запрещали даже смотреть с похотью на женщин, а уж на юных девиц тем более. Но с самого начала знакомства душа у Рудольфа пылала болезненным вожделием. Он знал, что это неправильно, знал, что прошлое не должно красть время у будущего, знал, как трепетна юность и какой горделивой и статной должна быть седая преклонность. Два мира могут сосуществовать, но не подчиняться один другому.

Впервые до Рудольфа дошла крайне скверная мысль. Его вожделие может оказаться плодом обмана, внешнего дур-

мана. Но мысль была отогнана подальше: перчатки вспыхнули, придали ускорение и без того разогнанному с помощью взмаха серебряному молоту. Набалдашник прицелился в грудь арбалетчику – таран металла, мышечной энергии и колдовских чар от перчаток не оставили шанса ни панцирному доспеху, ни кольчуге, ни ребрам обидчика.

Звон и хруст прозвучал настолько мерзко, что поначалу данарские рыцари в ужасе онемели.

– Дурак! – воскликнул Маркус. – Старый дурак ты!

Острие янтарного меча поразило толстого рыцаря. Латы пробило с легкостью, как если бы резали ножом масло. Атропа метнула топор в одного лучника позади, и тут же бросилась наружу: вслед ей метнулись две стрелы.

Оставшихся добила Рудольф и Маркус.

– Что ты делаешь? Ну зачем это нужно было делать? – крикнул мечник.

– Это само произошло, – виновато произнес Рудольф.

Он правда не знал, как такое случилось.

– Само произошло, – кривляясь повторил Маркус. – Разве можно так поступать с рыцарями? Мы должны же соблюдать рыцарскую честь. У нас она имеется!

– Я из другого сословия. И они наши враги. Ты забыл слова Часлава и Добромира? Эти люди уже присваивают земли Выша, ходят в нем по-хозяйски, словно нас никогда здесь не было.

– Это не повод быть вероломным.

Внезапно на стороне Рудольфа оказалась Брассика.

– Ты зря взбеленился, Маркус. Спасибо, отец Рудольф, что оберегли меня от этого уroda, – она пнула тело рыцаря с разбитым доспехом.

Атропа крадучи вернулась.

– Я ещё никогда так не бегала! Братцы и сестренки, а пойдемте-ка вперед, бодрым шагом, и побыстрее, пока не схватили очередные враждебные друзья.

Сквозь тьму бесконечного тоннеля четверо пробирались к главным улицам Выша, где когда-то стоял Великий магический депозитарий. Пыль и песок периодически сыпались на головы – обстрел катапультами не прекращался ни на минуту. Из тонких щелей ливневых стоков падал лунный свет, слышалась гоблинская брань.

Изредка они останавливались, чтобы осмотреться и найти нужную дорогу. Брассика скрытно почесывала плечи.

– Что там у тебя? – Рудольф был искренне удивлен странному поведению девушки.

– Да я сама не знаю.

– Может, стоит осмотреть?

Девушка в ужасе покосилась на священника. Рудольф и сам опешил, ускорил шаг, чтобы больше не пересекаться взглядом с Брассикой.

Стены, сложенные из белого камня, выглядели уныло. Из некоторых трещин сочилась вода. Долгое время путь был

уныл и спокоен.

Внезапно Маркус, шедший впереди, споткнулся об труп человека.

– Brass, хотелось бы света! – громко шепнул он. – Маги умеют творить чудеса?

Уста девушки произнесли что-то короткое и незамысловатое, больше похожее на древнюю речь остроухих: объявился болотный огонек, бледно-голубой и слабо освещающий пространство.

– А можно было его в самом начале изобрести? – возмутилась Атропа.

На что пожавшая плечами Brassика ответила: «Не просили и не спрашивали».

– Сама бы уж додумалась, – проворчал мечник.

Маркус осмотрел лежащие тела. Рудольфа же привлек едкий запах, как в старой алхимической лавке. Труп поверженного чудовища смердел и быстро разлагался.

– Ядозуб! – в удивлении воскликнул он.

Тела остальных были в сильных ожогах. Судя по характерным шлемам, они были из верных слуг Валука. Синие метки указывали на рукоположение от наместника – Валук всегда хотел выделиться на фоне прочих.

– Как они здесь оказались? – спросил Рудольф.

– Ядозубы? Ну, наверное, гоблины выращивают их в подземельях, – острием меча Маркус поддел спинные плавники чудовища. – Те же шаманы гоблинов содержат их как сторо-

жевых псов.

– Нет, я про дружину Валука.

Маркус недовольно хмыкнул. Озабоченный вид наблюдался и на лице Брассики. Она облокотилась на стену тоннеля и тихонько ерзала. Атропа старательно принюхивалась, пытаясь что-то обнаружить сквозь запахи гниения и давно разошедшихся на дне канализации отбросов.

– Я тут представил на минуту. А что, если штурм – это уловка? – задался вопросом Маркус. – И нас завели сюда ради большой игры? Пока все в погоне за зайцем, самый ушлый берет главный приз.

– Большой игры? – повторила Брассика.

– Ох уж эти ваши словечки, «большая игра», «уловка», «самый ушлый», – Атропа недовольно пнула ядозуба. Видимо, ей совсем не нравилось быть пешкой в чужих руках.

– Да, большая игра. Штурм Выша – только заманительное упражнение. Что, если Валука самолично преследует какую-то цель, о которой мы не знаем?

– Что ещё может интересовать этого человека? Ну власти побольше, денег побольше, рабов и земель ещё. Он не хочет быть равным остальным, – ответил Рудольф. – А он знает что-нибудь про вот этот артефакт, за которым мы погнались?

– Нет. Наверно. Я не знаю, – Брассика сама засомневалась. – Но назад дороги нет.

– Так никто не призывает возвращаться...

– Как мы вообще согласились на поиск вещицы с непо-

нятным предназначением? – спросила Атропа.

– У меня есть догадка, Атропа, для чего эта вещица нужна. Но я не хочу её оглашать, потому что не уверена в правдивости.

Болотный огонек витал в затхлом воздухе.

Мечник отошел от тел рыцарей.

– Зачем Валук решился на захват Выша именно сейчас, а не раньше и не позже? Кто ему придал толчок?

– Ты додумываешь, рыжик.

– Твои учителя в гильдии магов так не считали. Впрочем...

Маркус решил прервать дальнейший разговор. Он отправился вперёд; у Рудольфа по телу ползли мурашки, стены стали зажимать его, ноги самостоятельно повели дальше за другом. Брассике и Атропе не оставалось ничего, кроме как последовать примеру Маркуса.

Путь в тоннеле оборвался внезапно. Огромная темная расщелина показалась перед ними, словно Выш поразило сильное землетрясение, и часть города поглотило подземное царство. Пролом уходил глубоко вниз. Лунный свет с ночного неба озарял утонувшие в провале дома, замковые башни и округлую цитадель в самом низу. Там же виднелись огоньки факелов.

– Посмотрите, кто-то проделал лестницу вниз, – сказала Брассика. – Мы можем спуститься и проникнуть в библио-

теку. Если что-то уцелело в этой свалке, конечно.

– Страшненько, – заметил Рудольф.

Ему не по душе было спускаться у гоблинов на виду.

– Мы будем под прямым обстрелом, Брассика. Ты уверена в необходимости пойти именно таким путем? – Маркусу тоже не льстило превратиться в мишень.

– На поиск обходного пути уйдет слишком много времени. Я предлагаю рискнуть, – она подняла голову, прислушиваясь к ночной осаде. – Вы заметили? Прекратили обстрел.

Атропа резко обернулась: «Тут кто-то есть».

Шорох приближался к ним, но в тени не разглядеть, кто перед тобой – друг или враг. Тогда Брассика выпустила ещё один болотный огонек в тоннель. Увиденное заставило её вскрикнуть.

Сразу три ядозуба двигались в их сторону. В два метра высотой, стоящие на двух конечностях и сильно сгибающиеся в спине, с тощими ящеровидными мордами, они шипели и уверенно двигались вперёд.

Один из них брызнул из спинных спиц в Брассику, окатив её сапоги.

– Ой кошмар! – закричала девушка, прыгая в ужасе от кислоты. Маркус потянул остальных вниз.

– Живо, бегом! – проорал он, толкая Рудольфа вниз; священник потянул за собой Атропу.

Ядозубы преследовали их, скрипя когтями на лапах об каменный пол и неточно метая в людей едкую смесь. Брассика

шла позади, изредка поворачивалась, чтобы пустить костяное копье в чудовищ.

Наконец, первый из них истощил свое здоровье от ран, споткнулся и повалился в ущелье. Следующий за ним ядозуб как бы в отместку мгновенно метнул яд в грудь девушки.

Она попыталась закричать, но её голос резко заглушил Маркус своей рукой: «Нельзя, чтобы нас услышали».

– Погоди-ка, – шепнула Брассика. – Кажется, я поняла: на меня не действует яд.

– Да ты отравилась уже. Бегом вниз!

– Я поняла! Поняла!

Брассика оттолкнулась от объятий Маркуса. Ядозуб прицелился и выбросил очередную струю едкой жижи. Брызгами задело всё тело девушки. Ни следа ожогов, ни проявления боли.

Рудольф немо наблюдал за двоицей, боясь потерять и друга, и субъект своей страсти. Но у девушки внезапно, прямо из-под куртки, выросли два кожаных крыла.

– О боги, – пролепетал Маркус, в страхе прижавшись к выдолбленной стене.

– Что происходит? Брассика? Ты чудовище?! – воскликнул Рудольф. За ним Атропа опасливо заглянула через плечо, пытаясь узнать, что происходит.

Крылья хлопнули, расправившись полностью. Не такие большие, всего в полтора локтя, но страшные, как у древней рептилии.

Брассика взяла жезл с головой рубиновой змеи и неритмично произнесла длинную фразу. Обычно все её заклятья имели ладное звучание, но это получилось скомканным. Сказанное материализовалось: из клыкастой головы брызнул поток зелёной гадости, светящейся и шипящей.

Ядозуб, видимо, не был готов к встречной атаке ядом – его обожгло целиком, а спинные железы вспыхнули огнём, как свечи; он упал на ступени и загорелся целиком. Третий ядозуб, последний из оставшихся, то ли испугался, то ли ощутил непобедимость врага, но решил вернуться назад.

Всё затихло. Снизу и сверху не наблюдались посторонние движения.

– Что ты такое?! – голос Маркуса звучал дрожью.

– Я Брассика из Эйны, – заулыбалась девушка. Крылья за её спиной ритмично шевелились. – Забыл, чудик?

Рудольф яростно взмолился.

Глава 14. Часть II

В самом низу цитадели находилась стража из еретиков Тёмной церкви. Они поначалу не придали особого значения приближающимся – шедшие впереди вели себя спокойно, будто свои.

– Да прибудет с вами Дрекавац! – приветствовал один из них.

В ответ им прилетели капли яда. Обоих настиг мгновенный паралич. Всё остальное довершили Маркус и Рудольф.

– И эти братцы тут, – удивилась Атропа.

– Никакие они нам не братцы, – воспротивилась Брассика. Её крылья, аккуратно сложенные, слегка покачивались в такт её дыханию. Жезл змеи всё больше наполнялся отравляющим зелёным светом. – Мы даже не знаем, как обстоят дела у моих друзей в Эйне. Может, эти нелюди уже всех перебили? Таких можно не жалеть.

«От воинственности до бесчеловечности – один шаг, не больше», подумал Рудольф.

– Сейчас не время для печали, – отрезал Маркус. – Папаша, как ты? Опять притих. Уж не он самый на тебя давит?

Рудольф сказал, что с ним всё в порядке, но лицо выдавало в нём плохо спрятанный страх. Его старческие руки тряслись.

Священник знал о магическом морфинге: долгое познание закрытых (или все-таки запрещенных?) искусств при-

водит к изменению не только состояния головы, но и тела. Человеческое существо подвержено тлетворным влияниям извне. Церковь всегда требовала соответствующего отношения к магическим новшествам – такие вещи считались безбожными и нарушающими заветы добрых богов. Священники никогда не пускали в божий дом представителей магической гильдии, у которых явственно обнаруживалась чужеродная инаковость от остальных прихожан.

У мага мог вырасти рог, например. Или крылья, как это случилось у Брассики. Или шипы на руках. У кого-то из спины росли диковинные ветви, а кому-то вместо ног доставался левитатор...

Некоторые пытались смягчить догматику. Искали в морфинге знак божьей милости или избранности. Но иерархи остались непреклонными – человеческое создание незыблемое от возникновения, заключенное раз и навсегда в один и тот же органический обряд, так велели боги – жители Абсолюта.

Рудольфа страсть обрела крылья. Как отвратительно. Юное тело, полное очарования, разошлось в змеиной природной дерзости. Да, это именно дерзость. Дерзновение богам. Сердце священника стучало быстро: «Что же, кому теперь служить, кого любить и ненавидеть? Кто добр к людям, а кто зол? Я запутался, я страшно запутался, я не понимаю, древние законы попораны, а новых просто нет!»

– Рудольф, нам пора идти, – Маркус пригласил внутрь.

«Иду, иду я, – кивком ответил ему Рудольф, а сам задумался. – Но в правильном ли направлении? Не запретна ли моя любовь к этой деве? Не запретна ли она сама? Она – чудовище? Или я чудовище, посягнув на верность демону? Господи, почему же ты не бросишь теплый луч на мое уродство?»

Внутренне цитадель выглядела гораздо лучше, чем снаружи. Под лунным светом внешний ансамбль магической башни был испещрен глубокими трещинами, развалами кладки и побитыми оконцами; изнутри всё выглядело более чем целым, но только наклоненным вбок. Крен был небольшой, но в некоторых местах приходилось опираться об что-нибудь.

Своды казались крепкими, в коридорах тлели факелы, изредка сверкали ночные кристаллы, прямо как в академии магии. Множество лестниц вели на самый верх. Каждый этаж наполнен древнейшими свитками в каменных ячейках, но ничего кроме пергамента на глаза не попадалось.

Если замок магов Эйны поражал своей статностью и гордостью, то провалившаяся башня в Выше как будто бы скромно напоминала о необходимости умерить пыл, когда в твоих руках сосредоточена всеокрушающая мощь.

Четверо старались быть осторожными: скрытность поможет не привлечь грозного врага. Рудольф заметил, что всюду лежали брошенными кирки и лопаты, тачки и лампы-налобники из свинных свечей. Видимо, копали с нескольких сторон, чтобы добраться до депозитария.

Стражу расставили по-глупому: она была рассредоточено редко, как правило по одному на коридор; все до единого еретики. Действовать приходилось жестко: Брассика парализовала ядом еретика, а Маркус убивал быстрым ударом. Атропа следила ушами, ощущая близкое присутствие живого, и выдавала направление.

Двигаясь малым шагом вверх, четверо пробовали найти хоть какой-нибудь знак или подсказку. Поиски казались безнадежными, но никто не говорил об этом прямо; Рудольф старался поддерживать тихим напутствующим словом, в которое сам не верил, но ему изредка мерещилось, что это не он говорит, а кто-то другой, кто-то вторгающийся в чертоги его разума. Дрекавац ли это? Или наконец-то услышали добрые боги его мольбу о помощи?

– Посмотри ещё раз на листок, – Атропа указала Брассике на сверток, который передал ей директор Ларс.

– Ну что ты хочешь там увидеть?

– Не я, а ты. Тебе виднее, что в ваших потемках творилось!

– Тише вы, – пригрозил Маркус.

Он пытался выяснить, кто наверху.

– Друг мой, мне мерещится? – спросил Маркус у Рудольфа. – Скажи мне, что у меня помутнение рассудка.

Священник взглянул на верхний балкон. У окончания винтовой лестницы стояли гоблинши-амазонки.

– Неужели они заодно? – прошептал в страхе Рудольф.

– Не знаю. Похоже, что так.

– Как люди могут соединяться в союзе с отродьем, с настоящим злом? Разве еретики не могли заметить, как наверху сидят гоблины?

– Могут. Могут, и ещё как, дражайший вы наш отец, – рыцарь многозначительно взглянул на священника. Рудольф испытал стыд, прочитав во взгляде порицание собственных поступков.

К ним подкралась Брассика.

– Мне кажется, что этот рисунок – схема башни сверху, а не какой-нибудь рунический артефакт.

– Матушка-природа, помоги нам, – затрепетала Атропа сзади.

– Брас, где хранили самое ценное маги Выша? – спросил Маркус.

– Ну а мне откуда знать? Только их собственная коллегия имела право посещать Великий депозитарий.

– А ты подумай, где бы могли хранить здесь. Потому что я вижу пока стеллажи с трухлявыми свитками, а чтобы камни драгоценные – ни одного.

– Я назову очевидные вещи, но либо внизу, в подвале, либо на самом верху, – предположила Брассика.

– Значит, ползем на самый верх? – Маркус обернулся, чтобы увидеть согласие остальных.

Рудольф заметил, как кивнула Атропа и Брассика. Мечник сделал приглашающий жест девушке: «Пора колдовать».

Брассика поднялась выше. Она приготовилась пустить каплю парализующего яда, но жезл предательски сверкнул змеиным глазом, и гоблинши-амазонки тут же двинулись к ней навстречу.

Тогда Брассика решила атаковать открыто. Две шипящие капли полетели навстречу существам. Попав в одну из гоблинш, субстанция стекла с туловища.

– Как с гуся вода! – воскликнула Атропа. – Мальчики, а не пора ли помочь принцессе, – трактирщица крепкими ручками толкнула вперед Маркуса с Рудольфом.

Заметив приближающуюся подмогу, гоблинши призвали на помощь демона из Абсолюта. Огненное создание из пепла, металла и серного дыма немедленно отправилось к Маркусу. Палица треснулась об янтарный меч, высеклась искра, начался бой.

Брассика яростно метала костяные копья, но амазонки уверенно пресекали любые попытки поразить их крепкие, полные мышц тела. Рудольф пытался разбить призванного демона, но тот лишь отбивался от его выпадов; наконец, когда серебряная булава пробила нагрудник у демона, призванное существо в гневе пнуло копытом священника. Рудольфа бросило на пол.

Он заметил, как юрко взбиралась по ступеням Атропа с двумя топорами наперевес. Трактирщица ввязалась в бой с амазонками, колотя их одновременно и не давая ни секунды покоя. Брассика сконцентрировала свои чувства и пустила

один большой череп в гоблиншу. Опыт и сноровка сделали свое – череп влетел в пространство между шлемом и нагрудным доспехом, взорвался и поджег гоблиншу.

Она захотела поднять вой, но тут же Атропа зарубила её двумя топорами. Вторую гоблиншу трактирщица ослабила подсечкой – грузное тело соскользнуло и полетело вниз.

– Изыйди! – скомандовала Брассика демону. Существо продолжило атаковать Маркуса.

Тогда Брассика повторила вновь. Демон попытался в последний раз поразить горящей палицей мечника, прежде чем насовсем растворился в Абсолюте.

– Все живы? – спросила задыхающаяся Атропа.

Рудольф поднялся самостоятельно и помог Маркусу. Вместе подойдя к черной каменной двери, они толкнули её вовнутрь.

Дверь неохотно поддалась. Четверо прошли в малое пространство, освещенное тонкими свечами. Стены задрапированы тканью, по обе стороны имелась винтовая лестница, а по центру находился сокрытый плотными шторами проход.

Маркус ткнул пальцем в левую лестницу.

Оказавшаяся комната была обставлена камнями, амулетами и свитками. Они лежали фасованными в ячеистых шкафах в полтора роста Маркуса. Брассика разглядывала предметы, и от удивления её крылья раскрылись.

Не каждому дано рыскать в хранилище самых могущественных магов королевства.

Снизу послышались голоса.

– Мы кого-то ждем? Что за шорохи? А, неважно. Призови его ещё раз.

– Мой господин, я пытаюсь. Он не приходит.

– Так попробуй ещё раз.

– Слушаюсь, господин.

Рудольф заметил, как Брассика прекратила искать нужный камень. Её лицо исказило сомнением. Ноги повели её к стене, сквозь которую слышались голоса. Двое оживленно спорили: один всё требовал призыва, а второй жалостливо просил подождать, чтобы «само пришло».

Её рука мягко прикоснулась к булыжнику. Вся стена целиком растаяла, и перед глазами показалось сборище самых разных лиц, не меньше пятидесяти точно. Четверка замерла в ужасе.

– Брассика! – гневно прошипел Маркус, пытаясь спрятаться под перилами.

Несмотря на то, что стена превратилась в прозрачное полотно, никто на них не обратил внимание. Видимо, очередной фокус с магией. Две фигуры, стоявшие возле центрального мозаичного рисунка, выложенного кругом и обозначенного древним рисунком ока, сильно выделялись на фоне остальных.

Рудольф видел не только воинов Данара, но и прислужников Тёмной церкви, а где-то померещились... нет, не померещились! Гоблины стояли в углу, громко сопели и озира-

лись на присутствующих людей.

– Это же Валук, – прошептала Брассика. – А рядом с ним Албин, наш учитель.

– Так они в сговоре? – спросил Маркус.

– Не нужно ли нам вернуться к поиску? Пусть эти чудики договариваются о своем, наше дело малое, – Атропа пыталась потянуть Брассику к плечо, но та даже не шелохнулась.

Она предложила подслушать разговор.

– Призови его ещё раз, – требовательно заявил Валук. Он стоял в наполированной блестящей броне с синим рисунком медведя на груди, плащ был холодно-синим, мрачно обрамлявшим фигуру наместника Данара. Поверх головы – диадема.

– Но я пытаюсь, пытаюсь! Богов не так легко пригласить на беседу.

– Мой господин... – оробевший пожилой рыцарь преклонил колено перед Валуком. – Я верно служу вам двадцать лет. Поистине верность моя доказана временем. Но я не могу понять: что мы делаем в одном зале с нашими врагами?

В зале зашевелились. Кто-то робко крикнул слова одобрения. Еретики из Тёмной церкви сжались в угол. Рыцарь, обратившийся к Валуку, продолжил речь – уже с опущенной головой:

– Для чего устроен наш поход, как не ради освобождения Выша? А мы тут якшаемся с врагами. Да не с кем-нибудь, а с гоблинами и еретиками. Вы ведь сами говорили...

Лицо Валука, прежде ничем не примечательное, покрылось краской гнева.

– Рыцарский обет призывает вас к послушанию. Я ваш будущий король!

Маркус и Рудольф переглянулись. Рыцарь выглядел озабоченным.

– Я – король земель Данара и Выша. Сегодня мы захватим этот великий город, который принадлежит нам по праву освободителей и защитников, а завтра станет нашей непреклонная Эйна. Ради наших притязаний следует поступиться правдой или нравственной чистотой. На кону наше существование. Это ясно?

Рыцарь встал в крайнем смущении: «Да, мой господин».

– Слушайте меня во всем. Тогда в конце пути вас ждёт награда. Несогласных с моей волей ждёт только одно – смерть!

Зашевелился Албин. Он был в том же одеянии, что и в гильдии магов, только весь испачкавшийся. Вид сверху создавал впечатление живой мистерии, в которой для довершения не хватает дьявола. Но, судя по дребезжащему состоянию Албина, ждать осталось недолго.

– Вы это чувствуете? – обеспокоено спросила Брассика.

– Пахнет предательством, – заявил Маркус.

– Да я не об этом. Что с чувствами? Меня всю коробит. Такое было возле дворца королевы-гоблинши.

– И правда, что-то происходит, – заметила Атропа.

Центр зала завьюжил пылью. Люди сторонились, а гоблины забились в поклоне. Албин сдвигал Валука подальше, но тот и сам был не прочь отойти в безопасное место. Выюга сменилась внутренним поглощением – даже свет засасывало внутрь образовавшегося тёмного шара. Всё закончилось внезапной черной вспышкой. На время ослепленные, люди по возвращении зрения обнаружили, как посередине зала вертелась кипучая левитирующая субстанция.

– Дрекавац, дух возмездия и наш покровитель! – воскликнул Албин и поклонился.

«Я чувствую тебя, Рудольф, ты где-то рядом?», прозвучало в голове священника. Он не ответил, но давление нарастало так, что присутствие Его голоса становилось великанским и всепоглощающим.

– Рабы, достойные презрения! Как долго вы ещё будете искать? – спросило громогласное облако.

– Нашли, мы нашли его! Он прямо тут, над вами, – счастливый Албин указательным пальцем затыкал в потолок.

Только сейчас четверка обнаружила, что знак на свертке бумаге означал мозаичный рисунок потолка башни. Пять стихий – огонь, вода, земля, воздух и свет – сплетались в диковинном узоре. Облако обволокло весь потолок, с него посыпались камни и мозаика.

– Ищите! – прокричал Валуц.

Рыцари, писцы, гоблины и еретики в черных мантиях – все ринулись ковыряться в полу, пытаясь добыть тот самый

артефакт. После минутного рысканья, богатого на ругань, толчки и тычки, один из гоблинов поднял над собой заветный камень. Он подобострастно подошел к Валуку, не смея поднять глаз; наместник взялся за артефакт, но цепкие пальчики гоблина неохотно отпустили. Это вызвало отвращение у Валука – из пояса вытасченный нож вонзился в тело гоблина.

Камень в перчатке наместника искрил и горел изнутри синим пламенем.

– Вот он, Дрекавац, этот камень. Верховный дух возмездия, я готов отдать тебе то, что ты так долго искал. Моя клятва перед тобой исполнена. Отблагодари своего раба такой властью, про которую ты рассказывал в своих речах.

– Ни в коем случае нельзя ему отдавать артефакт! – шепнула Брассика.

– И что прикажешь делать? – спросивший Маркус выглядел удрученным. – Их тут орда. Спустимся вниз – живыми не выберемся. Нас опередили, силы слишком неравны.

– Думай, рыжик, ты же у нас стратег.

– А ты у нас колдунья. Сотворишь фокус? Вон, уже крылья отрастила. Давай, сделай что-нибудь ещё, устрой суматоху в зале, тогда и мы попробуем схватить Валука.

– Куда мы побежим?

– Возьмем в плен их наместника, либо на месте придумаем. Сможешь сделать смерч костей, как раньше?

– Есть идея получше, но я на время ослабну донельзя, –

Брассика потянулась за книгой, нашла нужную страницу и шепотом прочитала; склянки с особым белым зельем из подсумка осушались крайне быстро.

– Приготовьтесь защищать меня. Некоторое время я буду беззащитна. А потом – берегитесь.

Брассика вошла в зал, чем вызвала явный переполох среди присутствующих. Гоблины, до того бившие поклон, растерялись и переглядывались друг на друга. Еретики попробовали атаковать, но их отогнали Маркус с Атропой. Рудольф подавлял самых ретивых, что пробрались сквозь условный круг. Брассика принялась читать заклинание.

– Кто эти люди? – спросил Валук, берясь за жезл королевы гоблинов. – Стража, убить их! Убить всех чужаков.

Албин спрятался за Валуком.

Голос девушки звучал всё более гулко и мощно, застучали стены и зашелестили ковры. Её ноги внезапно изъелись и пропали, а на их месте выросли четыре костистых конечности, как у краба. Рудольф, заметив такую перемену, крепче взялся за молот, но всё же не бросил защищать.

Руки Брассики превратились в клешни, а голова покрылась хитиновым шлемом. Все её тело позеленело и облеклось в защиту шипов и когтей. Она подмигнула священнику лицом, ещё сохранявшим прежний человеческий облик: «Держись!».

Брассика-краб двинулась навстречу Валуку; сделав странный натужный жест, она выбросила из пор алую пыль, мири-

адами осевшую в зале. Вдыхающие отравленный воздух потеряли контроль разума.

Первыми перешли на сторону Брассики гоблины. Их покрыла неистовая ярость. Маленькие серо-салатовые существа нападали на всех прочих, в том числе и на самих себя. Следом за ними впали в бешенство еретики. Рыцари Данара растерялись и утратили контроль над ситуацией.

– Щитами сплотиться вокруг протектора! Держать кольцо! – приказал седой старшина латникам. – Не подпускать чудовище к господину.

Суматоха усиливалась. Ходульными ногами и клешнями Брассика пробивала себе путь, а следом за ней шли Маркус, Рудольф и Атропа. Стрелы, пики и мечи не могли пробить корпус Брассики, хотя ей всё сложнее было отбиваться. Подобравшись как можно ближе к Валуку, она попробовала клешней взять его в плен; Албин, заметив скорую победу девушки, произнес необычное заклинание, и артефакт в руках Валука произвел свою копию. Они мастерски поменялись оригиналом и фальшивкой.

Дрекавац растворился во тьме образовавшегося шара, а вместе с ним в портал вбежал декан Брассики. В ярости девушка щелкнула клешней, на этот раз весьма удачно. Конечность с жезлом упала на пол. Покалеченный Валука побежал в тайный ход.

– Следуйте за ним, я тут разберусь.

– А как же ты? Я останусь с тобой, – сказал Рудольф.

– Нет, догоните Валука.

– Можно мне остаться? – спросил Маркус.

Брассика не ответила и вернулась в бой, махая клешнями и пробивая стальные доспехи крабовой конечностью. Рудольф и Атропа помчались за раненым наместником. Через тайный ход открылся прорытый по-грубому тоннель, укрепленный деревянной крепью. Впереди бежал Рудольф, позади него подначивала трактирщица.

– Ну давай, кулебяка, сейчас упустим же!

– Я задыхаюсь, – признался священник.

– Ещё не время помирать, толстячок.

Показался сияющий светом выход, а с ним и силуэт Валука. Он пытался перекрыть валуном проход. Рудольф ударил ему в грудь своим молотом.

Испачканный и окровавленный, Валук прижал оставшейся рукой артефакт к сердцу. Священник увидел, как наступившее утро раскрыло небо в светло-розовом цвете: победа как никогда близка!

– Я законный правитель Данара... меня нельзя убивать, понимаете? Кто вы такие, чтобы меня судить? – закашлявшись, однорукий Валук поперхнулся от боли. Никакого оружия при нем не было, плащ покрылся коричневой грязью, и лишь блестящий нагрудный доспех, украшенный сапфировыми камнями, остался напоминанием о былом величии этого существа. Рудольф смотрел на него, лежащего в сухой и зачахшей траве, испытывая чувство глубокого презрения.

Как резко гибнут тираны. Ещё час назад этот человек покушался на власть во всём королевстве, устроил грандиозный поход и планировал объять в своей тирании всех живых существ, а теперь предстал перед судом остроухой трактирщицы с простоватыми манерами и священником, отлученным от церкви.

Наместник жадно глотал воздух, прижался спиной к валуну и никому не желал отдать артефакт.

– Вы меня слышите? – повторился Валук. – Вы меня слышите? Кто вы такие? Вы просто чернь, погрязшая в чванстве и забывшая о своем месте. Я Валук, лорд-протектор Данара, верховный шолен и наместник королевской власти. Я должен жить и властвовать ради процветания королевства...

Рудольф ударил молотом прямо в грудь. Драгоценные синие сапфиры полетели россыпью в разные стороны. Валук захлебнулся от крови.

– Вы не имеете права. Я...

– Ты всего лишь тиран. Мы ещё долго будем постигать все твои злые деяния и судить преступления. Одного лишь ты достоин – бесконечного презрения за покушение на чужое.

– Народ требует суда, – Атропа приставила топор в центр ещё нерасколотого доспеха.

– Я всего лишь заботился о благе и процветании... я не заслуживаю.

– И народ вынес вердикт, – серебряный молот Рудольфа с грандиозным ускорением ударил в обух.

Глава 15

Маркус ощутил внутреннюю вибрацию, когда в очередной раз ловко ударил янтарным мечом по врагу. Дрожь быстро нарастала, превратилась в невыносимую игру с сердцем. Стало плохо. Все прочие дерущиеся, люди и нелюди, данарцы и гоблины, тоже ощутили движение под ногами. Сражение остановилось.

Вибрация распространилась на стены башни. С потолка посыпались пыль и песок, звонко задрожал единственный уцелевший витраж, посыпались разноцветные острые обломки. Кто-то принялся бежать из башни вниз по лестнице, бросая мечи и топоры, а кто-то впал в истерику. Маркус в толпе мертвых тел и растерянных воинов искал затерявшуюся Брассику.

Её зажало у позолоченного алтаря с расколотой чашей. Похоже, сила испитых ею зелий полностью иссякла: её внешности возвращались человеческие черты. Повсюду у неё виднелись раны. Подхватив Брассику за талию, он ринулся в тот самый тайный лаз, в котором исчез Валук, а вместе с ним и Рудольф с Атропой.

Тоннель был мал в диаметре, из-за чего ему пришлось набросить на себя девушку. Больше всего он боялся, что их в таком состоянии заколют или подстрелят из арбалета. Но гул нарастал, а с ним и животная паника в окружении. Позади

него развивалась смертельная давка.

– Brass, ты жива?

– Есть маленько, – ответ звучал неуверенно.

– Нужно завалить ход, как только выйдем из него. Поможешь?

– Помогу.

Маркус ускорил шаг. Подниматься было тяжело, крошеный камень под сапогом скользил, но желание сбежать превышало все усталости и риски. На спине стонущая Брассика о чем-то просила, но Маркус игнорировал. Сначала выйти из этой адской пурги...

Забрезжил свет в конце. Превозмогая боль, рыцарь бросился наружу, надеясь на лучший исход. «Лишь бы встретили друзья, – думал Маркус. – Не хотелось бы напороться животом на чужой меч»

Его взял под руку Рудольф.

– Как прекрасно, что вы живы! – обрадовался он. – И дева снова выглядит, как дева, а не дьявольский рак! Благословенны судьбы наши.

– Brass, пора! Уничтожь лаз, – Маркус не позволил себе расслабиться, пока единственный выход из проклятой магической башни не будет закрыт.

Девушка села на колени. Её взгляд потух, стал безразличен; она попробовала взмахнуть правой рукой, но ничего не получилось.

Холм сильно трянуло. Внутри тоннеля потянулся воздух.

Свист нарастал, и даже редкий кустарник принялся лететь в лаз. Когда всё стихло, ещё один сильнейший толчок известил о начале какого-то совершенно выдающегося события.

Деревянные опоры с треском лопнули, вход быстро закрыло пылью и камнями.

– Боги гневаются на нас, – напуганный Рудольф крепко обнял Брассику.

– Что происходит? – взволнованная Атропа. Её крепкое, почти тяжелое женское тело пыталось найти точку стабильности. Весь холм танцевал.

Вспышка неба на севере загорелась ярко-оранжевым цветом. Она своим сиянием превосходила рассвет. Пик прекрасной в белоснежном одеянии горы Штогово запылал диким пламенем. Столб черного дыма ударил в небо. Из внутреннего жерла выбросились множество алых огней, разлетевшихся в разные стороны. Светлячки мчались, как падающие звезды в ночном небосводе, оставляя след в виде дымного хвоста. Обрушившиеся на землю куски взрывались, оставляя после себя черные воронки.

– Брассика, ты жива? – спросил Маркус.

– Маленько, – ответила девушка. Её силы были на исходе. Рудольф и Атропа быстро омывали её раны; остроухая шептала в бутылку воды.

– Нужно уходить. Ты можешь идти?

Девушка потеряла сознание. Маркус взял её подсумок, резко дернул, чтобы сорвать с туловища. Внутри остались

несколько тонких склянок, и все без знаков.

– Ты разберешься? – рука Маркуса протянула Атропе склянки.

Остроухая принялась по запаху определять нужное зелье.

– Быстрее, умоляю, – рыцарь дернул Атропу за плечо.

Со стороны Штогово нарастал рокот.

– Ну-ну, поторопи меня ещё раз, касатик, – возмутилась Атропа. – Кажется, вот это. Дай пригубить ей.

Брассике влили в рот зелье. Она поперхнулась, но раскрыла глаза в изумлении.

– Где это я?

– Отдохни чуток, самую малость, и сразу пойдём. Здесь нельзя оставаться.

Новый толчок из-под земли заставил Брассику встрепенуться.

– Где артефакт? Где он?

Маркус посмотрел на Рудольфа. Тот лишь пожал плечами: «Стоило нам взять его в руки, как он рассыпался»

Брассика, услышав это, тихо вздохнула.

– Мы проиграли, – сказала она.

– И что теперь? Неужели сдаваться? – возмутился Маркус.

– Нужно бежать в Эйну. Мы были в шаге от победы. Сейчас только Ларс сможет спасти нас.

– С твоим-то состоянием, да в Эйну? Ни за что. Тебе бы сутки полежать.

– Давайте попробуем в Данар, – сказал Рудольф. – Ведь у

них сейчас не меньший переполох, чем здесь. И Валука-вредителя больше нет. Чем не шанс?

Маркус отбивался от мысли, что они проиграли, как мог. Но страх обжигал его душу. Валук убит, но артефакт оказался в руках главного врага, которого никто толком не знал. Его успели рассмотреть глазами минуту-две, и только.

Он чувствовал себя побежденным.

Уйти из развалин Выша удалось относительно легко. Толчки не прекращались, но заметно ослабли. Стволы деревьев шатались, некоторые с треском обваливались. Остатки города покрыло ужасным мраком. Даже страшно представить себе судьбу данарцев, которые штурмом вошли в руины злосчастно города... Никто не попался им на пути, пока они не ушли за холмы.

Выша больше нет. Маркус долго старался не оборачиваться, но желание убедиться в этом превозмогало все возможные страхи. Его родина ушла под землю.

– Всё будет хорошо, – сказал ему Рудольф.

Маркус ещё раз взглянул на обрушившиеся своды и стены. Он корил себя за то, что ничего не чувствовал от увиденного. Рыцарю казалось: «Это всё горячка после драки, так бывает, после битвы тяжело сочувствовать». Но прошло несколько часов, а ему не было никакой печали от мысли, что Выш, тот самый город, ради которого он отправился в поход, ради которого боролся и рисковал, исчез.

Краем глаза он заметил, как молча плачет Рудольф.
– Всё будет хорошо, – повторили его губы шепотом.

Четверо выживших старательно огибали места, где роились черные воронки. Внутри них втягивался воздух, а с ним и желтая опавшая листва. Солнце словно горело ярче и жарче, Маркус не помнил такой теплой осени, как сейчас.

Они решили отправиться в Данар. До Эйны идти слишком далеко, не меньше двух дней пути, не считая отсутствия у них ездовых лошадей. Данар и ближе, и доступнее пешему путешественнику.

К полудню всё королевство содрогалось. Природа болезненно восприняла случившееся в магической башне Выша. Маркус считал это восшествием Дрекаваца. «Только боги обладают такой мощью, – говорил он себе. – Только они способны сотрясать землю так, что разрываются пашни и иссыхают реки».

Почему людей прокляли на новое испытание? Как много должно пролиться ещё крови, чтобы удовлетворить божью ненасытность? Маркус старательно избегал вопросов в голове, но ему казалось, что в происходящем виноват лично он. Упустил возможность раз и навсегда побороть зло.

«Если бы я рванул к чертовому Албину, то не загорелась бы сейчас земля под королевством, – сокрушался рыцарь. – А Брассика и так сама справлялась с данарцами. Только погляди-ка: на ней все порезы залечились, даже рубцы легонь-

кие и розовенькие...»

Весь путь был в тишине, лишь Brassica немного вздыхала от боли. Маркус вспоминал первые дни знакомства с ней, пока ноги несли. Он недооценил девушку. Маркус вообще никаких магов не любил, да и учителей тоже, кроме Яноша из Выша, что учил его фехтованию. Хорошим учителем был немой кузнец, имя которого он не помнил; всё детство Маркус называл кузнеца по-простому Немым, тот отвечал ему всякий раз мычанием и подзатыльником. Немой научил точить мечи до прекрасной остроты.

И всё. От грамотеев, особенно столичных, Маркуса тошнило: «Заносчивые и надменные псары, позабывшие, как выглядит свой народ. Где были грамотейки, когда разрушали Выш?»

Его сердце боялось, что в Данаре предстоит рассказать про Валука и рыцарей, которые погибли вместе с ним в магической башне Выша. Но что говорить? Валук – предатель? Нужны доказательства, а самое главное из них исчезло. Остался только жезл, который подобрали с отрубленной руки тирана. С мертвеца не спросишь, кому он прислуживал и за что боролся. И потом, их в первый раз встретили враждебно, а после новости о смерти шолена можно накликать беду на свою голову от ослепленных яростью...

Атропа потребовала остановиться.

– Вы заметили?

– Заметили что?

– Как посерело окружение повсюду, – Атропа тыкала в опустевшие деревни, на полегший скот, на брошенные пашни, на окружный лес, весь прогнивший и иссохший.

И действительно, всё время они шли мимо мертвых полей, не обращая никакого внимания на случившееся.

– Я наконец-то поняла. Я поняла! – крикнула Атропа. – Те замудренные механизмы из труб, что мы видели возле хором королевы – это существо отнимает жизнь!

– У кого?

– Да у всех, касатик, у всех!

– Разве такое возможно? Наверное, ты ошиблась, – на Рудольфе не было лица.

Маркус догадывался: вина за тайное соучастие в делах Дрекаваца легла тяжкой ношей на его сердце. Рудольф помогал Брассике идти, сняв с неё самые тяжелые вещи и приободряя словами «Всё будет хорошо».

– А почему нет? – возмутилась от несогласия Атропа.

– Допустим, ты права, и это чудовище отбирает жизни из нашего мира при помощи таких механизмов. Зачем такое делать? – спросил Маркус.

– Я... Мой древний народ считал...

Вдруг показался усиливающийся свист. С криком «Ложись!» рыцарь оттолкнул Атропу на обочину. Огромный обломок рухнул на дорогу, раскидав камни и землю. Сухая серая трава в нескольких местах заиграла огнем.

Не успел Маркус отряхнуться, как из воронки задул сильный ветер. Воронка разродилась серебряной гладью, словно зеркало растеклось лужей. Через эту лужу вышло большое человекоподобное существо.

Катившийся на шаре силуэт приближался к ним. Приподнятая рука указывала на Атропу. Паровой свисток издал звук, и в неё прилетело три тонких болта.

– Что это такое?! – закричала Атропа, прикрыв себя плащом. Болты будто врезались в хрустящее стекло, опали с плаща, как листья. Маркус приказал бежать к деревне. Существо отправилось за ними.

Рыцарь старательно разглядел существо, насколько это было возможно, сидя в двадцати шагах от него за деревянной поленницей. Передвигающийся на шаре, он напоминал силуэтом человека; сквозь тело проходили металлические облучи и спицы медного оттенка, и все части двигались в такт с конечностями, издавая пугающий скрежет. Всё это напоминало адское соединение жизни и смерти в одном теле.

Механическое существо определенно охотилось за ними.

– Его нужно прикончить, пока он нас не нашел, – шепнул Маркус в ухо Атропе.

Существо медленно повернулось к поленнице. Шар покатился.

– А что прикажешь делать? – остроухая с ужасом наблюдала, как чудовище двигалось на них.

– Отвлеки его. Заставь побегать за тобой.

– Что? Нет!

– Маркус, давай я? – Рудольф уже приготовился выйти из укрытия, но Маркус его остановил: «Ты нерасторопный, а остроухая ловчее всех бежит».

Существо сблизилось с пленницей, проехать осталось всего ничего.

– Да иди уже! – Маркус слегка толкнул остроухую в плечо, – Я не подведу!

– Ах ты мой козел! – Атропа, поначалу опешившая от наглости, решившая, что у Маркуса и правда есть какой-то хитрый план, со смехом кинулась в сторону мельницы. Для ускорения она бросила у пленницы свое оружие. – Эй, чудовище! Штыкля металлическая, беги за мной.

Механоид медленно развернул голову в её сторону. Шар покатился, тело постепенно направлялось к Атропе, забравшей в башенку мельницы. Маркус повернулся к Рудольфу: «Охраняй нашу Брассику, пока я не разберусь с уродом».

Маркус, аккуратно подступая к механоиду, искал слабые места в его строении. Бить в движущую часть казалось глупой затеей – шар казался прочным. Сочленения между конечностью и туловищем? Голова?

Механоид на ходу стрелял раскаленными болтами в мельницу, каменная кладка рассыпалась. Рыцарь двигался крадучись. От механоида несло запахом гниения и неприятной алхимической эмульсии. Из мельницы кричала Атропа:

– Этот урод меня в блин раскатает! Вы будете что-то делать?!

Острие янтаря зашло глубоко внутрь туловища, прямо в тыльную сторону солнечного сплетения. Механоид опешил ровно на секунду. Тело поворачивалось к Маркусу. Рыцарь потянул за рукоятку меча, но янтарь крепко застрял внутри. Тогда он вскочил на чудовище. Скрежещущие сочленения взвизгнули, а из головы произошёл повторяющийся одинаковый гудящий звук.

Маркус пытался извлечь нож с пояса, но одна из конечностей механоида ухватила его за руку и потянула к себе. Боль пронзила плоть, Маркус закричал. Голова механоида хотела вгрызться в шею рыцаря.

Выбежала Атропа из руин мельницы, сняла плащ и накинула его на голову механоиду. Утратив зрение, существо потеряло ориентацию: конечность выпустила Маркуса, чтобы сбросить с себя ткань. Этих трех секунд оказалось предостаточно для рыцаря. Только механоид освободил голову, как ему в шейную вену мгновенно угодило лезвие.

Хлестнула страшная, грязная, черная кровь. Её запах был настолько тяжелым, что заставил Маркуса спрыгнуть с туловища механоида. Существо растеряло всю силу за минуту, завалилось на бок и затихло. Рыцарь для надежности ударил ещё несколько раз ножом.

Никаких признаков жизни. Существо испустило дух, при этом продолжая выливать литрами гнилую кровь.

– Матушки, какой же запах! – Атропа пыталась спасти свой плащ от лужи крови.

– Какая страшная вонь, – сказал Рудольф. Рядом с ним Брассика высматривала из-за плеча высматривала. Впервые за день она стояла на ногах самостоятельно. – Но почему мне так знаком этот запах?

Маркус вдруг понял, что ему тоже знаком этот аромат смерти. Это запах смерти на полях, это запах двух дней после большой битвы. Так пахнет замок после штурма. Так пахнет город после продолжительной эпидемии.

– Так что же это? Человек? – спросил Маркус. – Вы только посмотрите: кожа, кости, мышцы, а это лицо! Как оно похоже на самое обычное человеческое лицо.

– Но запах гниения... Так страшно воняет только давний труп, – Брассика прикрыла нос платком, чтобы подойти поближе. Её всё больше интересовало убитое существо: топором Атропы, прихваченным из укрытия, она расслаивала сухожилия в конечностях.

– Что ты делаешь? – скривился Рудольф.

– Препарирую, – сухо ответила девушка.

– Прекрати, это мерзость.

– На нас напало существо из неизведанного мира, а ты хочешь, чтобы я всё бросила? А вдруг такие нападения происходят по всему королевству?

– Но мы и так победили чудовище, а вернее Маркус одолел.

– Это могла быть удачная случайность. Нужно разобраться, приспешник какой магической школы сумел сотворить такое создание.

– Ясно же, что это некроманты! – хлопнул в ладоши священник. – Не нужно заниматься осквернением тела.

Брассика подняла голову и сделала значительный взгляд Маркусу. Рыцарь понял, на что она намекнула, и сказал:

– Лучше узнать, с кем мы имеем дело. Пусть парирует.

– Препарирует, – поправила Брассика.

– Ну да. Короче, режь.

– Просто святотатство какое-то! – махнувший рукой Рудольф пошел прогуляться.

Изучение затянулось на несколько часов. Все прочие удалились на приличное расстояние: вонь и отвращение не выдержал никто. Рудольф всё время ворчал про недопустимость осквернения трупов, на что Маркус замечал, что такое отношение есть у человека к человеку, а к чудовищам – нет. Атропа искала в брошенной деревне еды, но нашла только жесткую солонину.

– Как это есть вообще? – Маркус попробовал откусить кусочек, но испугался оставить все зубы на солонине.

– Могу сварить суп, – предложила Атропа.

– Было бы неплохо, – поддержал затею Рудольф. – Мы сильно устали. Да и вечерет уже. Ночью в город нас не пустят, а вот утром легче всего.

Солнце и правда быстро склонялось к закату. Маркус от-

правил Рудольфа найти самый крепкий дом в деревне. Атропа, не дожидаясь приказаний, ушла приготовить еду. Вскоре облюбованный дом старосты, огороженный частоколом, превратился в небольшую крепость.

К вечеру объявилась Брассика. Она просила согреть воду для умывания. Атропа помогла ей вымыться от грязи и запаха. Зажгли найденные свечи. На столе дымилась простая похлебка. Маркус закрыл окна на ставни, калитку прикрыл бочками. Дверь закрыли на засов.

Присев за стол, за которым её ждали остальные, Брассика изобразила озабоченный вид.

– Что ж... Должна сказать, что это существо являлось человеком. Живым.

Глава 16

Атропа рисовала в похлёбке кружки. Есть совершенно не хотелось.

– Я же говорил! – возмутился Рудольф. – Нельзя срамить трупы. Это оскорбляет богов!

– Дай-ка договорить, отец, – запротестовал Маркус. – Ты опять судишь, не дослушав человека.

– Я хочу сказать, что существо когда-то было человеком, – высказалась Брассика.

– Разве так можно поступать с трупами?

– В академии магии такие действия определяются как занятия некромантией. Но я считаю, что это не магия в привычном понимании.

– Всю некромантию нужно сжечь, – Рудольф, явно возбужденный от новости, что творит дьявол с людьми, гулко треснул по столу. – И некромантов вместе с ней. Чтобы неповадно было. Вот такие люди и разрушают порядок в мире. – Рудольф, заметив, что остальные не поддерживают его нор, немного остудил свой пыл. – Ох, что же мы натворили? Нельзя было отдавать руну в лапы монстру!

– Рудольф, некроманты призывают демонов и нежить из других миров, например из Абсолюта. А эти существа были в нашем мире с самого рождения, – Брассика терпеливо разжевывала предположение, несмотря на то, что её грубо пе-

ребивал священник. – Это люди, родившиеся в королевстве и жившие в нем.

– Не хочешь же ты сказать...

– Как раз хочу, да только перебивают! Наверное, это дарнцы, оказавшиеся в западне в руинах Выша. Либо люди с округи. В деревнях ведь крестьян нет совсем. Когда мы в последний раз видели человека?

В доме наступила тягостная тишина. Быть изуродованным чудовищем без воли, такое не пожелаешь и заклтому врагу.

Атропа знала: её народ переселился к подножью горы Штогово, когда потерял королевство от рук людей-захватчиков. «От моего народа почти ничего не осталось. Мы, скупая горстка выживших, последние из остроухих. Судьба так неблагосклонна к самым ревностным хранителям первоизданности мира, – в её голове метались мысли, она волновалась и совсем перестала вникать в разговор. От перенапряжения Атропа даже привстала со скамьи, чем привлекла внимание остальных. – Кого я должна в итоге спасти? Свою бы душу уберечь, да детей своих. А остальных? А их? Кому мне прислуживать, себе или им? Я свободное существо, клятв больше не имею: всё прочее от дружбы и моей доброй воли. Но они же люди, не мой народ, сколь бы не пытались нас свести к общему согласию, наша воля всегда отделена от них, наша культура отличается от их культуры. Как поступить?»

Заболела голова.

– Братцы и сестры, так что мы будем делать с чудовищами? – спросила она у своих компаньонов.

– Не знаю. Правильнее всего уничтожить зло, чтобы оно не распространялось. Обрато вернуть их к разуму вряд ли возможно. Директор Ларс помог бы нам. Наверное, он и мои учителя – единственные, кто разбирается в происходящем.

– И поэтому отправили нас в самое пекло? – спросил Маркус. – Они видят во мне наживку? Не жестоко ли со стороны ученых мужей?

– Наверное, мы то единственное, что заставило Дрекаваца допустить ошибку, – ответила Брассика.

– А этот черт ошибся? Да он вроде как на каждом шагу побеждает!

– Не совсем. Мы спутали все карты. Он пошел на опережение, раскрыв свой план.

– Я не вижу никакого плана, Брассика, – возмутился рыцарь. – Мне кажется, ты додумываешь!

– О, а ты у нас теперь стратег, да? Рыжик?

Маркус в злобе дернул себя за усы.

– Короче говоря, наше дело как бы того, труба. Не найти бы нам убежище за пределами королевства? – Атропа вновь присела на скамейку.

– Бросить людей? – усмехнулся Маркус.

– Бросить королевство? – разозлился Рудольф.

– Нет, Атропа, это не выход, – сказала Брассика. – Верховный лорд хотел уничтожить мир, а не одно только наше

королевство. Наверное, в планах Дрекаваца что-нибудь похожее, только более изощренное. Предлагаю разобраться во всём в Данаре. Пошлем Ларсу весточку, договоримся о новых действиях. И тебе будет полезно повидаться с ним, ведь так?

Атропа лишь пожала плечами. Видя, как все не согласны с её предложением, она решила просто отступить.

– Вы как хотите, а я спать, – сказала Атропа остальным. – И вам советую. Иначе рано утром будете канючить, как вы не выспались.

Женщина ушла спать на полатах, укрывшись собственным плащом. Несколько минут Маркус и Рудольф что-то обсуждали, но потом легли на широкие лавки, подложив под голову гусиные подушки. Бабьего кута в избе не было. Брасику, как всё ещё слабую, пустили уснуть на чужой кровати.

Стало тихо и темно. Догорала последняя свеча на столе.

Ещё не наступил рассвет, как Атропа пробудилась от сна. Она сильно испугалась: печь, на которой ей пришлось спать, едва ощутимо дрожала.

Острые уши, освободившиеся от завесы длинных прядей, напряглись в поиске источника. Поняв, что шум приближается к дому, Атропа шепотом произнесла:

– Вы слышите?

Первым отреагировал Маркус.

– Да, теперь чувствую. Буди остальных.

Атропа аккуратно спустилась с печи. Половицы предательски скрипели. Брассика, почувствовав руку на плече, захотела вскрикнуть, поэтому пришлось крепко удержать её от этого.

– Т-ш-ш-ш... – успокаивала Атропа.

Рудольф достал булаву. Маркус медленно подкрался к ставням.

– Что-нибудь видишь? – спросил его Рудольф.

– Нет, на дворе черным-черно.

Легкий удар в частокол. Заскрипели колья и бревна, забор словно потянули вниз.

– Оно идет к нам, – сказал Маркус.

– Что делать? – Атропа в темноте не могла разыскать свой топор. – Может, сбежим, пока оно не добралось до нас?

Частокол затрещал, завыл от натуги. Что-то проникло во внутренний двор. Тень с несколькими светлячками передвигалась по нему.

– Это оно, то самое существо!

– Мы же убили его. Неужели оно возродилось?

– А вдруг это новое?

– Замолчите все.

Тень остановилась напротив дома. Светлячки, казалось, смотрели прямо в упор на Атропу.

– Медленно отходим в угол... – приказала она остальным.

Атропа вжалась в углу избы, к ней под левый бок юркнула Брассика, а под правый – Рудольф. Под крепкими ногами

Маркуса половицы пели предательским скрипом.

В стену пришелся удар. Бухнуло несильно, но звук перепугал всех.

– Может, ломанемся через дверь? – Атропа всё ещё надеялась сбежать куда-нибудь в лес или в поля, лишь бы не находиться в ловушке из четырех углов.

– Лучше затаиться, – ответил Маркус.

Ещё один удар, на этот раз жестче. Потолок слегка посыпался. Существо подобралось к ставням, придавило на них; ставни так скрипели, что ещё чуть-чуть, и окно будет выбито, а страшная лапа схватит их и отнимет жизнь, превратит в такое же бездумное чудовище.

Наигравшись со ставнями, существо попыталось проникнуть через дверь. Засов шевелился, но поддаваться натиску не собирался. С минуту дверь шевелилась и затем успокоилась.

«Всё-таки люди умеют строить жилище, – подумала Атропа. – Научены бесконечными войнами. У них что ни хлипкая хибара, то крепость!»

– Оно ушло? – шепотом осведомился Рудольф.

– Тише ты! – зашипел Маркус.

Существо со всей силой вдарило в дверь. Затем ещё раз, а потом ещё и ещё; руку Атропы свело от того, как крепко она вцепилась в свой топор. Дом построен из мертвого дерева, срубленного и обработанного, остроухие от бревен никакой силы не получали; мертвое остроухим чуждо, болезненно и

неприятно, и только живое дерево могло передать им способности, недоступные простому человеку. Значит, искать помощи особо неоткуда.

«Молю всех добрых богов – окликнитесь и спасите!», взывала к высшим силам Атропа.

Дверь держалась, как и ставни, крепко. Все прижимались к стенке. С потолка снова посыпалась пыль; нос Брассики втянул её и вызвал раздражение. В ужасе она пыталась остановить чих, и для этого она не нашла ничего умнее, чем зарыться в груди Атропы. Прозвучал громкий звук неприличия.

– Нам конец, – тихо простонал Рудольф.

Существо попыталось просунуть внутрь некое подобие меча, только с острыми зазубринами. Оно пробовало то сломать крепление двери, то спилить засов; ни то, ни другое у него не получалось, интерес к избе постепенно иссяк. Существо, по-видимому, сделало несколько кругов вокруг, побило по стенам, ища слабое место, а потом затихло.

Время тянулось бесконечно.

– Неужели ушло? – даже голос Маркуса звучал напуганно.

Атропа приложила ухо к срубу. «Либо оно уехало, либо притаилось», подумала она, пытаясь прислушаться сквозь громкое биение сердца.

Всю оставшуюся ночь никто не спал. В молчании все ожидали, когда в небе хотя бы чуть-чуть посветлеет. Перегова-

ривались шепотом, по половицам не ходили и старались не создавать лишнего шума; ноги у Атропы сильно отекли, как и спина, но жаловаться было некому – у остальных те же беды.

– Попробуем удрать в сумерках? – спросил Маркус. – В тени проще спрятаться.

– А если это чудовище видит и ночью? – парировала Брассика.

Маркус цокнул языком.

– Но здесь нельзя отсиживаться. Чем быстрее мы выберемся в Данар, тем выше шансы на то, чтобы выжить.

– Он прав, – шепнул священник, – меня мурашки пробирают, до чего безбожной стала эта земля. У меня даже ноги горят!

– У тебя ноги горят от затекания, – произнесла Брассика.

– Опять голосуем? – спросил Маркус. – Выбираю побег. В сумерках шанс выше.

– Остаться, – сказала Брассика. – Днём легче уйти, чем в темноте бегать.

– Я хочу как можно быстрее добраться до Данара. Там есть наша братия, попробую договориться. Голосую за, – священник явно не желал сидеть в ловушке.

– Ты же отлучен от церкви, забыл? – попыталась переубедить Брассика.

Рудольф никак не отреагировал на замечание.

Атропа, несмотря на крепкую фигуру, лучше всех справ-

лялась с маскировкой. Её плащ не раз выручал. Нет, она не думала, что готова бросить друзей... Но ведь больше не за что сражаться, так?

Это случалось и раньше, ещё несколько веков назад. Падение духа. Утрата цели. Зачем, ради чего и во имя чего. Валук не был ей личным врагом – люди и раньше наносили обиды остроухим, и этот тиран был ничем не лучше и не хуже для неё. Но Дрекавац вызвал в ней почти животный страх. Он отбирал чужие жизни, но не чтобы поглотить или уничтожить, а чтобы подчинить своей воле. Это худшее, что она могла представить себе – оказаться в рабстве ума.

Атропа не знала, как поступить далее. Всё время, пока она путешествовала, ей неслыханно везло; ни одна напасть всерьез не убила ни её, ни друзей, калечью никто себя не считал. Но увиденное утром поразило её.

«А что дальше? – говорила она себе. – Война с богом? С бесконечным всемогущим существом? Да разве такое возможно? Вот тебе и жизнь проклятая: ты ей здрасьте, а она тебе до свидания с белым саваном в подарок. Может, забрать шар у Ларса, да сбежать на юг вместе с детьми?»

– Атропа? – рыцарь легко притронулся к её плечу.

– Я выбираю... бежать в Данар.

Женщина встала у двери, скрипя половицами. Остальные в недоумении смотрели на неё, пока на пол не упал засов. Дверь распахнулась, и холодный воздух из двора потянуло в избу. Было тихо. Маркус, приготовив меч, двинулся вперед.

– Все за мной! – шикнул он.

Атропа, после некоторого раздумья, побежала последней.

В деревне, находившейся совсем рядом с Данаром, всё сгорело дотла. Дома, склады, кузня, дворы, скот, всё лежало порушенным, а в колодец сбросили трупы. Возле четверых отчаянно бегала обгоревшая собака, боявшаяся и гостей, и одиночества одновременно.

Паль была ещё теплой. В некоторых местах сруб от ветра краснел углём.

– Зачем всё уничтожать? – спросил Рудольф.

– Таков мир Дрекаваца, значит. Таким он видит мир под своей властью, – ответила Брассика. Она прошлась по дворам, рассматривала погорелье, искала уничтоженных механизмов. – Где-то здесь была башня мистического пути. Я точно помню.

– Так вот же она, – кивком Маркус указал на груды камней.

Атропа подошла ближе к очагу. Металлический конус, подвешенный цепями на трех столбах, опрокинули и потушили. Мистического огня нигде не было. Столбы снесли, пентаграмма пути потухла, каменную кладку с узором разнесли орудием вроде кирки.

– Вот так вечный порядок и заканчивается, – произнесла она вслух. – А ведь когда-то считалось, что далекий перенос неприкосновенен даже в войну.

– Всё меняется, – ответил ей Маркус. Он сложил руки на

груди и слегка покачивался на каблуках сапогов.

– Но ведь Верховный лорд тьмы никогда так не поступал.

– Да что ты? А Выш?

– Но Выш уничтожили бандиты с гоблинами после исчезновения Верховного лорда.

Маркус помолчал некоторое время.

– Всё равно это его рук дело, – рыцарь не верил, что Дрекавац был настолько безумным, чтобы разрушать незыблемые правила мира, установленные самими богами.

– Не веришь, что он погиб от рук Чемпиона?

– Нет, не верю. Скорее всего, мы воюем против очередной реинкарнации. Эта чушь будет длиться до тех пор, пока всё королевство не начнет сражаться против зла.

– Звучит утопично, знаешь ли, касатик.

– Как есть. А ты что думаешь? Может, у остроухих есть предания? Давно мы твоих сказок не слушали, – Маркус заулыбался широко, усы с долгой щетиной чутка позолотились на солнечном свету.

– Ну, что-то и было, припоминаю.

– Правда? – удивился Маркус. – А чего молчала?

– Да нечего рассказывать. Он же был духом-прислужником у Верховного лорда, и только.

– Это как?

– В год, когда Верховный лорд вознамерился уничтожить наш мир, Дрекавац пугал горняков и занимался всякими подлостями. Остроухих, кстати, он ненавидел больше всего

– мы его шпыняли как мальчишку, и никаких даров ему не давали, в отличие от людей, которые всё хотели от него откупиться.

– Но как он стал таким всемогущим?

Атропа пожала плечами.

– Не знаю. Свято место пустым не бывает. Дорвался до невиданного источника силы. Либо объединил вокруг себя всех униженных поражением Верховного лорда.

– Ущербное существо пытается отомстить всем остальным, – Маркус подозвал Рудольфа и Брассику поближе. – Что с башней?

– Похоже, её не восстановить, – призналась девушка. – Нигде рядом не оказалось существ, с которыми мы повстречались. Значит ли это, что люди сами уничтожили башню?

– А это возможно?

– Да. Потуши пламя в очаге. Этого достаточно. Но мы не умеем зажигать огонь перемещений. Это древнее знание, и оно утеряно, никто из магов королевства не знает, как возродить магию перемещений. Пользуемся тем, что есть. Точнее сказать, пользовались.

Они стояли возле каменных руин и продолжали спорить. Обгоревшая собака тихонько подкралась к ним, чтобы прилечь рядом. Высунутый язык был совсем сухим. Глаза на подпаленной морде смотрели на четверку, как бы выпытывая у этих силуэтов правду: «Вы пришли с мечом или хлебом?» Собака всё приглядывала за силуэтами, пока тяжесть

боли совсем её не придавила. Песья морда прилегла на лапы, чтобы больше никогда не подняться.

В зале данарского замка собралось множество людей. Остатки знати, что не оказалась в провальном походе Валук на Выш. Знать пестрела и гудела. Известия приходили одна страшнее другой: убитые селяне, похищения, сожженные деревни. В Данар стекались люди с окрестностей, принося не только оружие и продовольствие, но и свои беды с отчаянной просьбой защитить их.

Валук исчез, а вместе с ним и всё доброе войско Данара целиком. Княжество разорется с севера, и от других земель королевства ждать поддержки не приходится. Валук чувствовал себя дерзким и надменным героем, достойным занять трон без права наследства; это вызвало жесткое несогласие в Эйне и магическом сообществе. От магического сообщества в Данаре не осталось практически ничего, в Выше магов нет уже несколько лет, осталось победить только академию в Эйне...

Удачное нападение, подумала Атропа. Если Эйна бы пала, то Валук взошел на трон королем. Она стояла в окружении стражников. Вместе с остальными её отвели к Чаславу.

– Я почему-то чувствовал, что вы живы, – сказал данарский рыцарь, надевая доспех. На нём было новое платье, дорогое и соответствующее статусу богатого феодала. Она заметил, как смутились гости. – О, а вы не знаете. Совет Да-

нара решил избрать нового шолена.

Витраж сиял цветными стеклами. Изображения богов и героев были величественны, если не помпезны. Для Атропы всё увиденное звучало пустяком, ценнее всего ей была жизнь, а не собрание драгоценных камней и металлов.

– И меня решили представить к титулу. – продолжил Часлав. – Я согласился. В городе сейчас очень беспокойно. Так зачем вы сюда пришли?

– Часлав, у нас плохие вести, – начала говорить Брассика.

– Да перестаньте вы их стеречь, наконец! Отправляйтесь в сторожку.

Воины с алебардами молча отправились на улицу.

– Валук погиб.

Часлав резко повернулся.

– Что? Откуда вам известно?

– Мы его убили, – заявила Атропа.

Данарский рыцарь застыл в изумлении.

– И вы пришли сюда, чтобы что? Покаяться? Или потерять голову?

– Часлав, послушай меня, – примирительно заговорила Брассика. – В том, что случилось, нашей вины нет. Мы многое увидели и должны передать великим мужам всего королевства. Грядет большая беда!

– Почему я должен вам верить? Всякий раз, когда вы мне попадались, то оказывались в какой-то сомнительной истории. Вдруг вы бандиты. Или наемные убийцы, – с этими сло-

вами он, демонстрируя явную неуверенность, отодвинулся подальше. Атропа увидела, как его палец коснулся ножен. – У вас должны быть доказательства, что с Валуком следовало поступить именно так, а не иначе. Не забывайте, что в Данаре среди простонародья у него репутация доброго защитника и дарителя благ. Могут в один миг потребовать ваших голов на пике.

– Мне нужно отправить голубя в Эйну. Ты знаешь, жив ли директор Ларс после нападения?

– Ты про магов? Слышали только, что замок сгорел.

– Ларс знает, что делать. Он нас отправил в подземелья Выша, чтобы узнать намерения Дрекаваца.

– Кто такой Дрекавац? – спросил Часлав. – Знаете, что? Ждите здесь. Если голосование пойдет хорошо, я буду избран шолоном. Тогда приглашу вас на совет.

– И даже женщин? – усмехнулась Атропа.

– И даже женщин, – подтвердил Часлав. – Ибо если случится, что вы их не убедите в правоте, вас всех ждет смерть.

Глава 17

Совет данарской знати длился около часа или меньше, но для Маркуса он казался целой вечностью.

Выйдя из мертвых земель, к нему вернулась кипучая страсть и охота побеждать. В Данаре, однако, всё выглядело так, словно скоро с каждого бедняка соберут по монете на откуп от Дрекаваца. Между тем, сдаваться было некому. Дрекавац не примет их дара; у дьявола своя кровавая жатва. И те чудища, что он делает из людей, лишь подтверждают правоту взглядов рыцаря: «Насколько бессмысленной выглядит ненависть демона к человечеству!».

Нельзя сказать, что Дрекавац не из Абсолюта – боги бывают разными, и добрыми, и злыми. Сопротивляться божественной воле очень тяжело, но можно. Но ведь у бога есть идеал, то царство счастья, про которое Маркусу рассказывали в церкви добрые пастыри. А что за царство у Дрекаваца?

Отбирать чужие жизни, чтобы делать их безвольными куколками для кровавого театра?

Собирать, как косарь, души со всей земли, чтобы некогда цветущие сады превратилась в бесплодную пустошь?

Создавать страшные создания, в чьих глазах полно алого безумия, а конечности тела изуверски отравлены мертвым металлом?

Маркус страшно боялся участи рыцарей Данара, попов-

ших в ловушку Дрекаваца. Он не хотел быть рабом. Он не хотел быть слугой дьявола, возрожденным трупом из ада.

Всё происходящее в королевстве напоминало ему кипящую месть ребенка с очень маленьким сердцем. «Когда мы сражались против Верховного лорда тьмы, – вспоминал Маркус, – то понимали, что нас ждёт безвременье. Царствовать Верховный лорд над людьми не планировал. Наша земля для него была тюрьмой. Верховный лорд собирал приспешников, чтобы уничтожить наш мир. А Дрекавац? Что он преследует? Какого царства обрести желает? – Маркус прошелся по залу, рассматривая позолоченные витражи. Данар при Валуке превратился в греховную обитель роскоши. – Дрекавац алчет власти, как его предшественник? Но разве это власть, когда она калечит человека, делает из него чудовище без воли? У него не власть тогда, а смертewласть, порождение обезумевшего ума».

Большие двери зала величественно растворились. Четверо заглянули внутрь: обширный каменный трон по обе стороны окружали скамьи в три вертикальных ряда. Зал шолена был забит до основания, и оттуда несло потом, духотой и прочей нечистотой. Возле трона стоял человек в мехах, похоже, распорядитель собрания.

Маркус заметил, что некоторые из сидящих ещё совсем юны, а где-то мелькали и вовсе детские головки. «Их отцы и братья остались в развалинах Выша, и теперь им суждено править своими родами по старшинству», подумал рыцарь.

Весь цвет дворянства остался костями лежать в проклятом городе... Или не лежать, а ходить, бродить по королевским землям, опустошать их, убивать всё живое и уничтожать всё ценное.

К Маркусу подошел человек в меховой накидке, его лицо было крайне озабоченным.

– Должен исполнить волю верховного шолена Часлава, кого избрали час тому назад. Приглашаю вас на совет.

– Всех? – удивленный Маркус присвистнул.

«Ну и дела, неужто девы и женщины в придворных делах участвовать будут? – сказал себе рыцарь. – В гильдии магов так принято, потому что есть традиция. Но ведь в рыцарских традициях женщинам не положено участвовать в государственных делах, – Маркус, похоже, сильно запереживал, его смятение заметил человек в меховой накидке. – Не то, чтобы мне жалко, если Брассика и Атропа будут участвовать в совете знати... Это слишком необычно, это будоражит мой ум».

– Я догадываюсь, какие мысли вас в эту секунду посещают, – признался человек в меховой накидке. – Меня самого смущает приказ. Но воля верховного шолена в Данаре закон. Пожалуйте все.

Без поклона он отправился внутрь зала совета. Встав в середину просторной комнаты, Маркус сделал едва заметный кивок сначала для левых рядов, а затем для правых. После него зашел в зал Рудольф, далее Брассика, явно уверенная в

себе и не смущенная приглашением. Конец замыкала Атропа, демонстрировавшая всё больше неловкости с каждым новым шагом.

На скамьях зашевелился люд. Стало резко шумно, рой гудел. Совет шолена пытался взбунтовать.

– Тишина! Тишина! Ти-ши-на! – кричал человек в меховой накидке.

– Я чувствую себя неловко, – сказала Атропа Brassике. Они стояли за Маркусом, будто прикрываясь его спиной.

– Не волнуйся, сейчас успокоятся, – заверяла Brassика. – У мужей всякий раз истерика, когда мы занимаем равное с ними место.

Но успокаиваться никто не желал. Пошли в ход крики, вой, свист. Указательные пальцы, как стрелы, летели в женщин.

– Бабам не место на совете! – старческий плевок на пол говорил о полном пренебрежении присутствующими женщинами. Как быстро люди рыцарства забывают о кодексе чести, если им необходимо делиться властью!

– Великодушный господин и верховный шолен Часлав, – человек в меховой накидке сделал маленький поклон в сторону трона. – ваша воля является законом для всех данарцев, но должны ли мы рушить порядки, вечные в своей сущности?

– Такова моя воля, – повторил Часлав и поднял руку.

– Как вам будет угодно, – очередной поклон в сторону тро-

на.

Шум затих спустя минуту. Маркус разглядывал Часлава и поистине завидовал ему. Он даже стеснялся своих черных мыслей, потому что Часлав мыслился ему как его полный антипод. Маркусу приходилось выживать с детства, а Часлав умудрялся просто жить. Маркус пытался вырваться до титула солтыса или шолена, а Часлав им стал по воле фортуны, не прикладывая больших усилий.

И вот сейчас они встретились вновь. В первый раз их встреча была наполнена молодым гонором, вторая встреча оказалась проникнутой сочувствием, а третья встреча разделяет их церемониалом. Итак, Маркус, не раз оказывавшийся в шаге от смерти, должен преклонить колено перед новым верховным шоленом Данара, который час тому назад был точно таким же обыкновенным рыцарем, как и он сам.

– Мои гости обещали рассказать нам правду о событиях, что случились в нашем королевстве несколько дней тому назад, – сказал Часлав.

– А откуда нам знать, что они не соврут? – спросил старый мужчина в камзоле. Его лицо было покрыто глубокой оспиной.

– Они поклянутся на крови, разумеется.

Маркуса покоробила мысль резать оголенную руку женщины на совете. Смятение на его лице заметил и Часлав. Тогда шолен сказал:

– Ну, вы же хотите, чтобы вас выслушали? Высокие му-

жи, может быть, послушают рыцаря и священника, но вот к мнению остальных прислушиваться вряд ли будут... без весомого аргумента в их пользу.

Часлав разлегся на троне в ожидании. Весь благородный цвет Данара так же, как и верховный шолен, занял на скамьях выжидательную позу. Делать было нечего. Все вчетвером принялись резать палец с одного ножа, вежливо представленного всё тем же мужчиной в меховой накидке.

Этот ритуал угомонил самых вспылчивых.

– Доблестные мужи Данара, вы видели сами – они поклялись на крови, – Часлав словно повеселел от того, что ему пошли навстречу, согласившись на такую сделку. – Теперь вы можете рассказать свою историю.

Маркус выдвинулся вперед.

– Я буду краток. Маги из Эйны перед самым нападением на их гильдию отправили нас с особой миссией в развалины Выша, чтобы найти древний артефакт. По их задумке, этот предмет содержал в себе силу, необходимую для возрождения башен мистического пути во всём королевстве.

Дворяне на скамье закричали: «Так мы разрушили все башни в королевстве!»

– Зачем вы это сделали? – спросила Брассика. Толпа притихла и отвечать не собиралась, поэтому Маркус повторил вопрос.

– Вчера утром мы почувствовали землетрясение, – ответил Часлав. – Пока ревнители веры из духовного ордена та-

щили нас за шкуру в храмы, случилось то, что невозможно представить даже в самом страшном сне. Из потухших башен полезли металлические чудовища, внутри которых была самая настоящая человеческая плоть! Они резали всех без разбору, а некоторых крали и забирали с собой в башню. Чтобы остановить это безумие, я со своим отрядом верных рыцарей уничтожил все порталы в городе. Наш поступок оценили в других местах, а кто-то догадался сам, что нужно сделать. В общем, в землях Данара нет больше башен мистического пути, остались только порталы попроще, возникшие на пустом месте.

– А кто, простите, вас отправил на эту миссию? – спросил муж с оспенным лицом.

– Господин Ларс, директор гильдии магов в Эйне, – Брассика надеялась, что её будут слушать, но благородные мужи были непреклонны. На этот раз Маркус повторять слова не стал.

– И вам удалось достать артефакт? – Часлав посмотрел на Брассику.

– Нет, – ответила она.

– Как же? Что вам помешало?

– Валук ваш помешал.

В зале смятение.

– Так вы видели Валука? – аккуратно, стараясь тихонько поглядывать на Часлава спросил человек с оспенным лицом.

– Видели. Более того, мы его убили, – спокойно заявила

Брассика.

Зал взревел. Кто-то взялся за меч. Маркус немедленно встал перед бушующей толпой и девушкой.

Он кричал «Ускокойтесь, дайте ей договорить!», человек в меховой накидке отталкивал назад буйствующих, но в ответ в них летели разные предметы. Часлав ударил мечом в щит – предупреждение, что совет могут и разогнать, если не будет восстановлен порядок.

– Мы его убили, потому что он был заодно с Валуком! – крикнула Брассика.

– И какие у вас доказательства? Может, он жив ещё? – спросил Часлав.

Брассика молча бросила верховному шолену под ноги магический жезл. Часлав узнал его, не поднимая.

– Что ж... Раз рыцарь бросил свое оружие, то он уже труп. Неважно, жив ли на самом деле Валуки, бегство равносильно смерти.

Зал, однако, стал переговариваться шепотом. Маркус понял, что власть Часлава ещё не устоялась. Вполне могут заявиться другие претенденты на трон, а некоторые из данарцев думают, что скоро заявится сам Валуки. И вот тогда...

Юноша в красивом зелёном платье, подогнанном под его мелковатое тело, сошел со скамьи вниз. Распорядитель либо пропустил из виду его движение, либо предпочел проигнорировать добра ради. Часлав не высказался против, но в его глазах читалось недовольство: подперев кулаком голову, он

ожидал дальнейших событий. Белокурая голова с маленьким ртом очень хотела выглядеть воинственной.

Он подошел к четверым, пренебрежительно осмотрев их как следует, но свой взгляд остановил на Брассике. Их рост был почти одинаков, как и возраст. Юноша был чист, бледная кожа его не видела грязи, а короткий меч в ножнах сверкал и больше напоминал причудную игру оружейника, нежели средство для убийства врага.

– Вы убили верховного шолена Валука, остались без артефакта и прибежали к нам. Ради чего?

– Чтобы просить у вас помощи, – призналась Брассика.

– И вы думаете, мы поможем? – юноша обратился к благородным мужам. Скамья ответила отрицательно.

– У вас нет выбора, – сказала Брассика.

– Выбор есть всегда, – парировал юноша. – Это у черни нет выбора. Их удел – работать и жить ради нас, а ещё надеяться на милость благородных мужей.

«От Валука столько псарей наплодилось! – подумал Маркус, рассматривая юношу. – Этому мальчику следовало бы выйти за пределы крепостных стен. Придворный цветок, а не рыцарь. Ни добродетели, ни чести, одни претензии, разъедающие хрупкое тело».

– Мы уже победили двух слуг Дрекаваца, – сказала Брассика. – Королева-гоблинша пала первой, вторым стал ваш Валук-тиран, – она импульсивно двинулась к скамье, как бы нарочно толкнув плечом юношу. – Валук, который разогнал

гильдию магов Данара, потому что маги мешали ему править, Валук, кто превратил местную церковь в прислужников дьявола, золотосборщиков и сребролюбов, Валук, потравивший всех женщин в городе, от чего у вас даже в воображении не представляется, чтобы такие, как я, могли иметь голос и что-то решать.

Зал возмутился, но возмущение получилось неуверенным, быстро затихло. Маркус заметил, как напряглись некоторые из дворян.

– А что сделали вы, когда над королевством нависла мировая угроза? – продолжила атаковать Брассика. – Так, прислуживали своему тирану, да Дрекавацу, потому что ваш Валук был никем иным, как его вассалом. Да, вы же знали, что за Валуком кто-то стоит, да он и сам всё время кичился большими покровителями! И весь поход был не против него, а для него.

Зал притих. Кто-то на скамье сказал: «О чем она говорит?»

– Ты думай, что говоришь, – разозлился юноша. Его воротник словно оперился от гнева. – У меня там отец и старший брат остались.

– Так знай же, что существа, которые прямо сейчас вероломно нападают на наше королевство, раньше были людьми. И многие из этих чудовищ ваши отцы и братья.

В гробовой тишине зала Часлав взглядом задал Маркусу немой вопрос: «Это что, правда?». Маркус, пытаясь одно-

временно уловить ход мысли девушки, неуверенно кивнул.

– Так знайте же вы, благородные мужи, что нам пришлось пережить. Мы отправились в путешествие к королеве гоблинов, той самой, что погубила Выш; её мы взяли хитростью и соединением сил меча и заклинания. У нашей компании были различия, но мы их преодолели, – на этом слове она как-то проникновенно посмотрела на Маркуса, Атропу и Рудольфа; от взгляда у Маркуса засосало под ложечкой. – Мы не ссорились больше, не искали причин для ссоры, старались делиться всем нужным, были друг для друга верными компаньонами. В Данаре вы нас несправедливо задержали, и всё потому, что Валук боялся магии и женщин, и я очень удивлена, как вы ещё всех городских дам и крестьянок не сожгли на кострах. Ваш Валук нечестной сделкой отобрал мой трофей, выгнал из города и занялся подготовкой к походу на Выш. Город, который вам не принадлежит.

– Кому же он принадлежит в таком случае? – спросил Часлав.

– Им, – Брассика кивнула на Маркуса и Рудольфа. – Город Выш должен принадлежать его жителям, а не княжеству Данар.

– Какая-то ересь, – усомнившийся Часлав почесал затылок. – Так не бывает. Разве может быть город вольным?

– Ну вы же за столько лет отказались от власти в пользу Валука? – Брассика улыбнулась. – Я не жила в Данаре, но слухами королевство полнится. Да и повидала вживую я ва-

шего Валука. Его страсть к власти ни для кого не была секретом. Так что удивительно, как быстро вы смогли восстановить совет салтысов города. Подумайте сами: если владычество можно сосредоточить в одном человеке, то почему нельзя сделать обратное?

Мы убили Валука, потому что столкнулись с ним в башне магической гильдии Выша. И там был не только он, но и мой учитель Албин, а ещё данарские рыцари, фанатики из Тёмной церкви и гоблины.

В зале снова стало шумно.

– Это просто невозможно, – заявил толстый мужчина в самом нижнем ряду. Между ним и Маркусом стоял распорядитель, его бесцеремонно толкнули толстой лапой, чтобы не мешал обзору. – Эта девица рассказывает какие-то небывальицы!

Маркус видел, в каком смятении находятся благородные мужи. Хотя, какое в них благородство? Долгие годы они находились под воздействием яда Валука. Многие из них не были в бою, и вряд ли окажутся на поле битвы. Они темны, завистливы и трусливы, а ещё погрязли в глупостях, что мешают действовать во благо.

Маркуса внезапно осенило.

«А ведь Брассика права! – задумался он. – Когда мы действовали сообща, нам всё удавалось. Эти же рыцари да богатеи жалки одним своим видом, не говоря уже об их мыслях и речах. Они просто смешны. Что толку от их посиделок, они

ещё палец об палец не ударили ни для своего народа, ни для своего блага»

Эти мысли ободрили его.

– Верховный шолен, – обратился Маркус к человеку на троне. – За нами сила и знание. Они вам пригодятся для будущих сражений против Дрекаваца. Если вам угодно, мы готовы применить наши знания уже в самое ближайшее время. Уверен, враг не дремлет и готовит удар по Данару, вероятно, будет осада.

– Зачем ему осаждать город? Дозорные сообщают, что его чудовища остановились в землях Выша и на юг не продвигаются.

– Собирают все силы для удара, – ответил Маркус. – Внезапным нападением взять города не удалось. Теперь Дрекавацу остается полагаться на тяжелую мощь и натиск.

Часлав смутился. Возможно, он и правда поверил в слова Маркуса, либо сам догадывался о таких планах Дрекаваца.

– Я принимаю вашу помощь, – зал отреагировал гудом. – Вы будете нашими друзьями в Данаре. Вы под моей защитой и никто не вправе вас трогать. Располагайтесь в замке.

Никто из благородных мужей не пожелал опротестовать решение Часлава. До чего же послушные салтысы, подумал Маркус.

– Благодарю, – легкий поклон рыцаря для всей присутствующей знати означал, что уговор приобрел силу.

– Боюсь, что мы у вас задержимся совсем ненадолго, –

сказала Брассика. Она сделала легкий, но изящный поклон, и её отросшие тёмные локоны закрутились на воздухе.

Совет салтысов закончился к вечеру. Маркус и остальные ушли под взоры озабоченных лиц, и даже юноше в зелёном платье пришлось если не признать их равными себе, то хотя бы занять каплю уважения к ним.

У Часлава было преимущество перед салтысами. Валук вышколил своих слуг: они любому человеку будут прислуживать, как своей нужнейшей прихоти. Двор принадлежит Чаславу, к тому же его фигуру, похоже, избрали компромиссным вариантом. Все прочие кандидаты были слишком ревнивы к самоличной власти.

Но время против Часлава. Если не будет решительных побед, его свергнут. И тогда им тоже придется несладко. Можно только представить, что сделает с ними этот малолетний сноб, если его изберут следующим верховным шоленом.

Часлав зашел к вечеру в выделенную для его друзей палату. Брассика ушла спать, а Рудольф с Атропой занялись хозяйственными делами – проверяли оставшиеся у них припасы.

– Как быстро вы вознеслись, – Маркус вежливо улыбнулся шолену. Тот в ответ вяло отмахнулся.

– Мы равные друг другу. Оба из рыцарского звания. Мы понимаем одинаково этот мир.

– На совете ты важничал, – заметил Маркус.

– Это всё игра. Не я придумал эти правила. Если слишком различаться от салтысов, тебя не полюбят и не примут.

– Ох уж эти игры за власть, – Маркус хохотнул.

– У меня плохая новость, – сказал Часлав. – Вы оказались правы. Дозорные сообщают, что Дрекавац планирует осадить Данар – в нашу сторону двинулись большие скопления врага. В совете салтысов нет единого мнения. Некоторые хотят сбежать, кто-то предлагает откупиться. Я кое-как их убедил, что с вами мы отстоим свою свободу. Но чтобы пойти в поход – к этому они не готовы.

– Скажи им, что после провала осады потребуется атаковать логово демона. Иначе они будут хоронить отцов и сыновей каждый месяц.

Часлав наклонил голову. На нём всё ещё было дорогое одеяние шолена.

– А ты веришь? – спросил он с сомнением.

– Верю в кого?

– В нас. В наш успех. Нас осталось так мало – войско Валука было отборным. Здесь осталось не так много мужчин. Положим, помогли бы люди из Эйны... А если не помогут?

– Я выбираю сражаться, – ответил Маркус после недолгого раздумья.

Глава 18

Два дня передышки – ровно столько дал дьявол перед тем, чтобы вернуться с новыми силами. Известие о наступлении тьмы с севера пришло ранним утром. Атаки на поселения ужесточились.

В город тотчас хлынули беженцы.

Между тем, Атропа перестала участвовать в общих делах. Она ходила вдоль крепостных стен, наблюдала за остальными и почти ни с кем не общалась; изредка обменивалась репликами с Маркусом, которому салтысы города передавали всё больше и больше полномочий для подготовки обороны. Видимо, среди данарцев пополз слух о «великих воинах Выша», которые успешно сражались с приспешниками Дрекаваца. Ну и Часлав с салтысами, чтобы закрепиться получше во власти, позволили гулять слухам по городу.

Для людей Атропа оставалась чужачкой. Она замечала косые взгляды и перешептывания, и это угнетало её не меньше, чем владычество Дрекаваца в северных землях. Если Маркуса приняли охотно, а Рудольфа с некоторым почтением (и подозрением – священная братия знала о его отлучении), то Брассику слушали только из уважения к её заслугам, но исполняли приказы только после их повторения Маркусом. Что до Атропы, то её, как остроухую, желали куда-нибудь изгнать или просто игнорировали её присутствие. Ей не по-

казывали ни знаков внимания, ни почтения, несмотря на то, что Маркус попробовал на словах доказать её дворянское происхождение. Всё было тщетно, потому что кто-то узнал о том, что она не из человеческого рода.

«Вот живешь с ними, воюешь бок о бок за наших детей, отстаиваешь их право на земли, когда-то украденные у моего народа, а они ещё нос воротят, – сокрушалась остроухая. – Единственное, что меня сближает сейчас с ними – это готовность сражаться за жизнь и будущее, готовность надрать морду этому Дрекавацу. Людям страсть как хочется жить, – она поводила веткой по воде в бочке. Рябь разошлась по холодной синеве. – Ну конечно им хочется так жить. Их век совсем короток. Будь у них столько времени на жизнь, сколько есть у нас, глядишь, и поспокойнее были».

Она глубоко вздохнула. Утренний холод заставлял её сжиматься в своей одежде. Солнце почти не грело, а с севера тянуло тучи пыли и пепла. Гора скрылась в дыму. Никаких вестей из северных земель не приходило. Во всяком случае, добрых точно.

Могло показаться, что наступает конец света.

В осеннем дворике зябли кусты розы. Атропа подошла к одному из них: «Спи сладким сном, золото земных созвездий». В землях Данара ещё текуча жизнь, ещё слышен голос птицы и виден шаг человека.

Ей было известно, что в землях Эйны, где находились её дети, тоже беспокойно. Она имела только отрывочные све-

дения от крестьян и купцов, прибывших в Данар за спасением. От гильдии магов Эйны мало что осталось, но Атропа надеялась на способности директора Ларса и его ближайших соратников. В конце концов, если не выжил даже он, то о своих детях она может забыть навсегда. Будут Лука и Люба жить вечно в стеклянном шаре, на попечении у престарелого гоблина...

Как только дьявол приступил к воплощению своих планов, мистический путь в королевстве вновь заработал. Однако им стали пользоваться его детища: уродливые, искалеченные, беспощадные и бездумные нелюди. Люди предпочли уничтожить все башни мистического пути, чтобы остановить шествие ада на земле. Из-за этого быстро посетить Эйну не получится.

Атропа пыталась придумать название чудовищам, и ничего, кроме древних сказок про машину на ум не приходило. Только машина способна убивать всё подряд, не задумываясь о пользе или вреде, не сверяясь с благочестием или велением сердца.

Сделав несколько кругов в осеннем саду, Атропа направилась к своим друзьям. Она хотела попрощаться. Ей было тяжело здесь находиться. Да, это и её война тоже, но не в их рядах.

В замке вовсю шли приготовления к будущей осаде. Свозились припасы, готовились ловушки, формировалось ополчение. Атропа отправилась в арсенал, где Маркус проверял

рыцарское снаряжение перед боем.

– Несите сюда масло! – оружейники разносили на стены чаны для варки. Кипящее масло выльется на врага, как только он к ним подступит. Против созданий Дрекаваца решили использовать те же средства, что используются против осадной людской армии.

– Атропа? Ты иди сюда, разговор имеется, – Маркус, стоявший в латах, подозвал её. – А чего как не родная? Куда подевалась? Я всё утро тебя искал. Ты в последнее время совсем не своя. Заболела, небось?

– Ходила подышать воздухом, сынок, – Атропа примирительно сложила руки книзу живота. Этот жест она запомнила, когда увидела данарских придворных дам. В голове не укладывалось, как признаться в своем желании уйти. Маркус хмыкнул.

– Болеть запрещаю. Уже сегодня состоится первый бой. Сходи к лекарю или Брассике, вдруг есть нужное зелье. Кстати, пришло письмо из Эйны, – в руке Маркуса показался тонкий свиток. – Эйнцы заявляют, что готовы прийти на помощь Данару, и первые отряды направились в Данар. Мы не одни на этом свете!

– Было ли что-нибудь про гильдию магов? Про Ларса?

– Нет, – ответил Маркус.

– Маркус, я хотела вам сказать, что...

– погоди, мне нужно показать кое-что.

На стол выложили по-простому нарисованную карту. По-

хоже, это и есть тот самый план с обороной Данара. Отчетливо выделили три круга, один больше другого. В первом кругу находился замок шолена, во втором кругу сам город, укрытый крепостной стеной. Третий круг – вал и спешно выстроенные земляные стены. Вал укреплен рвом, куда уже льется вода из запруженной реки.

– Мы продержимся весь день, а после либо придет помощь от Эйны, либо будем стоять до конца.

– До последнего бойца, вернее, – мысль о самоубийственной защите города напрягала Атропу.

– Ой, ну давай без горечи? Первая оборона Данара оказалась успешной. Чем будет хуже эта? Со всеми управимся!

– Маркус, это была попытка взять людей наскоком. Разве дьявол будет тратить силы впустую? На то черти и хитрые, чтобы поработать ловко.

– А мы отобьемся смекалкой. Если устоим, то пойдем освобождать Выш.

– Опять?

– Ну да, – Маркус посмеялся над тем, что им предстоит в третий раз идти в Выш. – А что нам остается? Враг не оставит нас в покое. Дрекавац засел где-то на севере, туда лежит наша дорога.

– Я хотела сказать... – Атропа собрала волю в кулак. Рыцарь, однако, всё никак не унимался.

– Наверняка у железных демонов есть уязвимые места. Вот, например, плоть. Она же горит? Магия огня сейчас бы

не помешала! Жаль, что Брассика у нас владеет только магией костей.

– И магией алхимии, – уточнила Атропа. – Слушай, тут такое дело...

– Ну да, точно. А кислота ведь тоже против плоти хороша? Правда, Рудольф говорил, что оскверненные тела следует предать огню, а насчет кислоты он ничего не сказал. Дрекавац может выставить против нас что-нибудь пострашнее, чем этих механоидов на металлическом шаре. Ты могла бы отправиться в разведку? Я выделю тебе отряд из лучших бойцов.

– Да я уйти хочу!

– Куда же? – удивленно спросил Маркус.

– Да куда глаза глядят. Заберу детей, возьму вещи и спрячусь на южных островах.

В арсенале повисла тишина.

– Чего? – Маркус приблизился к Атропе. – Мать, а как же мы? А как же все эти люди? Ведь мы нуждаемся в каждом!

– А ничего, – скрыла свой взгляд Атропа. – Хватит с меня, думаю.

– Ну дела... – Маркус вытер пот со лба. Рухнув на скамью, он принялся в волнении растирать кулаки. Атропа присела рядом.

– Знаешь, я долго думала, сколько ещё с вами пробыть. Думала, думала да ничего не придумала. Хожу тут, как неприкаянная. Все от меня открещиваются, словно я чума

или сколопендра. Верят, будто остроухие служат Дрекавацу. А ты ж знаешь, что я не такая. Я доброе существо. Мне много не надо, у меня дети и свой двор. Почему ваши люди не могут понять, что моя оплата в этой истории самая дорогая в моей жизни?

– Потому что люди эгоисты, – признался Маркус. – Но и мы немало оставили на алтаре свободы...

Атропа горько усмехнулась: «А мой народ и вовсе исчез, даже весточку не послал».

Маркус постучал каблуком по каменному полу.

– Ну, знаешь, повод для того, чтобы ваш народ пришел на помощь... Сложно себе представить такое. – Он взял за руку Атропу. – Ну что, мать? Значит, пора прощаться?

Атропа молчала. Тонкий сквозняк продувал погребы. Сталь клинков блестела. Колчаны со стрелами висели на крючках. Мимо пробежал оруженосец, с напряжением перенося доспехи наверх.

По-видимому, Маркус прочитал сомнение в глазах остроухой, и решился переубедить.

– Атропа, мне нужна твоя помощь...

– Атропа, мне нужна твоя помощь, – шутливо передразнила остроухая.

– Я могу взять с тебя клятву? Помогии отстоять Данар, а потом, когда бой утихнет, я отпущу тебя?

– Да зачем мне это?..

Взволнованная Атропа направилась к выходу, следом за

ней пошел Маркус в явном смятении. Больше всего ей не хотелось не давать никаких клятв. Рыцарь сзади что-то горячо говорил, что-то похожее на убедительную правду и эмоциональный призыв, но Атропа слушать не хотела и пыталась найти способ сбежать от всего. Она не хотела себя винить в подлости, не хотела искать оправданий своему поведению, не хотела быть обвиняемой в предательстве. Всё, чего она хотела сейчас – это вернуться домой.

Оказавшись в розовом саду, они поднялись на стену. Атропе предстал вид осеннего Данара, в котором кипела работа: улочки перекрывались, на стенах зажигали костры и варили масло, возле бойниц оставляли колчаны со стрелами; поток людей шел через центральные ворота, и все непременно несли с собой скарб, а стража подгоняла зазевавшихся.

– Я не буду просить у тебя клятвы, Атропа. Но прошу тебя остаться ещё чуть-чуть. Ещё один бой.

– Сколько мы уже в походе? – на Маркуса уставились недовольные глаза. – Сколько дней я ещё не смогу побыть с детьми? И сколько дней простаивает таверна? Какая-то бесконечная война. Тех денег, что заработала за поход, едва ли хватит на приведение хозяйства в порядок. А если таверну разорили? А чем кормить детей? Себя в неволю продавать?

– Если у нас всё получится, я лично вручу тебе дарственную на новую таверну в Выше. Самую лучшую, в самом живописном месте.

– Так дела не делаются... – Атропа отвернулась. – Словно

я наемница какая-то.

– Но тебя же беспокоит благосостояние в будущем. Мать, ты чего? Я же предлагаю конкретное решение! Всем нужна награда за великие труды. Но если мы проиграем, то не будет не только Данара, и твоей таверны не будет, и всё королевство отправится в ад.

Атропа, не дав никакого ответа, развернулась и пошла в город.

– Да где же лучники? – салтыс с повязкой на голове сбросил бутылку с кислотой на машину. Механоид карабкался по стене, и разбившаяся на его теле жидкость зашипела, разрывая плоть и детали. Со свистом существо рухнуло на камни.

Сразу же принялось карабкаться новая машина. Салтыс вновь спросил, как ему ответил один из рыцарей.

– Прибыли! – десять лучников из ополчения и правда расположились на стене. Зажжённые стрелы полетели в железных птиц.

Атропа двигалась по улице, наполненной ранеными и убитыми. Первая атака случилась внезапно: остроухая, ещё не успев собрать все вещи, услышала крики на улице. Машины проникли через прорытый тоннель, минуя все оборонительные укрепления, созданные в последние дни. Механический червь кромсал землю, обрушил приземистый амбар и вышел у восточного моста; сено разлетелось в стороны, камни падали на головы застигнутых врасплох горожан, ме-

ханоиды выползли и на ходу резали всех, кого обнаружили.

Она не видела себя в сражении. Пытаясь скрыться в тени домов, вместе с котомкой она проложила путь через Южные ворота, но к тому моменту их, как и все остальные, наглухо перекрыли. Оставался путь через канализацию.

Атропа в спешке направилась к клоачному каналу. Люди пихали и толкали её – все бежали в противоположном направлении, подальше от стен и окраинных улиц, к замку, где ещё мерцала надежда на выживание.

С неба спикировал металлический орёл. Пернатое создание оторвало руку одному из рыцарей, и Атропа в ужасе прижалась к стене дома.

– Лучники! Огонь по птицам! – салтыс рубанул мечом по пикировавшему на него орлу, продрав тому брюхо.

В небе смешались огонь, металл и тяжелый запах копченной плоти. Черная сажа падала от горящих машин. Салтыс спустился вниз, чтобы затворить вход в канал.

– Нет! Погоди, милоч, мне нужно туда.

Салтыс ударил кольчужной рукавицей по лбу остроухой.

– Тебе жить надоело, что ли? Беги отсюда, бабуля, пока эти черти тебя прямо тут не растерзали.

Атропа попыталась пройти внутрь, но салтыс полностью перегородил ей дорогу.

– Так ты уходишь? Это правда? – женский голос позади остроухой показался разочарованным.

Брассика стояла в новой кожаной куртке, с поясом из зе-

лий и всё тем же жезлом со змеей в наверхшии.

– Правда.

Брассика нахмурилась: «Я провожу её. Мне всё равно тоннель взрывать»

Салтыс покорно пропустил обеих. Дверь за ними закрылась.

– Ты могла не провожать меня, – недовольно сказала Атропа.

– Да брось, – в руке Брассики загорелся факел. – Не первый день знакомы.

Двигаясь в молчании, Атропа сердцем испытывала страшное тяготение. Каменные своды тоннеля словно нарочно давили на её разум. Она не выдержала и намеренно вступила в перепалку.

– Ой, вот зачем мне эта жалость?

– О чем ты? – спросила Брассика.

– Ты для чего пошла со мной сейчас? Чтоб сгладить мою вину? Или упрекнуть в чем-то? – Атропа от волнения поперхнулась.

– И мысли не было... Мне нужно перекрыть вход, чтобы механоиды не проникли в город.

– Ну-ну, конечно.

Брассика резко остановилась. Теперь и у неё в свете факельного огня виднелось рассерженное лицо.

– Да что с тобой? Хоть бы кто тебя попрекнул за то, что ты решила уйти. Хоть ты и не попрощалась, но мы всё поняли.

Просто я не поверила, будто ты так легко можешь сбежать.

– Вот этот вот тон, ага-ага, такой назидательный и осуждающий! Вы все такие умные, а побыли бы в моей шкуре, так соловьем запелись!

– Ты сама всё придумала. Мы тоже многим пожертвовали.

– Да чем?

– Я могла быть тихоней и спокойно выслужиться до кафедры профессора в гильдии магов, – Брассика грозно наклонилась над Атропой. Остроухая заметила, что девушка будто стала выше ростом. – И печали б не знала! А теперь меня гильдия обвинила в воровстве и бог знает каких ещё преступлениях. Ты точно уверена, что одна всё потеряла? А Маркус и Рудольф? У них родного дома нет. Их город спалили к чертям, а потом ещё дьявольское отродье пришлось по руинам. Вместо Выша одна гигантская яма! У Маркуса нет ни жены, ни детей, а Рудольфа при всех чудачествах нечестным способом лишили общения с прихожанами, отобрали сан, и невесть на сколько лет. Не ты одна пожертвовала. Твои дети в безопасности у Ларса, сильнейшего мага в королевстве, а таверна – это просто камень и дерево, да впитавший пиво стол. Отстроила бы ещё одну!

Брассика запыхалась от быстрой речи. Она нервно шла вперёд, но спустя минуту развернулась и ткнула пальцем в Атропу.

– И да, мы в обиде. После стольких путешествий, после стольких битв ты внезапно для себя решила сбежать в тень

– когда всё поставлено на кон? Да, я знаю, что ты умеешь уходить в тень, – Брассика повторила полный укоризны тычок в грудь. – Всё-таки книги читала. Остроухие для меня не такая загадка, как для остальных. Мы же верили, что наше братство крепко, и черт бы с золотом и серебром. Как будто деньги решают! Да я ради вас добуду что-нибудь более дорогое, чем оплата монетой.

И тут Атропа заплакала. Через всхлип она пыталась донести до Брассики мысль, что ей, уже почти старой бабке, следовало сидеть дома и сторожить своих детей, но судьба велела отправиться героизировать. Всё это было для неё чуждо изначально, всё это вызывало в ней страх, и особенный страх появился от мысли, что она может потерять кого-нибудь из компании новообретенных друзей; поток событий унёс её слишком далеко, всё время требовалось действие и на раздумья не находилось момента; лишь сейчас показалось, по её мнению, окно, через которое можно вернуться обратно, в старую жизнь, полную тишины, покоя и размеренности.

Атропа плакала, вместе с ней уронила слёзы девушка, и так они простояли минут пять, то всхлипывая, то обнимая друг друга.

– Если я так нужна вам, то останусь. Я просто испугалась. Я же не героиня. Я простая баба, буду честной. Моя жизнь – только дети и постоянный двор для гостей и путешественников, – сказала она, заканчивая утирать влагу с щёк.

– Ты нам нужна. Пожалуйста, останься с нами хотя бы в Данаре. А потом мы что-нибудь придумаем.

Женщины пошли вперёд, и Брассика пыталась приободрить свою спутницу: «Я поняла тебя. Дети тебе дороже всего на свете. Помоги мне разложить ловушки в тоннеле, а потом отправимся к Маркусу».

Посторонний звук резко встревожил Атропу. Уши отчетливо слышали топот. «Стой. Кто-то идёт к нам с той стороны», – заявила она, взяв топор в обе руки.

– Мы опоздали. Придется обвалить тоннель здесь, – Брассика попробовала пройти дальше, как мимо неё во тьме скользнуло по камню костяное копьё. – Берегись!

Вслед за первым копьём прилетело ещё несколько. Одно из них лопнуло в полёте, покрыв осколками Атропу. Остроухая опрокинула попавшуюся рядом бочку, сняла с неё крышку и в оборонительной позе медленно попятилась назад.

– Уходим!

– Нет, мне нужно завалить ход, – отвергла Брассика.

– Так обвали перед выходом.

– Нужно, чтобы обрушилась большая часть тоннеля, – Брассика метнула бутылку куда-то вглубь тьмы. Из черноты слышалась грубая гоблинская брань.

Они пятились с черепашьей скоростью, отбиваясь от копий и черепов. Брассика кидала по одному бутылю через каждые два десятка шагов. Гоблины напирали числом и зло-

бой.

Под самый конец тоннеля свет факела показал двух гоблинш-амазонок. Позади них толпа остановилась выжидающе наблюдала.

– Что это с ними? – кивнула на гоблинов Атропа. – Чего эти черти остановились?

– Нас призывают к бою?

Обе амазонки-гоблинши, покрытые татуировками, явно вели карательную орду внутрь осадного замка. Одна из гоблинш была выше, а вторая заметно ниже ростом. Грубые волосы обе связали в пучок, костяные серьги-талисманы шевелились в ушах. Брассике осталось бросить последний бутыль, рука её потянулась к нагрудному поясу, но гоблинша-переросток ответила ей тем же жестом. Атропа выставила вперёд топор, и гоблинша-низкорослик поступила аналогично, направив костяную булаву острием в её сторону.

Гоблины загоготали. Каждый жест Брассики и Атропы повторялся почти точь-в-точь. Брассика метнула костяное копье – точно такое же полетело и в неё. Атропа попробовала замахнуться топором, и низкорослик приготовилась сделать так же, как и остроухая. С каждым повторением жеста гоблинши приближались понемногу к женщинам.

– Мне нет времени до игр! – разозлившаяся Брассика при помощи жезла метнула струю зелёной кислоты. Гоблинша-переросток молниеносно призвала зеркало Венеры. Кислота брызгами полетела на стены.

– Дьявольщина! – закричала магиня.

– Смерть! Смерть! Смерть! – ответили заливающиеся хохотом гоблины.

– Brassика, девочка ты наша, выпей-ка зелья! – крикнула Атропа. Её деревянный импровизированный щит вот-вот мог расколоться от костяных копий. – Пора бы пошалить!

– Да нет у меня зелий! В Данаре их не варят, – Brassика метнула ещё одну струю кислоты, и снова без успешного попадания. – Ай, да чёрт с вами. Горите в аду, поганые твари!

Brassика метнула в амазонок последний бутыль. Одна из гоблинш юрко подхватила стекляшку. Затем магиня прочла заклинание магии костей. Ветер в тоннеле вскружился, собрал все черепа, кости и осколки, превратился в небольшой вихрь, движущийся к гоблинам.

– Беги без оглядки! – Brassика помчалась к выходу, словно отчаянная.

Атропа успела увидеть, как вихрь уронил гоблиншу, и её грузное тело при падении разбило бутыль. Тут же произошел громкий взрыв, сотрясший каменный свод. Остроухая бросила щит и побежала во мраке. Путеводной звездой ей служил мерцающий факел, быстро исчезающий за поворотом.

Вслед за первым взрывом слышались и другие, и вскоре посыпался весь тоннель, повалилась земля кусками на пол. Камни били сверху по плечам и макушке, и казалось, что Атропа никогда ещё так быстро не бегала от смерти. Пыль залезла в глаза, нос и уши, а потом сознание остроухой вне-

запно сомкнуло белой молнией...

Глава 19

– Командующий, первая линия прорвана! – салтыс Стефан выглядел разбитым. Маркус приказал ему отправиться к лекарю, но рыцарь не подчинился. – Я только что оттуда. С воздуха нас атакуют железные птицы.

– Пусть лучники займутся птицами. Где командир Брассика? – спросил Маркус.

Ему показалось, что лицо салтыса пожелтело от того, что женщину назвали командиром. Тем не менее, Стефан доложил, как Брассика проникла в канализацию для подрыва.

– Добро. Первую линию пробили только в одном месте?

– Больше прорывов я не видел.

– А стена? Она цела?

– Цела.

– Отправьте отряд с Лукой. Пусть люди Луки перекроют лаз. Бомбы приготовила Брассика – знаете, где искать?

– Да знать-то знаем, господин! – Стефан пожал плечами в непонимании. – Но как я отправлю Луку на прорыв, когда он нужен у Гончарной улице? Вы же сами приказали ему держать оборону на западном фланге.

– Отправьте отряд к месту прорыва, – повторил Маркус. – Завалите лаз. Если прорвут вторую линию, последней преградой для них останется этот замок.

Стефан ещё раз пожал плечами, развернулся и пошел ис-

полнил приказ. Старый, опытный воин, знавший цену дисциплине салтыс более всего подходил на должность командующего обороной, подумал Маркус. Мало ли что случится...

Сидевший за столом бледнолицый Марик, вдыхая ладан, решился высказаться о сражении.

– Скажите, достопочтенный Маркус из Эйны, а скоро ли придет войско из вашего города?

– Скоро, – соврал он. Ему не понравилось, что его считают рыцарем из Эйны.

– Поторопились бы ваши эйнцы. Дьявольские отродья окружили город.

«Ну хоть бы ты палец об палец ударил, святоша», – подумал Маркус, не глядя на епископа.

Часлав в полном снаряжении готовился возглавить конницу. С его подачи летучую кавалерию приспособили для быстрой атаки и усиления ослабленных позиций в местах прорыва. Специальные проходы между улицами, сделанные при возведении баррикад, позволят Чаславу быстро и незаметно перемещаться по городу.

Маркус и члены совета предлагали Чаславу не принимать участия в бою, оставаясь в центральной башне под присмотром шоленской отборной стражи; в ответ на это предложение верховный шолен громко рассмеялся и надел рогатый шлем в знак презрения. Пока ещё остается рыцарем, сказал себе Маркус. Некоторые салтысы решились отправиться в бой, но

большая часть укрылась в шоленском замке, отсиживаясь в самой крепкой башне.

Уже несколько часов машины бились об горящий вал и мощные укрытия. Первая линия, за исключением того, что металлический червь прорвался внутрь Данара, успешно держала натиск врага. Если прорытый тоннель перекроют, считал Маркус, целостность крепости будет восстановлена.

Никто не знал, ради чего напал Дрекавац на город, ибо дьявол не огласил своих планов и требований. Маркусу это показалось нормальным, а Рудольфу и священникам представилось как нечто демоническое и сакральное. Никто ничего не знает. Или никто ничего не понял.

– А если вторая линия будет прорвана? – вопрос задал Марик. Он облачился в яркую священную мантию, словно золото, серебро и драгоценный камень уберегут его от пронзающего вражеского клинка.

– Все силы нужно прилагать для того, чтобы этого не случилось.

– И всё же...

– Я сделал всё, чтобы враг остановился на второй линии. Третья линия – это мы с вами в замке. Чем дальше враг от замка, тем безопаснее городу.

– Если Данар падет, то все данарцы отправятся прислуживать Дрекавацу, – сказал Часлав. – Не сидите без дела, мой вам совет.

– Боги милостивые, помогите нам, рабам грешным! –

яростно взмолился к потолку Марик. Ладан возле него сучился, собрался в одну большую белую тучу.

Рыцарю стало тошно смотреть на показную мистерию. Часлав, не обращая внимание на истошно молящегося, бесцеремонно оттолкнул человека с пути.

– Я отправляюсь к главным воротам, буду держать оборону, – сказал он. – Сигнальте рогом, когда понадобится моя помощь.

– Держитесь дружно, – пожелал Маркус.

– Буду быстр! – Часлав вышел вместе с сотней конников наружу.

В часовой башне лучников почти не осталось. Половину из них пожрали железные птицы, оставшиеся спустились внутрь и от страха заперлись в подвале. Тогда чудовища рванули к северному мосту, где стоял отряд Стефана и преграждал путь механоидам.

Ворота были сломаны, тараном шла орда механоидов.

Маркус приказал лить масло на приспешников Дрекаваца, даже если оно не успело вскипеть. Неуклюжий враг – безоружный враг. Этим преимуществом пользовались рыцари, сносившие конечности распластавшимся на земле механоидам.

Но железные птицы вызвали сумятицу в рядах. Марик, надышавшись ладаном, снова и снова задавал вопросы, когда будет подмога и как скоро снимут осаду, но Маркус лишь

отнекивался или молчал; епископ молился, трясся в изнеможении, искоса поглядывая на улицу, ревущую от боя. Заметно нервничала знать.

– Вам бы не было повода бояться, будь вы внизу сейчас, – заметил Маркус. – Сидите здесь, как трусы, сторожите тронный зал.

– Мы берём пример с вас, господин Маркус, – парировал юноша в зелёном платье. Он не сменил одежду на доспехи, сидел за столом и томным взглядом покрывал зал. Слуга подливал ему в серебряный кубок.

– Если ситуация ухудшится, мой рыцарский долг присутствовать на поле боя, господин Радимир.

– О, вот как, – юноша взглянул внутрь бокала. – Что ж, буду знать. Давайте надеяться на то, что вам не придется обнажать свой меч. Ваши таланты определенно нужны здесь.

С восточных стен дважды протрубили.

– И там прорыв! – распорядитель указал пальцем на горящую башню.

– Как же так? – показательно возмутился юный Радимир.

«Прекрасный шанс сбежать из этого проклятого логова!», – подумал Маркус, надевая шлем.

– Уже уходите? – продолжал насмехаться Радимир. – Не забудьте, что на восточных стенах, ик, прорыв. Примените свои таланты.

– Маркус, возьми меня с собой, – Рудольф был настроен воинственно. Его серебряный молот, потертый от последних

бить, грозно лежал на плече священника.

– Ожидай здесь. Тебе предстоит командовать ополчением. Если мы начнем отступать к третьей линии, ты обязан выручить нас.

– Ясно.

– Томислав, подайте знак Чаславу, пусть отправляется к восточным вратам.

Распорядитель совета задул в рог.

Маркус осмотрел три места прорыва с холма. Главные ворота ещё держались, но западные уже горели. На востоке ворота снесли подчистую. Лаз, созданный металлическим червем, был перекрыт Стефаном. Вместе с Маркусом он направлялся восстанавливать оборону восточной части Данара.

– Вы не видели Брассику? – Маркус опасался, что ей нужна помощь.

– Нет, – Стефан пожал одним плечом. Правое у него было растерзанным после атаки железной птицы.

– И всё же, отправляйтесь к лекарю. С такой раной тяжело сражаться. Истечете кровью.

– Нет, – салтыс ответил столь невозмутимо, что у Маркуса не осталось причин его останавливать.

Оруженосец перевязал раны, предварительно прижигая их каленым ножом. Стефан на боль не жаловался и не кричал – только плакал крупной слезой.

– Как зря, что вы погнали всех магов из Данара. Будь здесь

колдуны, нам бы не было так тяжело, – сказал Маркус.

– Господин, так это не мы выгнали, а Валук.

– С вашего попустительства. В Данаре не осталось ни одной ученой души.

– Тогда нам казалось, что это правое дело.

Маркус дернул себя за рыжий ус.

– Ну, салтыс, а сейчас ты тоже так считаешь?

Стефан пожал плечом.

– Нет, наверное. Все мы считали, что Валук не допускает ошибок. Он у нас голова, говорили мы.

Огненные хлопья от сбитых железных птиц падали на черепичные крыши. Там, где дерево преобладало в строении, зажигалось сильное пламя. Город в нескольких местах дымил. Через пролом в стене прошел гигантский паук.

– Эка штука! И что мы будем делать? – спросил салтыс.

– Найдите Брассику. Отправляйтесь сейчас же.

Уже вскоре защитники Данара поняли, что имеют дело не с простым гигантским чудовищем – Паук обладал магическими свойствами и совсем не получал урона. Всякий раз, когда по нему кто-нибудь наносил удар, он тотчас укрывался зеркалом Венеры. Тонкий розовый луч света из его жал поджигал всех, кто попадал под него.

Многие рыцари и ополченцы, потеряв самообладание, побежали к стенам второй линии.

Маркус вел в бой лучников и арбалетчиков. Стрелы и

болты не пробивали зеркало Венеры, но рыцарь требовал стрелять непрерывно. Паук игнорировал стреляющих, явно имея цель пробить последнюю преграду перед шоленским замком. Железные птицы окружили чудовище, не подпуская никого слишком близко.

Прибывший Часлав с конницей предложил использовать бомбы, приготовленные Брассикой перед сражением. Маркус посчитал, что следует отвлечь и задержать паука, пока с ним не разберется самостоятельно маг. Часлав согласился с этим.

– А что же делать с западной стеной? – Лука всматривался на горящий запад города, указывая на пожарища. – Раз, два, три, четыре... Семь пожарищ! Им нужна помощь.

«Всё идёт не по плану, – подумал Маркус. – Я хотел удержать основные силы от боя как можно дольше. Ещё не задействовано войско салтыса Радимира, стоящее в замке и состоящее из крепких рыцарей-латников; стоит ополчение, собранное наспех из горожан и крестьян, вооруженное чем попало. Видимо, придётся пойти на жертвенный шаг»

– Дьявол! Отправьте чернь на подмогу к салтысу Дамиру.

– Но это же крестьяне с вилами, – возмутился Часлав.

– Это лучше, чем ничего.

– Это пустая трата крови, Маркус. Чернь не отстоит западный фланг.

– Я хочу сохранить как можно больше основных сил перед генеральным сражением.

Часлав хлопнул рукавицами.

– Оглядись! Уже! Идёт! Вовсю!

– Отправляйте ополченцев на запад, – Маркус грозно смотрел на Луку, но тот явно метался между командующим обороной и верховным шоленом.

– Я человек со старой душой... – промямлил он, подергивая себя за белую бороду. – Решите уже, наконец, молодые-знатные, что мне делать.

– Отправляй ополчение на запад.

– Маркус! – Часлав испытывал сильное раздражение. – Пусть войско с Радимиром идет защищать запад.

– Да твой Радмир даже доспехи не надел. Мальчишка не хочет сражаться за город. Чем тебе так не угодил этот знатный дурак?

Сверху спикировали железные птицы. Лучники и арбалетчики пустили разом сноп стрел и болтов. Большая часть птиц повалилась намертво, но две самые юркие сорвали одного рыцаря с лошади и потащили за пределы города.

– Мы теряем время, – сказал Маркус. – Я здесь командующий обороной, вы сами дали мне такую власть. Потеряем западный фланг – бросим город вплоть до берега реки. Лука, отправьте сигнал Рудольфу, пусть идет оборонять западный фланг.

«Пош-ш-шла!», – Часлав в ярости погнал коня к чудовищному пауку.

Когда стена второй линии обвалилась, Маркус находился в ста шагах от канализации. Стефан не вернулся ни сам, ни с Брассикой, поэтому рыцарь отправился искать девушку самолично. Часлав, как мог, отвлекал гигантскую машину, но она в конце концов прорвала вторую линию.

Машины роем пробивались сквозь разбитую стену из выложенных рядов бочек, заполненных камнями. В суматохе не разобрать, кто враг, кто друг, а кто просто случайный гость, которому не повезло оказаться в гуще сражения. Луч света ползал по домам, людям и баррикадам; золотое навершие церкви оплавилось и слезами стекало вниз, в ревушее пламя средокрестия.

Мимо Маркуса бежала женщина – без волос, с обугленным телом, в почерневших лохмотьях; белые глаза, полные ужаса и адской муки, демонстрировали животный инстинкт: бежать, бежать куда глаза глядят, подальше от войны. Единственное, что говорило о всё ещё человеческой природе этой обреченной женщины, было прижатое к груди белорукое дитя.

Рыцарь скакал до канала, и увидел развалины полосой в несколько десятков метров. Ей удалось подорвать тоннель.

– Брасс! Брасс! – кричал Маркус. – Я тут!

Никто не отвечал. Он спешил с коня, принялся разгребать камни из бывшего входа в тоннель, и страх всё глубже проникал в его душу.

– Мой господин! – прискакавший Томислав был весьма

напуган. – Не ожидал вас тут увидеть. Что вы делаете?

– Ты что здесь делаешь? Разве ты не должен находиться с Чаславом?

– Он отправил меня на запад с тридцатью конниками.

– Ах, дьявол! Ну не может он без своеволия!

– Часлав всё же верховный шолен, – виновато произнес

Томислав. – Вы пойдете со мной?

– Нет. Я ищу Брассику.

Томислав кивнул головой и опустил забрало. Тридцать конников направились с ним по узкой улочке к западным воротам.

Маркус продолжил растаскивать камни, к нему присоединились двое рыцарей и даже несколько случайных зевак из черни. Никто толком не понимал, что они ищут, но все верили: «Раз Маркус этим занимается...»

Наконец, когда наткнулись на валуны, намертво лежавшие и крепко зажатые меж собой, Маркус бросил дальнейшие раскопки. Люди ожидающе на него смотрели. Рыцарь стал корить себя за то, что потратил так много драгоценного времени. Он потерял самообладание, непростительный проступок в бою.

– Все живо на защиту второй линии! – оседлав коня, Маркус поскакал обратно.

Механоиды после того, как захватили купеческий район, внезапно поменяли тактику. Добравшись до торговых рядов,

чудовища под предводительством гигантского паука занялись укреплением позиций, словно пожелали окопаться в городе.

– Что на западе? – Маркус спросил у Луки, защищавшего вторую линию. Рослый мужчина в легкой кожаной броне, подбитой крепким мехом, ясными голубыми глазами смотрел на командующего взглядом человека, только что вышедшего из тяжелого боя.

– Чего не знаю, того не знаю.

– А где твои слуги?

– Я потерял весь отряд, – признание Луки в том, что он оставил там всех бойцов, вызвало замешательство у Маркуса.

– Ну ладно... Война поганое дело, сам знаешь.

– Что прикажете?

– Бери любого коня, скачи на запад и разведай обстановку. В бой не вступай, лети молнией, доложи как можно скорее.

Лука так пришпорил коня, что тот встал на дыбы от боли.

К Маркусу стекались люди. Их простые лица, полные отчаянной надежды, взирали на него, ища спасения. Маркус знал, как дорого чувство безопасности – его дом уничтожили, и теперь, казалось, пришел черед уничтожения их домов. Порочный круг войны. Немногие откликнулись на мольбы Выша в те роковые дни. Теперь все платят за это бессердечие.

Эта беспощадная сила, по-видимому, не определяющаяся

между добром и злом, готова сокрушить любое поселение, какие бы стены не возвели строители. Эта сила не объявила ни ультиматума, ни требования, всё строится на людских допущениях о некоей выгоде от гибели королевства. Эта сила ненасытна и готова отправиться за следующей жертвой: после Данара будет Эйна, а потом и всё королевство целиком, дальше южные острова, а может, и весь мир...

Ни у кого не останется своего дома. Все станут сначала такими, как Маркус: вечными воителями, странниками, бегущими от одной пустоши к другой в поисках уголка для доживания последних дней. Закончится всё рабскими кандалами дьявола Дрекаваца.

Толпа стояла в ожидании. И тогда Маркус сказал им то, что люди хотели услышать – полную отважных слов и призывов речь.

В доме помещицы Зофьи, двухэтажном особняке из белого камня, собрались все участвующие в бою салтысы. Оборона далась тяжело, но потери среди воинов показались Маркусу терпимыми. Из шоленского замка пришли только единицы – большинство из знати пожелало скрепиться в молитве с Мариком. Войско под главенством Радимира, тем не менее, взбудораженное происходящим, давило на своего юного и надменного командира честью рыцарства. Маркус приказал Радимиру подготовиться к скорому бою, опасаясь, что в самом центре города случится бунт рыцарей против знат-

нейших.

Салтысы поочередно докладывали об обстановке.

– Лука, ты уверен, что за западные ворота бояться не нужно? – Маркус не очень поверил его словам.

– Абсолютно. Я лично наблюдал за тем, как отец Рудольф с молотом наперевес поднимал ополчение на славное сражение. Какая была драка! Рядом с ним простая чернь ославила себя навеки. Крестьяне уже заделывают пролом в стене.

– Маркус, нам следует передвинуть ополчение к центральным воротам, – посоветовал Часлав. Его доспехи были грязными от чужой крови, но сам он выглядел здоровым. – Когда мы победим паука, они должны взять в клещи оставшегося противника.

– Что ж. Может, ты прав, – рука Маркуса передвинула на карте фигуру ополчения к главным воротам города.

– Почему-то враг не штурмует замок, – заметил Стефан. Салтыс чувствовал вину перед Маркусом, что не смог найти Брассику. – Все механоиды направились к торговой площади, туда же, где остался этот паучище.

– Значит, скоро потребуют капитуляции? – спросил Томислав. Этот вопрос вызвал сильное недовольство у Часлава: «Измена. Никаких слов о капитуляции. Никакой капитуляции не будет...» Некоторые салтысы, заметил Маркус, отнесли к мысли о сдаче в плен с живым интересом.

Женский голос прозвучал резкостью на фоне собрания мужчин.

– Они больше не нападут на ворота. Всё, что им нужно – время. И этот паук.

– Кто это?

В центр комнаты прошла Брассика. У двери стояла Атропа. Обе живы, хоть и побиты.

– Брасс? Атропа? – счастливый Маркус обнял обеих. – Где вы были? Почему не нашли меня?

– Наша касатка захотела изучить уродцев подробнее, – начала говорить Атропа. В её взгляде читалось извинение. – А ещё повстречала наших знакомых из Эйны.

– Кого же?

– Выйдите из тени, пожалуйста к нам!

Салтысы увидели, как в тени, оказывается, прятались две фигуры. Маркус сразу узнал Ларса, ибо его скромная монашеская одежда осталась прежней, а вторую фигуру, облаченную в необычные доспехи, он не видел раньше.

– Почтенные люди! Меня зовут Ларс, и я из гильдии магов Эйны.

Среди салтысов шепотом перекидывались реплики. Долгое время они жили с мыслью, что все маги – враги людям. В Данаре существовала гильдия колдунов, но по указу Валука в не могло состоять больше трех магов. И все трое служили у Валука астрологами.

– Я пришел к вам с очень плохим предложением. Позвольте мне его рассказать, чтобы ваши сердца приняли это предложение с болью нужды и неотвратимости. Кстати, это моя

помощница Доминея, одна из лучших представительниц магического общества.

Весь вид Доминеи свидетельствовал о чем угодно, но только не о магии. Её переливающиеся доспехи мерцали, а слабые зайчики прыгали по потолку и стенам комнаты, стеклянный меч был похож на отколотую холодную льдину и многим представилось, что в комнате и правда похолодело. Доминея, вся суровая, приветственно кивнула; салтысы, моргнув глазами, в ответ сделали аналогичный жест.

– Так что за предложение? – спросил Часлав.

– Видите ли, разрушив все башни мистического пути, вы нарушили планы Дрекаваца. Мы в гильдии считали, что он настроен уничтожить всё живое, пока я случайно не раскрыл одну загадку с магическим артефактом, за которым Дрекавац гонялся последние несколько лет. Албин, наш декан и гениальный профессор, попал под влияние Дрекаваца. Он был нужен ему, потому что изучал свойства древних рун.

– Как такой ученый муж продался дьяволу?

– Албин служил ему, потому что душевно ослабел после гибели жены. К слову, это касается всех, кто хочет сражаться против дьявола – слабые духом попадают в его сети. Я долго не мог понять, почему Дрекавацу нужен именно Албин, и поэтому держал его в гильдии, оставив других в неведении о его предательстве.

– Это правда, что существа, с которыми мы сейчас сражаемся, были когда-то людьми? – спросил высокий Лука.

– Правда.

Комната помрачнела в гневе.

– Их ещё можно спасти?

– Дрекавац похищает людей, чтобы отобрать их душу. Ему неизвестно пресыщение, он всегда голоден. К тому же похищенные души служат ему в виде рабских слуг. Всё живое Дрекавац замещает своими бездушными машинами. Албин, а до него профессор Квинт, пропавший пять лет тому назад, сумели раскрыть древнюю магию призыва. Теперь дьявол использует её, чтобы стать владыкой всего мира.

– От магов одни беды! – крикнули из толпы. Салтысы зашумели, кто-то забряцал оружием. Ларс через крик продолжил изъяснять свою мысль.

– Без мистического пути Дрекавацу пришлось поменять план порабощения. И поэтому он со злым умыслом загнал вас в замки, опустошая округу. Всё это сделано для того, чтобы собрать людей в одном месте и украсть их души. Жнец приготовился к жатве. Машина, которая осела в вашем городе – это портал для вытягивания жизни. Эта древняя магия действует при помощи рунического артефакта, который заполучил Дрекавац.

У Маркуса сердце ёкнуло, услышав про артефакт. Он заметил, что на него смотрят Брассика и Атропа, и обе с таким же волнением, как он сам. Брассика очень тихо спросила, где Рудольф. «Затирает свой грешок с дьяволом», подумал Маркус. Рыцарь ответил девушке, что священник будет

участвовать в засаде, когда победят паука.

– Он нужен здесь. Отзови его.

– Это ещё зачем? – удивился Маркус.

– Сейчас узнаешь, – Брассика отвернулась от рыцаря и продолжила слушать Ларса.

– То есть, если паук сделает свое дело, мы все умрем? – спросил Часлав.

– Можно и так сказать, – ответил Ларс после недолгого раздумья. – Ваши души перейдут в услужение Дрекавацу. Можно сказать, что вы умрете, так как никакой воли у вас не останется.

– И когда запустят портал?

– Древняя магия требует большого усилия. У нас есть несколько часов, наверное.

Вперёд выступил Стефан.

– Пусть господин Маркус расскажет свой план по уничтожению паука. Я соберу нужных рыцарей для такого дела.

– Паука нельзя уничтожать! – закричал Ларс. – Ни в коем случае! Не сейчас!

– Я же говорил, маги сошли с ума. От них все беды, – опять некто высказался из толпы.

– И что нам делать? Погибать? Каким вздором звучит сейчас ваше предложение, – Часлав был недоволен тем, что маги стали командовать в сражении за Данар.

– Паук должен сделать свое дело. Когда чудовище откроет портал, я с Доминеей заклинанием нанесём пентаграмму

демонической паутины на раскрывшиеся врата. Мы обратим назад действие портала.

– Чтобы что? – Маркус не понимал, зачем всё это делать, когда можно просто уничтожить вражеский план.

– Чтобы несколько добровольцев вошло в портал. Нам нужны добровольцы, герои, кто отправится в царство Дрекаваца, – заявил Ларс.

В комнате уже знакомый анонимный голос воскликнул: «Да эти маги совсем тронулись рассудком!». Маркус впервые за день весело засмеялся.

Глава 20

Ларс спокойно ждал, когда в мир возвратится Атропа. Под звуки угасающего боя он осторожно раскладывал ингредиенты на столе. Очный цвет, сухие синие лепестки которого пахли крепко и душисто, растирались в ступке. На столе в блюдах лежали растертые в порошок минералы. В котелке на камине варилась основа с расторопшей. Языки пламени игрались на поверхности котелка. Заиграли первые пузыри.

Тень Атропы, черная как смола, образовалась в комнате. Очертания сменялись живым телом. Ларс улыбкой поприветствовал остроухую:

– Ну как?

– Живы и здоровы, слава добрым богам.

– Как Альба?

– Ворчит, говорит, устал гоняться за детьми.

– Этот гоблин мой самый верный друг. Никогда не обидит других существ.

– Я ваша должница, получается? – легкий поклон Атропы свидетельствовал о почтении за то, что дети были спасены. Но в глазах остроухой читалось большое смятение. – Правда, не понимаю, стоило ли приносить магический шар сюда... в самое пекло.

Ларс прекратил смешивать травы. Порозовел большой шрам на его лице, он отодвинул от себя все инструменты.

– Весь мир в огне. Уже нет такой земли, что не испытала гнев богов. Знали бы вы, через что мне пришлось пройти, чтобы добраться до города. Спасибо бесу-торгашу, что согласился взять с собой. – Ларс кивнул на чертёнка, катающегося по дому на сундуке. – Жизнь стала совсем другой, Атропа. Мы перестали думать о будущих годах – всё теперь подчинено только одной мысли, и эта мысль о жизни и смерти. Где бы я не был, с кем бы не говорил, простой крестьянин передо мной или торговец специями, все они помышляют только об одном – как бы дожить до завтра.

– Никто не просит перемен, – сказала остроухая.

– Тем не менее, они наступили, – Ларс встал напротив остроухой. – Возможно, они назрели давно. Может быть, если бы я был более чутким к своим учителям, у Дрекаваца в прислужниках не оказались Албин и Квинт. И к сторонникам тёмной церкви тоже следовало отнестись снисходительнее, как бы ужасно это сейчас не прозвучало.

Атропа не считала, что дьявол стал таковым из-за их поступков. Что было раньше? Яйцо или курица? Дьявол существовал и раньше. Дети этого мира были жертвой дьявольского искушения, а не наоборот.

– Позвольте спросить, ради чего вы пошли на риск? – Спросил Ларс. – Я верю в ваши добрые наклонности, но что-то слабо представляю себе, чтобы вы бросили своих детей и таверну ради исключительно добрых идеалов.

– Мне заплатили, я этого не скрывала.

– И всё?

– Ещё обещано земля под в Выше, и титул к нему.

– Всё?

– Да нет, не всё, – Атропа вздохнула. – Какие интересные вы вопросы задаете. Дети у меня самое главное. Мне не нужны ваши королевства, как и земли. Я ведь даже не человек. Стоит людям увидеть мои уши, и сразу «фе» да «фу», косою взгляд на улице... Если у моих детей будет покой, то и я душой спокойна.

Ларс, поразмыслив минуту, отвернулся. Его внимание вновь сосредоточилось на зельях. Ингредиенты рассыпались по бутылкам. Из котелка отбирались нужные порции.

– Вы были такими сильными, – сказала Атропа. – Вас всегда почитали, даже мой народ считал магов великими мудрецами. Как так случилось, что мудрых победило зло?

– А что, если мы никогда не были мудрыми? – Ларс заканчивал закупорку склянок. – Мы хранили знание, а воспользоваться им не смогли. Хранить знание и применять знание не одно и то же. Некоторые из нас оказались слишком слабы, чтобы сопротивляться злу. Албин, а до него Квинт, наверное, есть ещё кто-то спрятавшийся завесой мрака... Мы, хранители знания, разобщены: народу до нас нет дела, а нам нет дела до «черни». Взаимная вражда. Когда крушили замок гильдии в Эйне, простолюдины наблюдали за происходящим и не вмешивались. Кое-кто всё-таки помог нам драться с еретиками, ваш знакомый Добромир, кстати говоря.

– Он жив?

– Я попросил его остаться с нашими учениками в безопасном месте. Вот такой он рыцарь детей, – засмеявшийся Ларс чуть не уронил пробирку. – Ай, какая непростительная безалаберность. Но вернёмся к разговору. К чему я спрашивал у вас, ради чего пошли в рискованное путешествие? Меня всегда занимал вопрос, в какой момент простой человек, живущий своей размеренной жизнью, отрекающийся от человеческих бурь и войн, вдруг со всей яростью принимается сражаться с врагом. Если бы все простые существа на свете объединились, не пришлось тогда сегодня бегать по подвалам и ловить демона.

В дверь постучались. Бес-торгаш впустил внутрь человека с сообщением: «Отправляйтесь к Маркусу».

– Погодите, господин Ларс, я кое-что должна у вас попросить.

– Обещание? Ну, обещание давать люди умеют...

– У меня нет фамилии. Я не принадлежу к человеческому роду, как и мои дети. Если вы правы, наш путь завершается прямо сейчас. Просьба такова – дайте фамилию Мике и Любе, если со мной что-то случится.

Ларс уставился на Атропу.

– А чью фамилию? Чью фамилию я по-вашему должен дать детям?

– Свою. Возьмите их в ученики. Они у меня прилежные, взрослые, самостоятельные, с ними не будет проблем. Я от-

даю вам самое дорогое, что у меня есть. Что бы ни случилось, пусть дети получают шанс на существование.

Ларс молчал.

– Я многим заплатила, – добавила Атропа.

– Согласен, – кивнул Ларс.

Прибыв к укреплениям возле гигантского паука, который, как все узнали, внезапно умер своей смертью, Атропа нашла Маркуса за спором с Чаславом. Стоя на церковной башенке, они бесстрашно обменивались репликами, под взором железных птиц, наматывающих круги вокруг паучьего трупа.

– Говорю тебе, раз сдохла тварь, то нужно развивать успех! – Часлав махнул кольчужной рукавицей на место прорыва. – Сначала выдавить всех врагов из города, потом разбить осадный лагерь, а там и до границ Выша откинуть Дрекаваца.

Маркус дергал себя за ус.

– Часлав, как ты не понимаешь – тут что-то не так. Ну, взгляни на землю. Посмотри! Почему паук сдох, а демоны остались защищать его? Нет, нам нужно последовать совету Ларса...

– О боги, опять ты за свое, – Часлав сложил руки на груди. – Нет, ты мне можешь говорить что угодно, но я не один. Есть знать, есть совет шолонов, есть представители семей, и сделать так, чтобы они молчали, уже не получится.

– Они участвуют в войне? – спросил Маркус. – Нет? Ну

тогда пусть сидят тихо. Особенно твой Радимир. Ему калач сосать, а не с мужами на собрании сидеть.

Директор Ларс закашлял.

– Не помешали, господа касатики?

– Проходи, Атропа, – Маркус вежливо уступил места для обозрения. – Паучище наш откинул лапки.

– Ловушка? – остроухой тоже не верилось, что чудовище просто так погибло.

– Либо некромантия, доселе нам неизвестная, – заметил Ларс.

– Это как? – Атропа посмотрела на мага.

– Некроманты играют со смертью. Нарушают линейный порядок вещей: обыкновенно жизнь порождает смерть, а у некроманта смерть создает жизнь. Может быть, это существо для того и умерло, чтобы создать нечто ужасное. Господин Часлав, верховный шолен Данара, вы способны своими силами атаковать в нужный момент это логово?

Часлав замешкался. Атропа поняла, что он не хочет слушаться чужака. Тогда Атропа пошла в атаку.

– Маркус, милоч ты мой. Сколько мечей за тобой встанут?

Оба рыцаря удивились.

– О чем ты?

– Ты же герой. За тобой пойдет народ. Сколько мечей присягнут для боя?

– Миледи, а ничего, что вы находитесь в Данаре? Не в Эйне, не в Выше, а в Данаре, где верховным шоленом избрали

меня.

Атропа ответила на замечание Часлава улыбкой и легким, как ветерок, поклоном: «Будь царьком, твоя воля». Она продолжила давить на его честолюбие:

– А знаешь, сотню-другую ты точно соберешь, я уверена. И чернь поддержит. Если и Рудольф присоединится, то с его крепким языком половина города пойдет за тобой!

Лицо Часлава покрылось пятнами. Маркус, поймав волну, принялся размышлять о том, как за ним смогут пойти рыцари из замка. Наконец, к игре присоединился Ларс, предположивший, что рыцари Эйны по достоинству оценят поступок Маркуса-освободителя.

– Так, я здесь главный, – заявил Часлав, крепко ударив рукой по каменной ограде башенки.

– Но мы не твои подданные, – ответила Атропа.

– Зато люди, живущие тут, являются моими подданными.

Они должны быть верны присяге, а иначе...

– Иначе что? – заинтересовался Маркус. – Велишь казнить нас?

Часлав засмутился.

– Мы не завершили сражения, чтобы строить вражду. Нужно ли следовать плану колдунов?

– Но маги на вашей стороне, – сделал замечание Ларс.

– Тогда дай нам сотню мечей, – предложила Атропа. – Помоги нам попасть в логово, а дальше вы сами тут решайте, что делать со своим королевством.

Верховный шолен, весь переполненный от эмоций, скрылся внутри церкви.

Уже близился вечер, и на небосводе показался тонкий серебряный серп, как данарская конница ураганным набегом пробила ряды приспешников Дрекаваца. Латники крепко били мечом механоидов, разбивая им головы и ломая их шеи. Повсюду слышалась брань и металлический скрежет.

Рыночная площадь Данара была полукруглой, конники разбивали ряды врага стремительным ударом, сея сумятицу и разрушая боевые порядки. Острые клинки механоидов звонко стучали по рыцарским латам и пластинам конской брони. Самые юркие конники ухитрялись бросить в чудовищ стеклянные пузыри с черной вязкой жидкостью.

Враг воспринял атаку конницы как основную, поэтому железные птицы и часть механоидов ринулись вслед за отрядом, помчавшимся к западным воротам. Паук в середине площади безмолвствовал.

Не успев совершить рокировку, механоиды попали под град стрел и арбалетных болтов. С крыш домов летели снаряды с зажженными наконечниками, попадая в приспешников Дрекаваца, превращали их в яркие факелы.

Рудольф, опираясь на свой молот, произнес речь перед ополчением:

– Друзья, путь к победе усеян трудностями и жертвами, но каждый шаг приближает нас к цели. Мы должны сражаться

до конца, ибо только в единстве и смелости мы можем найти свет в этой тьме. И пусть вера вас не покинет! Добрые боги – на нашей стороне!

Ополченцы, состоявшие из селян и горожан, вооруженные чем попало, вступили в бой с чудовищами. Позади них стальным кулаком двигалась рыцарский отряд.

– Построились в квадрат! – скомандовал Маркус. – Держать строй до последнего.

– Господин Часлав просил доложить, что он удерживает врага на западе, – доложил прискакавший Томислав.

Копейщики быстро научились бить в уязвимые места механоидов. С окон в чудовищ бросали тяжелые предметы, лили кипяток и растопленное масло; весь город воспрянул, разошелся в сражении, с каждой улицы и каждого дома велась борьба против захватчиков.

Наконец, когда до мертвого паука оставалось всего пара десятков шагов, Маркус приказал рыцарскому отряду остановиться:

– Закрепитесь, добивайте остальных чудовищ, а пауком займёмся мы.

Инициатива была перехвачена. В городе впервые за день слышались возгласы ликования.

Атропа ходила кругами возле паука. Ближе, чем на десять шагов, она подойти боялась.

Паучье тело окаменело, покрылось стеклянной чешуей,

пустило необычные корни в землю. Жизнь вокруг умирала, её будто выкачивало мертвое существо.

– Что думаешь? – спросил Маркус у Атропы.

Остроухая не опускала взгляда с паука.

– Сердце трепещет, – призналась она.

– Похоже на то, что мы видели в мертвых землях?

– Да.

Ларс и Доминея изучали тело. Рудольф ожидал в молчании, очищая молот от грязи. Брассика раскладывала бутылки в подсумок.

– И что теперь? – спросил Часлав. Он не спешил с коня, свысока изучая пространство. – Как долго ждать?

– Ждать осталось недолго, – ответил Ларс. Его лицо заметно побледнело. – Эта тварь вот-вот разродится. Кто из вас готов отправиться?

– Мы вчетвером, – Маркус кивнул на остальных.

– Тогда приготовьтесь. Мы откроем портал только на один миг.

Часлав, спешившись с коня, о чем-то заговорил с Брассикой. Маркус недовольно отвернулся.

– А он время зря не теряет, – усмехнулась Атропа.

Ей было жалко её друга. Она догадывалась о его притяжении, но совестливо указывать на то, как правильно стоило бы поступить. Первый шаг навстречу признанию самый сложный. Атропе вдруг вспомнилось, как она впервые увидела своего мужа: в лесу, с кристальным фонарем и неболь-

шим топориком, поверх куртки лесничего плащ, укрывавший черные кудри головы. «Такие встречи бывают только два раза в жизни», сказал он мягким голосом.

– Почему же два раза? – Атропа искренне не поняла юношу.

– Второй раз на том свете.

Спустя столько лет вспомнилось. Знак судьбы? Атропа мотнула головой, чтобы избавиться от дурной мысли.

Послышался глухой треск. Посыпались камни, ветер понес пыль с сотрясавшихся домов.

– Приготовились! – жезл Ларса нацелился на паука.

Тело чудовища разорвало пополам. Корни забугрились, потянулись в разные стороны. Два огромных шипа выросли из паука, и меж них загорелась ослепительная фиолетовая искра.

– Сейчас или никогда, – меч Доминеи принял на себя молнию из раскрывшегося портала. Ларс произнес заклинание, и в преобразовавшемся пауке появилась пентаграмма мистического пути.

В небе объявилась стая железных птиц.

– Живо! – Ларс ухватился за жезл двумя руками. Атропа заметила, как дрожит его тело. – Портал работает только в одну сторону. Меня надолго не хватит, так что торопитесь.

Атропа подбежала к portalу. Маркус остановил её рукой: «Иди последней»

– Это ещё почему?

– Если с нами на том конце портала что-то случится, немедленно убегай обратно.

Птицы атаковали лучников, засевших на крыше.

– Пусть удача будет с нами, – сказал Маркус перед тем, как проник внутрь портала.

– Пусть добрые боги смилостивятся над нашей судьбой. В последний бой! – Рудольф прыгнул в зеркальную гладь.

Брассика, ничего не сказав, только положила руку на плечо Атропе. Глубоко вдохнув, словно ей пришлось бы нырять в воду, она прошла сквозь портал. Следом за ней пошла Атропа.

Одна из железных птиц, пробившись через десяток стрел, попыталась ухватить Ларса. Маг ощутил приближение существа, но не успел сдвинуться с траектории атаки: когти, острые как бритва, впились в его левую руку. Доминея, отбивающая мечом, раскаленным добела, молнию из портала, не могла прийти на выручку.

Маг не закричал от боли, лишь подкосили его ноги. Колдовская сила, приданная жезлом, заметно ослабла. Железные когти прорезали плоть и кость, и птица, удовлетворившись только одной оторванной конечностью, резко взмыла в воздух. Но Ларс даже покалеченным продолжил сражаться.

Тьма внутри портала освещалась вспышками молний. Атропа захотела продвинуться дальше, но её словно удерживало возле входа. Ноги прижимало книзу, а руки сковало.

Мистический путь не пускал её ни вперёд, ни назад. В мутном блике виделось, как Доминоя безуспешно била мечом в портал. К Атропе подбежала Брассика, но и она увязла в текучем киселе.

– Атропа, беги сюда!

– Я не могу.

– Спротивляйся. Мистический путь нестабилен! Вот-вот всё обрушится.

– Пытаюсь, не получается.

– Тебя убьёт, если ты не пройдёшь дальше.

Частицы души Атропы стали рассыпаться. Миллионы миллионов звёздочек уходили в бесконечное черное пространство, создавая синюю ауру.

– Атропа... – глаза Брассики округлились в ужасе.

– Беги, просто уходи, – Атропа ощущала каждый стук своего сердца.

– Но как же ты?!

– Беги. Ларсу не под силу держать одному портал. Я останусь здесь, чтобы вы добрались до Дрекаваца.

– Так нельзя, – заплакала Брассика.

– Уходи, кому сказала!

Звёздная пыль укрепляла своды портала. Остроухая растворялась в неведомой черноте космоса, и каждая её частичка превращалась в маленькую искру. Звезды соединялись белой линией, образуя путеводные рисунки.

Брассика в отчаянии попыталась ещё раз приблизиться к

ней. Всё тщетно. Атропа попросила прощения, и девушка ответила ей взаимностью.

Остроухая почти растворилась.

Девушка побежала без оглядки, чтобы не умереть от стыда, когда увидит в последний раз исчезающий взгляд Атропы.

Все годы Рудольф представлял логово Дрекаваца как холодное, сырое и грязное место. Ему пришлось сильно удивиться, когда вместо страшной пещеры показался подземный чудо-город.

Выход из мистического пути находился в полуразрытой пещере, по-видимому на самой вершине горы; всё подножие усеяно необычными замками, домами и мостами, и всё приобретало какой-то зловещий вид от пурпурно-розового освещения множества ламп и факелов. Всюду были металлические механизмы: с колесами и без, гудящие и пускающие пар, рычащие и скрежещущие, передвигающиеся и вибрирующие на месте.

Небо над головой было абсолютно черным.

– Где Брассика и Атропа? – Маркус осмотрел всё поблизости, не найдя врагов. – Сколько уже прошло времени?

– Ты видел, какая здесь... неопишуемая красота?

– Какая ещё красота?

Священник показал на подножье горы.

Рыцарь покачал головой.

– Эге-ге-гей. Ну-ка брось из головы наваждение. Ты уже видел, к чему приводит господство Дрекаваца над нами. Не нужно вестись на золотые цацки.

Но Рудольф не мог избавиться от мысли, насколько невероятен увиденный им мир. Насколько необычно само сочетание металла, камня и кристалла, настолько удивительна жизнь внутри искусственных вещей, созданных этим поистине дьявольским существом. Люди и гоблины, поработанные благодаря мощи Дрекаваца, получили шанс восстать из низов земли, стать чем-то величественным, имеющим смысл.

Ничто стало чем-то. Машины в своем демоническом танце показывали, на что они способны, какую цивилизацию имеют и что будет с людьми, когда их планы воплотятся в жизнь.

Из портала выпала Брассика. Рыцарь подскочил к ней, поднял и принялся отряхивать от серебристой пылицы.

– Почему так задержались? Где Атропа? – спросил он. Обнаружив её лицо заплаканным, рыцарь заметно потрянул её за плечи. – Брасс, где Атропа? Ответь!

– Она исчезла. Не знаю, как это получилось, но она сделала так, чтобы мистический путь привел нас сюда.

– Я пошел за ней, – Маркус ринулся к portalу. Жидкое серебро зеркала оказало сопротивление. Чем больше рыцарь толкал руку внутрь, тем жестче становилась гладь.

– Ей ничем нельзя было помочь, – сказала Брассика, ути-

рая слёзы. – Всё случилось внезапно.

Маркус бил янтарным мечом по зеркалу, но оно отражало каждый полученный удар. Войти внутрь мистического пути не получалось. Рудольф, с открытым ртом глядя на происходящее, ещё не мог поверить в произошедшее. До сей поры боги не требовали большей жертвы, чем достойные чести раны.

Всё изумительное, чарующее в чудо-городе для Рудольфа померкло, обратилось в прах.

Глава 21. Часть I

Албин послушно занимался своими делами в технохраме. В этой лаборатории творились такие чудеса, о которых в гильдии магов даже не мечтали. Ларс категорически запрещал всё, что заходило за пределы разумного в искусстве призыва. Некромантия находилась как раз за подобной границей.

«И к чему это привело?», опечалено вздохнул Албин. В чаше, заполненной кровью, он смешивал металлический порошок с горючим песком и смерть-травой. Перерождение требует искры. Албин помешивал, чтобы отогнать дурную мысль, но она превратилась в муху, стала досаждать его.

«И к чему это привело? – повторил он вопрос вслух, с заметным тиком на лице. – Я же не хотел, чтобы всё так закончилось».

Рудольф скрытно следил за Албином на верхнем ярусе, где трубы разной величины качали голубой газ. Пока всё шло по плану. Только бы хорошие боги были милостивы...

Внутри колонн происходило перерождение. Тела, лишённые жизни, после чудовищных преобразований обретали новую душу. Здесь творили идеального раба.

Всё в этом храме находилось в чрезвычайном напряжении. Едва ли не всё могущество демона накопилось внутри дома, в котором смерть заменялась на жизнь. Великая

мудрость, украденная Дрекавацем у Квинта, извращенная до невозможности, пробуждала в живых существах животную тупость: добро и разум в таком творении отсутствовали напрочь. Албин, как присягнувший новому Верховному лорду (сам Дрекавац предпочитал не называться по титулу), не смел перечить. Впрочем, он даже не верил, что сможет воспротивиться его воле. Уж слишком страшно за жизнь...

Когда маг проверял очередную колбу, в воздухе почувствовалась перемена. Эта перемена была странной, неопи- сываемой, и маг никогда раньше с таким чувством не сталкивал- ся. Если бы это был Дрекавац, подумал Албин, то ему насту- пил конец: здесь не терпят никакой измены, даже мысленной крамолы. Но воздух насытился криком душ, когда-то укра- денных и теперь освободившихся по неведомой причине.

Маг поднял взгляд на потолок. Рудольф тут же спрятал- ся за столбом. Своды технохрама грозили рабам Дрекаваца металлическим величием и монотонным воем тысяч покаче- ченных душ. В средоточии здания находился тот самый арте- факт из депозитария Выша, а от него пятью лучами распро- странялась магическая сила в стеклянные колонны, обжатые гигантскими металлическими обручами. Обручи двигались, как околдованные, вверх-вниз, не находя себе препятствий. По серым ровным стенам периодически пускалась паутинка синей молнии.

– Кто здесь? – спросил маг у пустоты.

Ему никто не ответил, но ветер прошелся волной по

огромному залу, всколыхнул его мантию.

– Я сейчас же позову стражников. Выйдите в свет, пожалуйста!

Его высокую фигуру от волнения задержало, лицо покрылось холодным потом. А вдруг пришли убивать? Что, если он больше не нужен своему хозяину?

Краем глаза он заметил, как в одной из колонн помутнела жидкость. Из бледно-голубой она превращалась в алую, как кровь, а затем темнела до иссиня-черной. Сгустки хлопьями падали вниз, засоряя перегонный куб жизни.

– Что происходит? – испуганно закричал Албин. Он побежал к столбу, принялся дергать за рычаги, чтобы слить испорченную воду, но в итоге больше наделал импульсивных движений, нанесших не меньше вреда, чем Рудольф, спрятавшийся в тени механизмов. На пол вылилась черная, как смола, кровь, и запах гнилости ударил в нос Албину.

– Это невозможно, – промолвил он, вытирая брызги с лица. – Кто-то испортил обряд! – к магу прибежал послушник в черной рясе с алой подвязкой на поясе. – Что снаружи? На нас напали?

Один из послушников доложил, что разрушены поглотители душ.

– Но это невозможно! Между нами сумеречная долина. Мистический путь под нашей властью. Как их войско проникло сюда?

– Стервятники не видели никакого войска, господин, – от-

ветил послушник.

– Так что же это?

– Мы не знаем.

Албин, превратившись в застывшую статую, сказал:

– Мне нужно к Квинту. Срочно.

Черная ряса в алой подвязке немедленно удалась из лаборатории. На секунду Рудольфу показалось, что Албин вздохнул с облегчением.

Двоица в черных рясах тихо кралась по коридорам технохрама. Их головы прятали глубокие капюшоны с алой лентой по краю.

– У тебя получилось? – спросил девичий голос.

– Да, – ответил старик. – Но артефакт остался в храме. Албин отправился на аудиенцию к Квинту.

– Это очень хорошо. Артефакт больше не нужен – теперь это пустышка, просто камень. С испорченным обрядом они ещё долго не смогут рождать чудовищ.

– Может, возьмем их прямо сейчас? – спросил старик. – Куй железо, пока горячо.

– Рано, – запротестовала девушка. Она остановилась, чтобы изучить витражи из алого стекла. Красота из крови, костей и плоти, возведенный слугами Дрекаваца храм пугал своей адской изощренностью. – Пусть сначала наш друг решит проблему. Не нужно, чтобы к технохраму привлеклось излишнее внимание, пока мы тут.

Старик помолчал, сложив руки на груди. Он был чем-то недоволен.

– Скажи, ты веришь, что у тебя получится?

Фигура с женским голосом ответила, что ради пройденного пути она готова хоть собственными голыми руками удуть.

– Когда наш друг подаст сигнал, ты должен остановить Квинта, – сказала на прощание фигура. – А пока притворяйся. У тебя хорошо получается. Но Албина оставь мне.

Старик в рясе пробурчал, глядя в спину уходящей девушки.

Столб света пробил черное небо, ушел в бесконечность и в ней утонул; разгорелась голубая синева по округе, и тяжелой волной прошелся по царству Дрекаваца взрыв. Трещины и провалы по земле прошлись по всей округе, обвалив множество построек в техногороде. Железные птицы стаей взлетели с полей, чтобы найти угрозу владениям Верховного лорда.

Рудольф, ощутив дрожь под ногами, понял, что наступила пора действовать. Из оружия у него был только ритуальный кинжал – тонкий, с длинной кривизной лезвия, но чрезвычайно острый и лёгкий. В одежде верховного жреца он подошел к золотым дверям, где обитал Квинт и куда пришел Албин. Стражники, завидев человека со знаками большой власти, немного удивились.

– Жнец душ прибыл с какой целью? – осведомился один из них. Его бледная голова покрыта шрамами.

– Жнец душ должен сообщить Квинту о врагах.

– Каких ещё врагах?

– Ты что, не слышал взрыва? У нас лазутчики.

Стражник, поколебавшись секунду, отворил двери. Рудольф вошел внутрь.

В округлой комнате было двадцать с лишним опор, покрытых морозным инеем. Стоял сильный холод, и от дыхания периодически появлялось белое облачко; в свете горящего кровавого кристалла оно, как и всё остальное окружение, розовело и превращалось в мрачное зрелище.

Центральной частью был алтарь, на котором находилось нечто живое. Рудольф осторожно пошел вперёд – нет уверенности, что его примут за своего без соблюдения церемониала. Чтобы не оплошать по-глупому, священник решил ничего не выдумывать, а грубости оправдывает срочностью дела.

Лишь поблизости он увидел Албина. Белое лицо в кровавом зареве было напуганным до предела. Его ноги то и дело подкашивались перед каплевидным существом. Неясно, сколько было жира в этом теле, но заплывшие складки укрывали его слой за слоем. Конечности удалены без остатка, и всё это скреплялось огромным количеством живых корней, пульсирующих в общий, известный только им такт.

Рудольф понял, что некогда бывший человеком Квинт за

несколько лет стал одним из плодов демонической игры Дрекаваца. Что прямо сейчас Албин просит совета у чудовища, давно утратившего человеческий облик. Что такая участь ждет всех, кто воспротивится воле победившего Дрекаваца – либо быть безвольным рабом, либо стать чудовищем с пораженной душой.

Маленькая голова, больше похожая на жировик, так как не было видно глаз и ушей, задала вопрос пришедшему:

– Что тебе нужно? – нечеловеческий голос прогудел, как самый толстый колокол в церкви.

– Враги Дрекаваца уже здесь! – Рудольф разыграл волнение.

– Откуда ты?

– Я был неподалеку отсюда, как увидел взрыв на вершине горы. Не знаю, что могло случиться, но повсюду паника.

– Этот жнец говорит правду, – поддержал Албин. – Кто-то ведь разрушил мою лабораторию! Я не мог ошибиться, делал всё, как вы велели. Беда мне, Квинт! Что со мной сделает Он за провал?

– Замолчи, – повелела жирная капля захныкавшему магу. – А ты, жнец душ, не забывайся – представься как положено. Перед тобой Квинт, великий мастер душ.

Священник замешкался. Представившись Рудольфом из пустошей, он сделал большой поклон. Когда Рудольф вернулся в исходную позу, то заметил озадаченность у Албина.

– Кто ты такой? – его вопрос звучал угрожающе.

Капля сделала странное движение, напоминающее судорожную дрожь затекших мышц.

– Выпускай гарпий из клеток. Мне нужно видеть всё, что происходит в пустошах. А этого...

«Сейчас или никогда», – ярость Рудольфа преодолела морозную скованность в руках.

Кинжал с длинным скосом возник в воздухе столь внезапно, что ни чудовище, ни маг не успели быстро среагировать. Под немой взор Албина священник живо вскочил по ступеням вверх, пробежал по складкам растекшегося тела и возник прямо перед маленькой безглазой головкой Квинта. Сила, помноженная на колоссальную злобу священника, на его бесчисленные страдания последних дней за смерть Атропы, придала кинжалу невероятную мощь.

Голова замерла, будто удивилась, что такое может случиться не с кем-нибудь, а с самим великим мастером. Тело колыхнулось, раздался крик, и зазвенели воем кристалльные светильники. Рудольф поскользнулся на коже Квинта, упал, но всё ещё держался за кинжал; лезвие под тяжестью человека разодрало на метр чудовище, выставив наружу страшную рваную рану.

Рудольф прыгнул на ступени. Золотые двери отворились, и вбежавшие стражники, услышавшие крики, не могли поверить в увиденное. Албин упал на колени, громко моля о пощаде. Замешательство стражи обеспечило преимущество для Рудольфа: спускаясь по лестнице, он стремительно ата-

ковал первого, самого ближайшего, воткнув ему кинжал в бок. Всхлипнув от боли, стражник уронил свое копьё; рука Рудольфа подхватила падающее оружие, чтобы тут же выставить его в защитную позицию. Второй стражник, бледнолицый и в шрамах, ретировавшись, проворно давал сдачи священнику: его изящное фехтование против грубого, неотесанного, почти бездумного мастерства священника обеспечивало преимущество. Дважды лезвие копья стражника коснулось рясы, но в третий раз, когда Рудольф стал задыхаться от темпа боя, оно проникло ему в плечо наполовину.

– Пекло адово! – прошипевший священник что есть мочи пнул стражника в колено.

Рудольф хотел передохнуть хотя бы секунду, но стражник и не думал ему играть в поддавки. Вместо этого он подкинул копьё в воздух, ухватился покрепче за древко и прицелился для броска. В момент, когда стражник придал броску энергию, из его груди с треском вышел костяной зубчик. Тело бледнолицевого наклонилось вперёд, рука сместила траекторию снаряда, и копьё пролетело над головой Рудольфа.

– Как вовремя, – ухватившись за плечо, он подошел к стоявшим у дверей фигурам. Брассика сбросила капюшон, а Маркус, измазанный в грязи, держал наготове свой меч.

– Больно? – спросила Брассика, изучив плечо.

– Терпимо.

– Где Албин?

– Да вот же, – кивком указал на плачущего навзрыд.

Брассика приблизилась к нему на расстояние вытянутого жезла. Вид Албина, по-видимому, вызвал у неё жалость вперемешку с отвращением: обмочившийся, захлебывающийся в истерике высокорослый мужчина, согнувшийся в три погибели ради спасения своей жалкой жизни, этот человек едва напоминал её учителя из гильдии магов. Упорно рассматривая его, она шепотом произнесла над ухом священника:

– Зелье нужно?

– Да ты посмотри на него, доченька, – последнее слово выскользнуло из уст священника так легко и мягкосердечно, что он удивился и обрадовался одновременно. Похотливое чувство к юной девушке, прежде досаждавшее его в путешествии, принялось растворяться в разуме. – Он тебе что угодно расскажет.

Брассика усмехнулась:

– Да я не про него, я для вас. Витальное зелье не помешает восстановиться.

– Ладно, – священник отпил из маленького бутыля.

– Брассика, умоляю вас, пощадите, пощадите меня! – Албин протянул к ней руки. – Совершенное мной преступление страшный грех. Я не должен был соглашаться на сделку с дьяволом.

– Албин, что вы наделали? – Рудольф для себя отметил, насколько возмужала эта девушка. Даже голос её стал звучать воинственнее. – Как вы могли согласиться на сделку с дьяволом?

Маг утер слезы. Он сидел на каменном полу, покачиваясь, как безутешный горемыка, лишившийся самого дорогого в жизни. В его словах звучало раскаяние.

– Мне казалось, будто он на нашей стороне. Что он обещал нам мир и порядок, процветание под своим владычеством, я это точно помню. Ларс же ставил мне палки в колёса, как и Квинту. Мы всего лишь хотели заниматься своими науками, которые исправили бы положение дел в королевстве. Мёртвые бы восстали из земли, и служили во благо живых. Дрекавац обещал нам свободу в обмен на служение ему. Вот я и согласился.

– Глядя на ваши пустоши, про свободу заикнуться страшно, – отметил Рудольф.

– Послушайте, Албин, – девичья рука Брассики прикоснулась к исхудавшей дерганой щеке Албина. Тик на время прекратился. – Вы должны нам помочь. Спасите королевство от Дрекаваца. Спасите людей, пока ещё возможно.

– Всё обречено. В нём столько силы...

– Ещё не всё потеряно, Албин. Данар устоял под натиском вашего войска.

– Это правда? – с сомнением спросил Албин.

– Гаврик ученый, мы оттуда пришли к вам, – крикнул Маркус. Он сторожил вход.

– Но как? – искренне заявил учитель Брассики. – Всё завязано на нём, он всё контролирует, всех подчиняет своей воле!

– Придумайте, – парировала Брассика. – Должно что-то быть. Дрекавац изобрел дьявольский план, захватив мистический путь во всем королевстве. Он думал, что мы не сможем проникнуть внутрь его владений, но у нас получилось это.

Глаза Албина метались, внутри него шел ожесточенный конфликт из сомнений и веры.

– Что делать дальше? – Рудольф угрожающе наклонился над пленным. – Сын мой, раскайтесь вы, пока я не заставил.

Снаружи послышался шум.

– Пора уходить, – сказал Рудольф. Его рана едва затянулась, несмотря на испитое зелье.

– Албин! – пытавшаяся подогнать Брассика встряхнула учителя за плечи.

– Его невозможно убить, пока он питается душами, – Албин пошел на выход. – Если лишит его доступа к своим машинам, то что-то да получится. Это всё что я знаю.

– Это точно?

– Это моя догадка, – признался Албин. Он поманил за собой по коридорам технохрама. Доведя до винтовой лестницы, устроенной из костей, маг указал им дальнейший путь:

– Здесь я вас оставлю. Не знаю, как вам отблагодарить. Неужели вы сможете избавить нас от тирании Дрекаваца? Ладно, поспешите, а то вас схватит стража.

– Где обитает Дрекавац? – спросил Маркус.

– У Дрекаваца нет входа в пещеру. Вы не найдете его, пока

он сам не пригласит вас. Я знаю только про некий дворец внутри горы...

– Ну прекрасно! – возмутился Маркус. – Что делать? Сидеть и ждать, пока нас тут не перебьют?

– Это стража! – Брассика метнула горящий череп в бегущих прислужников.

И тут Рудольф ощутил, что роковой момент наступил. Если упустить шанс, то все старания окажутся напрасными. Это ужасная участь предателя, на которую он пойдет ради восстановления добра в мире. Ради пощады перед добрыми богами, которые спросят с него за всего грехи.

Он не испытывал сожаления.

Священник подошел вплотную к Албину. Не говоря ни слова, под изумленные взгляды своих друзей он заколол человека кинжалом. Маг, испустив последний вздох, рухнул наземь.

– Стойте, дети мои, – приказал священник ошеломленным спутникам. – Стойте и не сопротивляйтесь.

Глава 21. Часть II. Финал

Путь по тропе, испещренной острыми, как бритва, металлическими осколками, тянулся бесконечной вереницей. Валуны, сколы, снова валуны... И хоть бы одну травинку живую встретить, но нет, ничего тут живого нет. Если поднимешь голову, то увидишь редкую металлическую птицу, со скрежетом рвущую воздушные облака.

Рудольфу казалось, что время утратило всякую ценность – в постоянной темноте, где тонким лучиком светятся лишь кровавые кристаллы да факелы в руках жрецов, и нет ни одной звездочки на чёрном полотне, остается лишь догадываться, сколько километров протопали их ноги. Они шли не меньше трех часов без остановок, может быть, жрецы специально ходили кругами, запутывая пленников.

Священник повернулся назад, с грустью посмотрел на Технохрам, грозное строение слуг Дрекаваца. Издалека розовая стеклянная пирамида мерцала от внутреннего освещения. Теперь эта пирамида осиротела, осталась без отцов: Квинт убит, Албин тоже.

Он и сам теперь никому не отец. Рудольф изгой для всех. Ради цели Рудольф пошел на самое худшее – на предательство. Путешествие, начатое по призыву зла, завершается при помощи зла. Это заколдованный круг? Или победить зло можно только его же средством? Мог ли Рудольф избежать

такого шага? Мог ли он сдавшегося, перешедшего на добрую сторону человека помиловать? Не лишать его жизни? На эти вопросы Рудольф боялся отвечать. Впереди ещё одно путешествие.

После убийства Албина к нему вернулся Он. Его голос звучал так ясно и так сладко, что хотелось вспорхнуть на крыльях, будь они у него на спине. Лететь в бесконечной мгле, в холодном воздухе, а под ним была бы изувеченная земля, пораженная оспиной.

Дрекавац поверил в искренность Рудольфа. В знак того, что он ценит его, священник остался свободным, в отличие от Маркуса и Брассики: их обезоружили, надели оковы на их руки, а мешки скрыли головы.

Находясь у самой подножья горы, внизу, где остатки покалеченных душ витали между камней, где сырость земли пропитала металлические уродливые предметы, напитав воздух ржавчиной, Рудольфу и пленникам дали небольшой привал. Священник сидел на камне, зарывшись в рясе, жрецы Верховного лорда стояли на страже.

– Рудольф, я знаю, что ты здесь, – сказал сквозь холщовый мешок Маркус. – Пожалуйста, борись со злом. Ты не должен служить злу! Я верю, что ты добрый человек, не раз спасавший меня от смерти.

Палка жреца обрушилась на спину рыцарю. На седьмом ударе он замолил о пощаде.

Рудольф не ответил своему другу. И ничего не сказал его

обидчику. Он равнодушно смотрел на то, как рыцаря избивает послушник Дрекаваца. Брассика молчала, лишь слышался горечный всхлип и вздрагивало её тело от звуков удара палки.

Их поставили в круг. Сами жрецы внутрь него не прошли, разойдясь по краям вертикальной пещеры. Необычное сооружение напоминало колодец внутри горы. Руки жрецов, воздавшие к небесам, их уста, прочитавшие воинственные молитвы, исполнили какую-то таинственную миссию – пол под ногами вздрогнул от воздействия солнечного луча, упавшего сверху на героев.

Круг оказался металлическим диском, медленно вращающимся; медленное движение вверх, к аудиенции с Верховным лордом, выстроенной на пике горы, придавало действию божественный смысл.

Стены, покрытые оплавленным камнем, с поразительной резьбой и позолотой, были украшены магическими кристаллами, пускающими солнечную искру. Всё вокруг давило на сознание своим величием, всё делало человека в таком окружении беспомощным, слабым, ничтожным. Это святая святых для демона, подумал Рудольф. Золото, золото, ещё раз золото; драгоценности тут и там, иногда невпопад; чрезвычайного могущества магия, способная толкать в движении огромные предметы; и этот поразительный вой ужаса, когда души живых существ уходят в пищу богу войны и рабства;

плоть дрожала сама, выказывая знак трепета перед Дрекавацем.

Диск остановился в зале с высочайшим потолком, часть которого, видимо, отсутствовала; кружились души, как бесплодные призраки, создавая тихий вой от вечной боли. В молчании служители Дрекаваца бродили вдоль стен, заполненных витиеватыми трубами различных величин, механизмами и металлическими прутами, по которым передвигалась рукотворная молния; розовые кристаллы светили багровым светом.

Под зияющей дырой на потолке, в сплетении машин, труб, кристаллов и бочек различной величины, массивной конструкцией расположился Он – Дрекавац, огромный череп, глазницы которого светили злым холодным янтарём.

Верховный лорд нависал над Рудольфом, Брассикой и Маркусом. Его голос был довольным, слащавым, старческим, от чего властность сказанных слов невольно порождала отвращение.

– Покажи мне их лица, – приказал он священнику. – Я хочу познакомиться.

Узревшие Дрекаваца немо смотрели в его глазницы, как поддавшиеся на колдовские чары; пытливо изучал их и Верховный лорд. Отсутствие диалога, однако, не создавало тишину – зал полнился звуками работы машин. В трубах текла жидкость, бочки периодически вздрагивали, из углов шел пар.

– Так вот кто бросил мне вызов? – вопрос Дрекаваца был скорее риторическим. – Людишки? Чернь бездомная? Как жаль, что эта конченная старуха-эльфийка застряла в сумерках. Но и без неё, пожалуй, мой гнев будет удовлетворен. А этот нищий рыцаришка? Голый воин, сражается чужим мечом. Ни земли, ни рода, ни коня.

Дрекавац словно грязно выругался на каком-то неизвестном старом языке.

– Мерзость. Чернь посмела встать на моем пути.

Рудольф слушал, что говорит Верховный лорд. Голова попыталась кивнуть в почтении, но шея будто отекала. Жест получился жалким.

– Я хвалю тебя, Рудольф. Ты оказался слугой, о котором давно мечтал. Эти рабы, бездарности вроде Квинта, всё делали не так, как следовало. Но ты превзошел всех в своем коварстве.

Рудольф сглотнул комок слюны.

– Ты заслужил прощение. Несмотря на твое нечестивое поведение в мерзкой Эйне, ты вернулся к своей подлинной природе. Ты такой же, как и я. Только я честно веду себя, а ты всю жизнь изображал доброго пастуха для паствы.

Янтарные глазницы со скрипом повернули налево. Они подсветили большую шкатулку.

– Открой. Награда ждет тебя.

Рудольф послушно подошел к шкатулке. Раскрыв её, он увидел молот необычайной красоты. Оружие кипело кровя-

ными венами, а рукоять украсило сплетение неизвестной лозы с шипами. Священник осторожно взял в руку молот, но тут же поранился.

– А ты как думал? Кровь укрепляет силу твоего оружия. Служи мне вечно, раб!

– Благодарю тебя, о Дрекавац, за дары. Я и братья по вере будут вечно служить твоему разуму, навеки скреплены клятвой, – поклонившись, Рудольф заметил, как с рукоятки упали капли его крови.

Глазницы Дрекаваца обратились к Брассике.

– Ты была нужным элементом в самом начале моего великого плана. Если бы не старый Ларс и его блудница в доспехах Доминья, быть тебе в моих слугах. Спасибо Албину, этому глупому наивному барану. Он справился не хуже тебя, рассказав всё необходимое про действие рун. Поскольку ты больше не нужна, я отберу твою душу, сожру всю без остатка, и время от времени буду повторять это действие – раз за разом ты будешь молить о пощаде. За непокорность оплатишь вечной мукой.

Глазницы скрипнули на Рудольфа.

– Тащи её ко мне.

– Но ты же обещал мне оставить её, – воспротивился священник.

– Для чего тебе эта блудница?

– Но ведь обещание...

– Ты похотливая тварь, Рудольф, – разгневался Дрека-

вац. – Отвлекаешь от исполнения великого плана. Скоро мое имя станет символом новой эпохи. Я завоюю Данар, Эйну, Зелевац, всё королевство, а потом и мир целиком. То, что не сумел совершить мой предшественник, победоносно завершу я! Я! Дрекавац! И ты, свинья с рабской похотью, отвлекаешь меня от гениальных замыслов своими мелочными просьбами?

– Не велите казнить, Верховный лорд, – упал в ноги Рудольф. – Но вы же обещали, что она будет моей!

Янтари вспыхнули сильнее прежнего. Холодом покрылся пол, появились морозные узоры. Дрекавац ответил:

– Ладно. Развлекайся с этой никчемной сироткой. Тащи рыцаришку. Заверши свое испытание, Рудольф, и я оплачу тебе стократно.

Священник повел Маркуса к черепу. Впервые он увидел, как его друг плачет. Слезы мужчины текли крупной каплей по щеке. На нём не было доспехов, всё сняли с него жрецы Дрекаваца, только простая кожаный жилет прикрывал его тело.

– Как ты можешь так поступить с нами? – спросил сквозь слёзы Маркус.

Рудольф никак не ответил. Подведя к светящемуся черепу, он встал напротив глазниц.

– Сейчас пожру твою душу, – сказал Дрекавац. – Ты не заслуживаешь никакой пощады. Я не позволю тебе служить мне даже самым жалким прислужником.

Челюсть шумно раскрывалась. И даже золото зубов не спасло её от чувства гадкого омерзения: трупный запах зла вышел клубом дыма из разверзнувшей дыры. Маркус стоически наблюдал за скорой смертью. Задирая подбородок кверху, он презрительно плюнул в Дрекаваца.

– Я не погибну сломленным, – сказал рыцарь. – После меня придут другие.

Пасть стала затягивать воздух. Маркус держался, но ветер крепчал. Ноги рыцаря упёрлись в каменный уступ, но их подгибало, тело балансировало на грани.

Рудольф сжал кулак. Боль пронзила его ладонь. Кровь впиталась в молот, багрянцем покрылся наконечник. Один янтарный глаз Дрекаваца медленно развернулся в сторону священника, с подозрительным прищуром наблюдая за своим рабом.

Шип молота со свистом влетел в ближайшую глазницу. Треск, напоминающий бой стекла, звонко ударил в уши; весь цвет янтаря заметно померк. За первым ударом мгновенно случился второй, и глазница разлетелась взрывом из множества осколков.

– ТВАРЬ! – крик Дрекаваца был столь силен, что уронил Маркуса с пьедестала.

Рудольф подбежал к нему, шипом разбил оковы и поднял его на ноги.

– ПРЕДАТЕЛЬ! – Рёв Дрекаваца столь ужасен, что оглушенные служители растерялись и упали в ноги, иступленные

в молитве о прощении. – Тупые рабы, взять их! Взять всех, убить, убить, УБИТЬ!

– Прячься! – Толчок к сплетению механизмов указал Маркусу убежище. – Не подпускай ко мне его слуг, – брошенный кинжал был ловко подхвачен рыцарем.

Руки Брассики священник тем же способом. Девушка улыбнулась, но тут же прыгнула в лабиринт машин и труб. К этому времени Верховный лорд оправился после нанесенного урона. Луч янтаря полетел в Рудольфа, но Брассика, укрывшись за трубой, мгновенно наложила заклинание. Щит Венеры отбросил луч в бочку, которая тут же взорвалась.

– Разрушайте всё, что видите, – приказал Рудольф. – А я займусь демоном.

Маркус стремительно атаковал всех жрецов. Судя по их поведению, они не были обучены военному делу. Дрекавац настолько мнителен к изменам, что оставил своих самых верных слуг без оружия и заклинаний.

Священник пошел к черепу. Новый луч отбросило в потолок, обрушив его часть. Камни падали на трубы, разрывая их пополам. Из трещин потекла жидкость. Сквозь пролом попыталась проникнуть железная птица, но огромная капля яда, собранная от всей ненависти Брассики, поразила машину насмерть.

– Это твоя благодарность?! – заревел Дрекавац. – После всего, что я тебе дал? Ты, жалкий раб, поганый поп!

– Ты ничего не дал, – ответил Рудольф.

Следующий луч пробил щит Венеры, но молот с легкостью отбросил удар. Маркус уничтожал верных слуг, вставших грудью ради защиты Верховного лорда, попутно рыцарь кромсал шестерни и колеса механизмов, ломая их стройную работу; Brassика метала копья в чаны, пробивая металлический корпус. Девушка побежала наверх, через паутину конструкций и лестниц.

– Я уничтожу тебя! – Дрекавац пустил очередной луч.

– Внимай моим словам, и считай проклятья, – уверенно произнес священник. Его ноги аккуратно, твердо держали в бою, и смертоносный луч не мог свалить наземь преисполненного храбрости и справедливости человека. – Наступает конец твоей погибельной власти. Ты никого больше не убьешь и не отравишь.

– Нет!

Священник отразил очередной луч в механизмы, разорвав ход у большой машины, похожей на реторту алхимика.

– Ты заплатишься за то, что совершил с людскими народами, вероломный дьявол лжи и смерти.

– Нет!

Рудольф оказался в десяти шагах от черепа. Луч бил в него уже постоянно, молот нагрелся, сопротивление становилось всё сильнее.

– Маркус, Brassика, отвлеките его! – крикнул священник. – Все добрые боги, если вы меня слышите – дайте нам

силы против вселенского зла.

Брассика добралась до вершины одного из чанов. Она прочла заклинание, и из её ладоней потекли по капле кислота. Шипя и разъедая, зелёный яд проник внутрь, и вся жидкость в чане немедля забурлила.

Из раскрывшегося рта Дрекаваца хлынула отравленная вода. Янтарная глазница повернулась к Брассике, чтобы уничтожить её. Через обжигающую боль кислоты, проходящую сквозь сапоги, Рудольф вскочил на последнюю ступень. Удар в средоточие черепа оглушил металлическим гудением. Дрожь пошла по стенам зала. С потолка, застрявшие в камнях, рвались в бой новые железные птицы.

Рука священника скрепилась в единстве с молотом.

– Никаким мироправителям тьмы не будет места в нашем королевстве, – воскликнул Рудольф, все свои силы сосредотачивая в оружии.

– Нет!

– Добро мира – щит мой, и я никогда больше не обернусь против людей злом. Обновится сила моя, и потоком войдет в меня могущество добра, потому что справедливость во мне, а ты, чудовище, сгинешь прямо тут!

– Нет!

– И я призову все силы на свете! Все, кто желает светлого мира, а не тьмы, обретут долгожданную победу.

– Нет!

– Все придут против тебя, как пришли мы в твоё лого-

во, поганый зверь! – молот крошил средоточие черепа, покрывал его трещинами и зияющими дырами. – И зов мой не останется без ответа, и все угнетенные восстанут.

– Нет!

– И рот твой – могила лжи и неправды, а взгляд твой полон ненавистной зависти. Все деяния твои мы уничтожим, всех тварей подлых мы сотрём, что ты сотворил.

– Не бывает этому!

– Не будет пощады злу, никакое золото не спасет ни тебя, ни твоих приспешников. Суд над вами предопределен.

– Нет!

Брассика отравила ещё один чан кислотой, и Дрекавац захлебнулся от боли. Его луч стал прерываться. Из челюсти всё сильнее хлыстало ядовитой кровью.

– Пришло время миру, а тьме уготовлена смерть. Ты будешь изгнан отовсюду, потому что восстали отвергнутые и униженные тобой.

– Нет!

Глазница Дрекаваца пустила луч в Рудольфа. Уставший, он пропустил удар, и грудь опалило адским пламенем. Рудольф упал.

Брассика метнула костяное копье в Дрекаваца, но демон не обращал больше никакого внимания на неё. Вся его ненависть сосредоточилась на священнике. Тогда Маркус сбросил одну из бочек в шестерни. Раздался взрыв, и голубой газ зажегся от искр сломанных механизмов.

– Люди, обретшие прибежище от тебя, возликуют и запоют от радости, – обожженный кислотой и адским лучом Рудольф приподнялся на коленки. – А прислужников твоих отвергнут и осудят.

– Нет!

– И бедствия твои смоят девственной водой, а деревья излечат пораженные земли, как будто тебя никогда не бывало, проклятый ты зверь.

– Нет!

Ноги подкашивались у Рудольфа, но его душа крепла в уверенности, что победа неизбежно будет. Он оперся на молот, встал, крепко взялся за оружие, чтобы довершить начатое..

– Получат покой те, кто десятилетия страдал от тебя, чьи кости поражены были от твоих злодеяний, – удар за ударом он ломал всё могущество Верховного лорда. – Пусть борющиеся за добро получают благословение, а зло умрет, ибо в смерти не будет памяти о тебе.

– Нет!

– Не отвернется от меня народ, несмотря на мои грехи, – Рудольфов молот, дар от Дрекаваца, загорелся чистым серебряным пламенем. – Услышит народ мой клич, и будет он греметь оружием правды, изгонит вселенское зло.

– Нет!

– Ты охвачен страхом, и все содруги твои тоже горят от страха. Отступите навсегда вы в свои могилы.

– Не будет такого!

Маркус, разбежавшись с выставленным вперед кинжалом, пошел в атаку на Верховного лорда, но Рудольф не подпустил его: рукояткой молота он вдарил в грудь рыцарю: «Не твой бой. Не твой, а мой грех воздать нужно»

– Добро избавит нас от гонителей, и тебе, зверь беспощадный, уготовано забвение в земле мерзлой.

– Не уготовано!

– Все храмы твои, все замки твои, все дворцы твои в прах обернутся.

– Никогда!

– И войску твоему пришел конец, восстанут народы против тебя и сожгут всех драконов твоих.

– Ни за что!

Череп сломало пополам, янтарь выпал из глазницы. В потоках грязной кровавой воды, в осколках камней и железа показался маленький, горбатый и обезображенный буграми на лице человек. Его неестественно толстые опухшие кулаки схватились за молот, пытаясь отразить смертельный удар.

– Конец пришел испытаниям народа, в гневе его твои дела прокляты стократно.

– Нет!

– Славить нас будут как героев, ибо борцы мы за свободу от тирании зла, а колесницы твои смоем чистой рекой.

– Не смоет!

– И всех страдальцев мы вспомним, и за всех доброе имя

останется; тебе же, твари злобной, пасть в проклятьях и забвении суждено.

– Лепещишь надеждой, не бывать этому!

Брассика спустилась с верхнего яруса. Рудольф ударил головой в лоб Дрекавацу, и тот жалобно всхлипнул. Руки священника сами упали на шею Дрекаваца.

– Никогда ты не увидишь плодов своей злобы, зря только услаждался ими.

– Нет, – прошипел Дрекавац.

– И пущенные тобой металлические стрелы вернуться к твоим же тварям, и тебя лично поразят. И птиц всех железных мы собьем, и машины твои сгорят все до единого!

– Никогда, – мелкие глазки демона, спрятавшиеся в дремучих складках, налились кровью.

– Угли дождем прольются на твою обитель, и все твои обманы палящим ветром сдует.

– Нет...

Рудольф до хруста в пальцах сжал шею. Он понял, что действует из последних сил.

– Нет покоя у тирании зла. Дьявольскому началу пришел конец. Восстанет солнце мира.

Дрекавац не ответил.

– Ты уничтожен! – воскликнул Рудольф. Тело Верховного лорда обмякло, свалилось с рук священника в одну из луж, зашипело и выпустило смердящий газ. – Ты уничтожен!

Священник рухнул на пол.

Кислотные лужи, разлившиеся повсюду, громко пузырились. Гигантская машина, действовавшая благодаря тайному замыслу Дрекаваца, затихла, и поломанные части перестали биться, скрежетать, искрить и визжать. Пар исчез, бока цистерн накалились докрасна.

– Надо спасти Рудольфа. Как до него добраться? – ногу Брассики жгло от прикосновения с водой. Тогда на помощь бросился Маркус: он молнией проскочил к Рудольфу, взял его тело и так же быстро возвратился. Сапоги на ногах рыцаря прожгло до дыр.

– Отец Рудольф! – позвала Брассика. – Вы победили! Это победа!

Всё тело священника обгорело, и едва ли можно было найти живое место на нём. Щеки впали, а глаза от безумной боли уставились в потолок. Из уст слышалось только одно:

– В молодых греха нет. Предки предали молодых, не довершили начатое.

– Ты можешь излечить его? – спросил Маркус. – У тебя есть заклинание или зелье?

Рудольф дышал прерывисто, не смотрел ни на кого.

– Да нет у меня ничего! – вскрикнула отчаянная Брассика.

Из потолочной дыры показался рассвет: бледно-голубой, только подающий надежду, очертил горную цепь на горизонте.

– С молодых спросу нет. Прокляты те, кто оставил моло-

дых, – агонизирующий Рудольф взялся за руку девушки.

– Отец Рудольф! Ну зачем вы так?

– Дружище, ну почему же ты не дал тебе помочь? – Маркус взялся за вторую руку Рудольфа.

– Молодые стада греха не несут, пастухи повинны в жертвах, – из последних сил произнес священник.

Затихли уста Рудольфа.

Маркус взглянул на Брассику. Её волосы повисли над телом священника, а с лица тихо падали горечные слёзы. Рыцарь прижал её к себе. Она не сопротивлялась.

Пожар охватил останки Дрекаваца. Взрывались бочки и трубы, стреляло огнем, крушились пошатнувшиеся стены. Маркус и Брассика продолжали сидеть над умершим другом, не обращая внимания на происходящее.

Рассвет нового дня, серебристый от своей бесконечной чистоты, согревающий и преображающий, неумолимо воцарялся над землёй.

Конец

Вы дочитали роман. Я надеюсь, что Вам понравилась рассказанная история. Поддержите меня донатом, оставьте комментарий или сделайте репост. Это действительно важно!